

INSPIRIA

ПЛОХАЯ КРОВЬ

САРА
ХОРНСЛИ

INSPIRIA

Annotation

ГЛАВНЫЙ ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ДЕБЮТ 2025 ГОДА ПО ВЕРСИИ AMAZON.

Когда-то он был ее первой любовью. А теперь она должна посадить его за двойное убийство...

Джастина Стоун покинула родной город в Эссексе восемнадцать лет назад – и с тех пор не оглядывалась в прошлое. Вышла замуж, построила блестящую карьеру прокурора и редко вспоминала свою первую любовь Джейка Рейнольдса. Пока однажды ей не поручили дело о двойном убийстве. Тогда-то она и увидела его лицо на фото из материалов дела. Некий Брэд Финчли, обвиняемый в ужасном преступлении... Знакомые глаза буквально выбили у нее почву из-под ног.

Но почему у него сейчас другие имя и фамилия? Где он пропадал все эти годы? Что и зачем совершил?

Тот Джейк, которого любила Джастина, никогда никому не навредил бы. Но по мере того, как начинают всплывать доказательства, ей приходится признать, что, возможно, она вообще никогда не знала его. Ни его, ни свою собственную семью, из которой Джастина сбежала много лет назад...

«Невероятно захватывающе. Триумф!» – КЛЭР ДУГЛАС, автор бестселлера № 1 «Пара в доме № 9»

«Превосходный дебютный психологический триллер. Безупречная структура. Напряженно умный и шокирующе захватывающий. БЛЕСТЯЩЕ». – УИЛЛ ДИН, автор «Пусть все горит» и «Последний пассажир»

«Это сложный, умный триллер, который прекрасно погружает в семейную динамику и политику маленького городка. Мне он понравился». – ДЖЕННИ ГОДФРИ, автор бестселлера Sunday Times THE LIST OF SUSPICIOUS THINGS

«Я погрузилась в эту историю о маленьком городке, где у всех есть секреты, и все не совсем то, чем кажется. Сара Хорнсли берет нас в хорошо продуманное путешествие, полное напряжения и поворотов. Клаустрофобный и тревожный в лучшем смысле этих слов, этот роман

наверняка станет лучшим триллером 2025 года». – РОКСИ КУПЕР,
автор «THE DAY WE MET»

- [Сара Хорнсли](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 8](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 9](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 28](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 36](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
 -
 - [Прежде](#)
- [Глава 39](#)

- - [Прежде](#)
 - [Глава 40](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 41](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 45](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 46](#)
 -
 - [Сейчас](#)
 - [Глава 47](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Глава 48](#)
 -
 - [Прежде](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)

Сара Хорнсли

Плохая кровь

*Посвящается моим родителям, Вэл и Берни,
которые научили меня тому, что никакая мечта не
бывает слишком большой*

Ток. Дом лжи. Расследование семейных тайн

Sarah Hornsley
Bad Blood

Copyright © Sarah Hornsley 2025
All rights reserved.

Перевод с английского *М. В. Смирновой*

© Смирнова М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Мне было семь лет, когда я узнала, что листья алоэ – лучшее лекарство от ожогов. Стоя у кухонной двери, я смотрела, как моя мать режет ножом пополам мясистый лист, потом выскребает его мякоть и наносит на верхнюю часть руки. Понадобилось почти три недели, чтобы ожог зажил – сначала он сделался желтым, как жир, посередине, а потом превратился в идеально круглый шрам. Я никогда не заговаривала о нем; когда мама повернулась в мою сторону, я отпрянула за косяк, чтобы она меня не заметила.

Именно поэтому я знаю, что обвиняемый лжет относительно ожога. Я записываю это на листке бумаги и передаю туда, где стоит Чарльз Коул, ведущий перекрестный допрос. Он бросает взгляд на листок, потом на меня. Я вижу, что он в замешательстве – но верит мне. Я – его протеже, восходящая звезда, и потому, поколебавшись всего несколько секунд, он жестом велит мне встать, а сам отходит обратно к столу.

Чарльз предоставляет мне вести суд – выступать на нашей сцене.

– Мистер Джексон. – Я улыбаюсь обвиняемому, но мою улыбку трудно назвать дружелюбной. Я – волчица в судейской мантии. – Я хотела бы занять минуту вашего времени, чтобы проверить сведения, которые вы только что предоставили суду. – Делаю жест в сторону присяжных, чтобы они поняли: я собираюсь разоблачить сказанную обвиняемым ложь. Я хочу, чтобы они прочувствовали это лично. – Когда двадцать второго ноября прошлого года вы пришли в дом к Питеру Тейлору, ожидали вы застать его дома?

– Не ожидал. – Джексон мотает головой, и я вижу, что он понятия не имеет, к чему я клоню. Он думает, будто я ничего не понимаю, и просто тянет время.

– Когда же в действительности Питер оказался дома и столкнулся с вами на кухне – можете ли вы еще раз поведать суду, что произошло тогда?

– Конечно. – Обвиняемый пожимает плечами. – Он напал на меня.

– Можете ли вы описать суду ход этого нападения?

– Он дернул меня за ноги и повалил на пол, и мы некоторое время боролись; он пытался схватить меня за шею, но я сумел вывернуться. Я пытался убежать и уже повернулся спиной к нему, когда он, судя по всему, схватил утюг, стоящий на доске сбоку от него. В следующий момент я почувствовал жгучую боль в левом плече.

– Он обжег вас утюгом?

– Да.

– Но не ударил им вас? Это тяжелый предмет. – Я вижу, как он бросает взгляд на своего адвоката, Роуз Боллард, прежде чем ответить мне. Она не подготовила его к подобным вопросам.

– Ну, к тому моменту я уже был довольно далеко от него, я же пытался уйти... Полагаю, он бросился вперед и коснулся меня утюгом.

– И что было дальше?

– Я резко обернулся. Он уже стоял гораздо ближе ко мне. И занес утюг, как будто собираясь снова ударить меня им.

– Можете ли вы сказать мне, о чем подумали, когда осознали, что он обжег вас и по-прежнему держит в руках утюг?

– Я подумал, что сейчас он убьет меня. – Говоря это, обвиняемый смотрит на присяжных, вид у него скорбный и жалкий. Он не осознаёт, что мгновение назад дал мне именно тот ответ, которого я ждала.

– И как именно вы на это отреагировали?

– Я ударил его ножом.

– Сколько раз?

– Пять. Это была самозащита.

Я делаю паузу, чтобы все осмыслили его слова. Не один раз, а целых пять.

– Хорошо. Можете ли вы подтвердить мне, что ударили ножом мистера Тейлора из самозащиты именно потому, что он обжег вас утюгом?

– Совершенно верно. До этого я уходил, повернувшись к нему спиной. Я вам говорю – он бросился на меня.

Я стараюсь не улыбаться – время открывать карты еще не настало.

– У вас остались раны в результате нападения мистера Тейлора?

– Мы уже обсуждали это, – вздыхает он, явно утомленный моим допросом. Хорошо. Чем сильнее раздражен обвиняемый, тем больше вероятности, что он ошибется. Мы берем их измором.

– Окажите мне любезность, – говорю я с драматическим жестом, и кто-то из присяжных фыркает.

– У меня остался шрам на задней стороне плеча.

– И этот шрам был, когда полиция арестовала вас спустя неделю после того, как Питер Тейлор был убит в собственной кухне. Верно?

– Это так. Они сфотографировали этот шрам и все такое. Я не лгу. Я поднимаю брови. Он начинает потеть.

– Итак, убитый обжег вас утюгом достаточно сильно, чтобы остался шрам. И этот ожог зажил неделю спустя после того, как рана была нанесена, а предъявленные суду фотографии были сделаны именно во время вашего ареста, через неделю после нападения?

– Э-э-э...

– Просто ответьте на вопрос, пожалуйста. Просто «да» или «нет».

– Да.

– За этот период времени между получением ожога и вашим арестом – всего одна неделя – вы получали какое-либо лечение или медицинские советы? Вы искали в интернете способы лечения ожогов? Вы делали что-либо, чтобы побыстрее залечить его?

– Насколько я помню, нет.

– Дело в том, мистер Джексон, что ожог второй степени, который вы должны были получить, чтобы остался шрам, наблюдаемый нами на фотографиях, заживал бы по меньшей мере две или три недели – и это при использовании самых эффективных методов лечения.

– Ну, у меня это не так, – решительно отвечает он, и его взгляд из щенячье-жалобного превращается в угрожающий. «Вот именно, я тебя раскусила». В моей крови начинает бурлить адреналин. Это ощущение способно вызвать привыкание.

– Я довожу до вашего сведения тот факт, что обычно требуется от двух до трех недель, чтобы ожог на вашем плече превратился в шрам. Он не мог быть нанесен во время нападения, которому вы предположительно подверглись со стороны мистера Тейлора; это должно было случиться задолго до того, как вы вторглись в его дом, иначе к моменту вашего ареста этот ожог все еще представлял бы собой открытую рану. Говоря другими словами, рана, от которой у вас остался этот шрам, должна была быть нанесена минимум – я повторяю, *минимум* – за неделю до инцидента, из-за которого вы сейчас находитесь под судом. По сути, я полагаю, раз уж этот шрам –

единственная рана, которую вы, по вашим показаниям, якобы получили от мистера Тейлора, то никакой атаки со стороны погибшего не было и вы убили его в его собственном доме. И самое главное – убили его не из самозащиты, а просто потому, что могли это сделать.

Он не говорит ничего, просто смотрит на меня затравленно, точно кролик в свете фар машины.

– Мистер Джексон, – повышаю я голос, – я права? Вы получили этот ожог еще до упомянутого вечера?

Я смотрю, как он с силой трет руками лицо, оставляя на щеках красные полосы от пальцев. Он вот-вот сломается. Мы выиграем дело.

* * *

Гардеробная – чересчур пышное название для этого помещения, однако нельзя недооценивать его романтизм. Мне просто необходимо провести здесь некоторое время, насладиться ощущением товарищества – пусть даже мои товарищи только что выступали в суде с противоположной стороны, – чтобы из непреклонного юриста снова сделаться нормальным человеком. Не знаю, смог бы мой брак просуществовать так долго без этих минут в гардеробной. Если говорить честно, я очень в этом сомневаюсь. Есть две грани моей личности, которые постоянно тянут меня в противоположные стороны. Одна часть полна упрямой решимости выиграть, невзирая на цену; другая отчаянно жаждет стабильности. Похоже, я никак не могу определиться с тем, что же именно называю успехом.

Поэтому, когда Роуз спрашивает, пойду ли я вместе с ними в «Корабль» праздновать день рождения Лары, я колеблюсь. Лара работает на ту же юридическую палату, что и Роуз, и изначально я познакомилась с ней в том же «Корабле» – это одно из тех мест, куда после работы часто наведываются лондонские юристы. Но пару раз мы пересекались в зале суда. Могу поспорить, что большинство тех, с кем я работаю, будут на этой вечеринке.

Всем известно: в часы, проводимые в пабе, по-прежнему вершатся важные дела. Как бы старомодно это ни звучало, такова нынешняя реальность. Проблема в том, что ты не знаешь, когда начнутся важные разговоры, и, как следствие, не можешь

стратегически оказаться в нужном месте, а потом по-быстрому свалить. Эти разговоры могут завязаться в десять часов вечера. Могут в час ночи. Зачастую в три часа ночи. И никогда – раньше девяти вечера. Нужно заранее настроиться на то, что вечеринка будет долгой, – или ты с таким же успехом можешь вовсе не приходить на нее.

И потому я с извинениями отказываюсь и широко улыбаюсь женщине, которой только что в течение шести часов противостояла в зале суда. Снимаю свой парик – он такого же изжелта-белого цвета, как обшарпанные стены помещения, – и собираю свои вещи, а затем направляюсь домой. Я сказала Роуз, что сегодня пятая годовщина нашей с Ноем свадьбы, однако умолчала о том, что его нет дома, поскольку он улетел по делам в Париж; о том, что в этот вечер мы с ним разделим ужин за сотни миль друг от друга, положившись на неверное вайфай-соединение ради создания некоего подобия романтической атмосферы.

Совсем иначе мы провели прошлую годовщину – в постели оксфордского отеля, где на стол подают только продукты местного производства, а в каждом номере есть большой камин. Я улыбаюсь воспоминаниям – это действительно были идеальные выходные, проведенные вместе с моим идеальным мужем. Я признаю, что мы выложили абсурдно огромную сумму за одну ночь, но учитывая, что в этом году мы вроде как и не отмечаем эту важную дату, то, может быть, на будущий год я предложу поехать туда снова.

– Ты отлично справилась, Джастина, – говорит мне вслед Роуз. – Сильна, как обычно... Но в следующий раз я выиграю.

Я слышу в ее голосе улыбку. Ни следа злости. В нашем деле нельзя держать обиду ни на кого – если хочешь выжить.

– Посмотрим, – бросаю я через плечо и улыбаюсь, хотя уверена, что эта улыбка не протянет долго. Я всегда напоминаю себе, что не следует торжествовать из-за победы в суде. Есть что-то отвратительное в том, что на твоей совести – чье-то тюремное заключение. Я не говорю, будто это неправильно, не говорю, что обвиняемые этого не заслуживают, однако за время судебного разбирательства ты поневоле узнаешь их. Не лично, конечно, но возникает ощущение, что я отчасти как будто становлюсь ими.

Я предпочитаю считать, что это изучение личности обвиняемого. Просто невозможно игнорировать нюансы того, как каждое событие в жизни человека влияет на его внутренний облик. Что было бы, если бы можно было избавить их от всего этого? Позволить им родиться заново, начать сначала? Заслуживают ли люди второго шанса?

В том, что касается моей работы, ответ «нет», однако я провожу один час в неделю у своего психотерапевта Айи, убеждая себя в том, что заслуживаю именно этого: что я достойна съездить в роскошный отпуск в шикарном отеле вместе со своим любящим мужем.

* * *

Проблема с красным вином одна: каким бы землистым или дымным ни был заявлен его аромат, в тот момент, когда оно витой струей льется в бокал, все, что я чувствую, – характерный железистый запах крови.

– За нас, – произносим мы с мужем в один голос и улыбаемся, делая вид, что чокаемся бокалами.

Я смотрю на изображение Ноя на экране поверх очков. Он так и не снял официальный костюм после долгого дня в офисе, но воротник его рубашки расстегнут, галстука нет – и я думаю о том, как сильно он не похож на тот образ супруга, который я всегда себе представляла. Отгоняю эту мысль. Позволяю себе быть счастливой. Ной красив, очень красив, и при этом добр.

«Эти два качества редко сочетаются в одном мужчине; считай, что тебе повезло», – говорила мать.

И хотя мне неприятны двойные стандарты – ведь любая женщина без исключения должна быть и красивой, и доброй, – мама права. Мне повезло. С того момента, как я открыла входную дверь, стало ясно, что Ной изо всех сил старается сделать сегодняшний вечер особенным для меня. Служба доставки привезла на дом бутылку шампанского – «Боллинджер», подумать только! – и букет белых роз (моих любимых). К тому же мне пришла инструкция, как включить на «Спотифай» новый список музыки. Ной составил его из мелодий, которые звучали на нашей свадьбе.

«Мне дозволено быть счастливой. Я этого достойна. Не нужно отталкивать Ноя».

Есть у меня такая мерзкая черта: когда мне кажется, что события ускользают из-под контроля, мне хочется отдалиться от мужа. Как будто самый простой способ справиться с боязнью потерять его – это вообще отказаться от него. Тогда никто не сможет отобрать его у меня. И он не сможет решить, что больше не любит меня, – что еще хуже. Проблема в том, что в последнее время я часто испытываю это чувство – словно почва уходит из-под ног.

Я слышу стук в дверь его номера в отеле, и тихий голос объявляет о том, что доставка прибыла.

– Ага! А вот и главное блюдо! – восклицает Ной, прежде чем спешно исчезнуть с экрана, чтобы открыть дверь и забрать у курьера яблочный крамбл^[1]. Мой муж обычно не склонен ни восклицать, ни спешить, и даже на расстоянии я чувствую, что он изо всех сил старается произвести впечатление.

За короткое время его отсутствия я украдкой бросаю взгляд на телефон. Я обещала Ною: сегодня вечером не будет никаких телефонов (что означает – никакой работы), и сдержала слово, убрав свой рабочий телефон в ящик стола. Однако мой личный телефон лежит под монитором, где его не видит камера. Я не знаю, почему делаю это, – полагаю, я просто испытываю постоянную необходимость быть на связи, вместо того чтобы наслаждаться уединением.

Айя предполагает, что мелькание записей в соцсетях помогает мне справиться с собственными мыслями. Она отмечает это стремление как «нездоровое». Я чувствую, как по моим пальцам распространяется зуд, и, не успев даже осознать, что делаю, я захожу в «Инстаграм»^[2], чтобы посмотреть, как мои коллеги отмечают день рождения Лары. В моей новостной ленте нет ничего. По сути, там не появилось ничего нового с тех пор, как я в прошлый раз заходила туда, и я ловлю себя на том, что бездумно ввожу в поисковую строку в верхней части приложения: «Джейк Рейнольдс».

Это привычка, от которой я так и не смогла избавиться. Почти восемнадцать лет назад я могла искать только в «Фейсбуке», но теперь вдобавок существуют «Инстаграм» и «Твиттер». Каждый раз мне выпадает длинный список Джейков Рейнольдсов, но ни один из них не *тот*.

Не знаю, зачем я продолжаю это делать. Не то чтобы я ожидала, что его учетная запись спустя столько лет появится в верхней строке результатов у меня на экране. Но это такое же привычное действие, как разблокировать телефон или проверить электронную почту: набор *его* имени в поисковой строке укоренился в моей мышечной памяти. Я делаю это неосознанно, но не могу прекратить.

Я чувствую, как меня грызет вина за то, что в день нашей с Ноем годовщины я ищу в соцсетях Джейка. Я люблю своего мужа, по-настоящему люблю, но первая любовь никогда не забывается. А Джейк был не просто моей первой любовью. Он спас меня. А потом бросил меня. Полагаю, это одна из причин того, почему следующим, в кого я влюбилась, был Ной. В некоторых отношениях они похожи: оба позволяют мне почувствовать себя в безопасности, но достигают этого совершенно разными способами.

Джейк позволил мне чувствовать себя достаточно безопасно, чтобы быть собой, чтобы дать себе волю, чтобы стать свободной от оков чужих ожиданий. Мне было дозволено чувствовать себя сильной. Быть с Джейком – это все равно что включить громкую музыку и понять, что ты танцуешь под нее, не беспокоясь обо всем остальном мире.

С Ноем по-другому. Он прочный. Надежный. Я чувствую уверенность в том, что он не покинет меня. Эта любовь не похожа на взрыв фейерверка – мы не самая зажигательная пара в мире, – но она тоже сильная, только по-другому. Она надежная. Прочная. Настоящая.

Мы даже начали задумываться о том, чтобы обзавестись ребенком. Ну, то есть Ной начал. Мысль о том, чтобы стать матерью, не очень-то естественна для меня. Это звание – «мать» – и все, что оно означает... Это не так-то легко. Что, если я не справлюсь? Не все предназначены для материнства. Я знаю, какой вред можно причинить, если что-то пойдет не так. Смогу ли я стать хорошей матерью? Я в этом не уверена. Честно говоря, мне кажется, что желание Ноя обзавестись ребенком в изрядной степени в ответе за то чувство неуверенности, которое я испытываю в последнее время. Эта тема напоминает мне о *моей* матери. О ее просчетах. Обо всем, чего я надеюсь избежать.

Ной возвращается к своему ноутбуку с довольным видом и демонстрирует мне тарелку с едой, и я убираю телефон из поля зрения

камеры. Делаю глоток красного вина и говорю, что его ужин выглядит вкусным. И что я хотела бы разделить этот ужин с ним. Он улыбается мне, и я отгоняю прочь ползущие сомнения, тот голос у меня в голове, который назойливо вопрошает: «Но настоящее ли все это?»

Глава 2

Я лежу в темноте, глядя на сообщение, которое Ной прислал мне ровно четыре минуты назад. Я знаю, чего он хочет; знаю, что ему, должно быть, кажется вечностью то время, в течение которого я набираю, а потом стираю ответ. Набираю, потом стираю. Не так давно я сочла бы это сообщение возбуждающим, сексуальным, медленный жар желания распространялся от пальцев моих ног по всему остальному телу, когда мы переписывались вот так по ночам, пока Ной был в командировках. Но сегодня я просто не могу подобрать слова.

«Он хороший. Ной хороший. У нас все хорошо».

Я мысленно повторяю это снова и снова, заставляя себя нажать кнопку «отправить». Но прежде чем успеваю это сделать, мерзкий внутренний голос снова начинает звучать в моих ушах. В последние месяцы он становится громче и нашептывает мне сомнения, когда я менее всего этого ожидаю.

«Но достаточно ли ты хороша?»

Чего я боюсь? Я знаю, что Ной не отвергнет меня. И все же чувствую, как мое беспокойство подтачивает наши отношения, разъедает наш брак по углам, омрачает по краям. Чем сильнее я впадаю в панику, не зная, что ответить, тем быстрее бьется мое сердце, а потом я снова оказываюсь *там*.

Поймана. Заперта. В темноте.

Я хватаю воздух ртом.

На прошлой неделе, сразу после того, как Ной снова заговорил о том, чтобы завести ребенка, Айя сказала мне, что в моменты сильного стресса травматические события, которые мы считали проработанными, могут всплыть снова.

«Ты сейчас испытываешь чрезмерный стресс, Джастина? Что-то случилось?»

«Нет», – солгала я. Я не вполне готова была обсуждать это с ней. Я хотела как можно дольше избегать разговоров о своей матери, однако знала, что именно к этому Айя и подводит разговор.

В груди все стягивается в тугий узел, от основания черепа распространяется тупая боль. Я перебрасываю ноги через край

постели – мне нужно ощутить под ступнями твердый пол, чтобы вернуться к реальности. Постепенно это ощущение начинает действовать, и, когда туман рассеивается, я беру в руки телефон, который оставила валяться посреди кровати.

Извини, я очень устала. Поговорим завтра. Счастливой годовщины. Я люблю тебя. Целую.

Я набираю это в быстром темпе и нажимаю «отправить», пока не передумала.

Одиннадцать часов вечера, среда, но, рассудив, что мои коллеги в баре все еще заказывают выпивку, я наливаю себе большой бокал вина и включаю лэптоп. Такова особенность работы юриста по уголовным делам. Преступления никогда не прекращаются, а значит, у нас всегда есть работа. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я в последний раз брала отпуск – настоящий отпуск, когда я прекращала быть Джастиной-юристом и была просто Джастиной. Женой. Любовницей. Подругой.

Я просматриваю двадцать с лишним писем, упавших мне на электронную почту за те три часа, пока я в нее не заглядывала, и мой взгляд выделяет среди них письмо от главы адвокатской палаты, Чарльза Коула. Заголовок письма краток: «СРОЧНО!» Я бегу за рабочим телефоном, который так и лежит в ящике стола.

Три пропущенных вызова.

Я играю с мыслью о том, чтобы перезвонить Чарльзу, но в голове у меня звучит голос Айи, напоминая мне о необходимости очерчивать границы, и вместо этого я возвращаюсь к лэптопу.

Джастина, только что пришло важное дело. Нам нужно, чтобы кто-нибудь этим срочно занялся. Уже порекомендовали Майка, но я думаю о том, чтобы внести в списки ваше имя. Если вы хотите участвовать, нужно как можно быстрее ответить мне. Это дело не из тех, что могут ждать долго. Предварительные подробности прилагаю.

«Извини, Айя, некоторые границы приходится нарушать...» Я даже не открываю вложенный файл – нельзя больше тратить ни минуты. Я надеюсь, что Майк слишком увлекся поглощением текилы и

все еще слоняется по «Кораблю», развлекая молодежь рассказами о своих судебных успехах.

Чарльз отвечает после третьего звонка:

– Так, значит, вы еще живы...

– Я берусь за это, – выпаливаю я в ответ.

– Это важное дело, Джастина, – предупреждает Чарльз. – Такие попадают нечасто, и это будет ваше первое дело об убийстве. Вы готовы? СМИ наверняка в это вцепятся. Каждая ваша фраза будет подхвачена, изучена, проанализирована и, скорее всего, появится на первых страницах газет. Вы сможете справиться с этим? Лучше, чем Майк?

Я отчаянно думаю, что ответить. Почему я не прочитала файл с подробностями? Я просто ухватила за этот шанс, зная, что при рассмотрении определенных дел я справляюсь лучше Майка и надеюсь, что это одно из них.

– Майк может действовать эффектно и четко, надо отдать ему должное. Он может завоевать присяжных, но я могу рассказать им историю. Заставить их полюбить не меня, а жертву. Для некоторых дел нужна акула, такая как Майк. Для других нужен юрист, способный сплести тонкую сеть, предоставить полную картину. Для таких дел нужна я.

В динамике телефона гремит смех Чарльза.

– Хорошо, Джастина. Я посмотрю, чего смогу добиться от судебных клерков. Хорошо, что Майк все еще плавает в море текилы... И мне нравится ваш боевой дух.

Звонок завершается, и я закрываю глаза. Договоренность еще не достигнута, но если кто и может поколебать судейских чинуш, то это Чарльз. Он был юристом по уголовным делам более тридцати лет и выиграл множество сложных дел.

Пару минут спустя, когда я наливаю себе второй бокал вина, экран моего телефона зажигается снова.

Оно твое. Если хочешь просмотреть материалы вместе со мной, я буду в палате завтра в восемь утра.

Если глава юридической палаты предлагает тебе свой совет в твоём первом деле об убийстве, нужно принять этот совет. Я делаю

глубокий вдох и снимаю домашние тапочки, чтобы почувствовать под ступнями холодные деревянные половицы. Вот оно. То дело, которого я ждала.

Это *мой* момент.

Глава 3

Когда в семь сорок пять я стучусь в кабинет Чарльза, он уже сидит за своим столом. Как бы я ни старалась, Чарльз всегда опережает меня на шаг.

Слегка помахав ему рукой, я демонстративно открываю коробку с пирожными, которые купила в роскошной, вполне достойной поста в «Инстаграме» кондитерской, недавно открывшейся по соседству.

– Заправка для мозгов, – поясняю я.

– Вижу, что я не зря предпочел вас Майку. – Чарльз улыбается. Он внушает ужас всем остальным юристам, против которых выступает, этот факт широко известен, но как только он снимает парик, то совершенно преображается. Нет парика – нет и клыков. – Что ж, перейдем к делу, а потом я оставлю его вам. Вам понадобится все время, каким вы располагаете, чтобы подготовиться. – Чарльз постукивает средним пальцем по папке, перевязанной тонкой розовой ленточкой, а потом подвигает ее ко мне через стол.

Вчерашнее электронное письмо прояснило весьма немного. Брэд Финчли – белый мужчина тридцати пяти лет, против которого выдвинуты обвинения в двойном убийстве. Прежде мне не приходилось заниматься настолько серьезными делами, и Чарльз прав: СМИ любят освещать суды, связанные с убийствами. Но чтобы два трупа сразу?.. Это будет пиршество для акул.

Для признания вины и подготовки к судебному слушанию установлен срок в пять недель. Именно к этому времени от меня требуется выдвинуть исковое заявление против обвиняемого, и в итоге он будет признан либо виновным, либо невиновным. Подозреваю, что, поскольку дело настолько серьезное, адвокат посоветует обвиняемому заявлять о своей невиновности, в надежде, что в самом крайнем случае убийство классифицируют как непредумышленное. Я уже готовлюсь в течение полугода вести судебное дело. Вести битву.

В моей крови вскипает адреналин.

Вот почему я стала криминальным юристом.

Полная предвкушения, я придвигаю папку ближе к себе. На первой странице в обязательном порядке размещается снимок,

сделанный при аресте, и изложение фактов об обвиняемом. Мне всегда интересно увидеть, кто обвиняется в совершении преступлений, за которые мы его караем. Это моя работа как юриста по уголовным делам – работать ради кары преступнику, вне зависимости от того, кто он и откуда.

Конечно, было бы наивно утверждать, будто я не понимаю, насколько несовершенна по сути наша судебная система, но моя работа всегда одинакова, без исключения: я следую материалам дела и подбираю факты так, чтобы они были наиболее *убедительны*.

Мы – мастера манипуляций.

Я выдвигаю обвинение вне зависимости от того, считаю ли я, что человек совершил то, в чем его обвиняют, или нет. Именно так нас учили, именно на этом построена наша юридическая система – честный суд. И чтобы он был таковым, обе стороны тяжбы должны быть представлены в равной степени *убедительно*.

За свою карьеру я часто изумлялась тому, насколько разными способами можно показать те или иные факты, и гадала: насколько это относится к истинам нашей повседневной жизни, к тому, как мы взаимодействуем с другими людьми? Насколько часто в этой жизни встречается непонимание или неправильная интерпретация? Когда занимаешься такой работой, начинаешь видеть, насколько «серым» может быть даже самый однозначный сценарий. Суд работает только тогда, когда обвинение и защита делают всё, что в их силах.

Мне доводилось бывать на ужинах, устраиваемых людьми среднего класса, и я слышала, как большинство моих коллег на вопрос: «Что вам больше всего нравится в вашей работе?» – отвечают: «Выигрывать». Мне этот ответ всегда казался до ужаса скучным – по крайней мере, от людей, чьей работой было устраивать спектакль в зале заседаний. Мы все любим выигрывать, это природное стремление – выживание наиболее приспособленных. Меня куда больше пленяют люди, стоящие за каждым делом. Психология всего этого. Кто они. Что они сделали. Почему они это сделали. Это мое тайное оружие в суде. Я – рассказчик, и, чтобы рассказать историю этих людей, мне нужно узнать их.

«Кто ты, Брэд Финчли? Что ты сделал? И почему ты это сделал?»

Я развязываю тесемки. Начинаю складывать головоломку.

И вот он, Брэд Финчли. Смотрит на меня глубокими карими глазами, слегка выпятив крепкий подбородок. Я с излишней резкостью ставлю на стол стакан, и вода плещет через край, брызгая на страницу и размывая чернила.

Я прослеживаю взглядом короткий шрам на его правой щеке. Следую по этой линии до его губ, до самого изгиба «лука Купидона» – я часто обводила этот изгиб кончиком пальцев и шутила, что он слишком совершенен, чтобы принадлежать настоящему человеку... А чуть ниже левого уголка рта виднеется другой шрам, поменьше, его легко не заметить, если не знать, куда смотреть. Я проводила часы, складывавшиеся, наверное, в целые дни, изучая это лицо; я знаю, куда смотреть.

Потому что я всеми фибрами своего существа уверена: человек, смотрящий на меня с фотографии, – не Брэд Финчли.

Это Джейк Рейнольдс.

Мое сердце начинает часто стучать о ребра. Колотиться. Стремиться выскочить вон. И неожиданно я снова оказываюсь там.

Одна. Заперта. Окружена лишь темнотой. На этот раз стучит не только мое сердце, пытаюсь пробить путь наружу, но и мои кулаки. Громко и отчетливо. Безуспешно.

Джейк Рейнольдс. Где ты был? И почему бросил меня?

* * *

– Итак, интересная подробность касаясь обвиняемого: чуть меньше двадцати лет назад он легально сменил имя, став из Джейка Рейнольдса Брэдом Финчли.

Слова Чарльза глубоко уязвляют меня. «Интересная подробность»... Как будто Джейк – злодей в телевизионной драме и всё это – просто интригующий поворот сюжета, а не новости о человеке, который разбил мое сердце и так и не вернулся ко мне. Который, как выясняется, сменил имя и фамилию, чтобы я уж точно никогда не смогла его найти. Неужели он действительно так сильно ненавидел меня за то, что я сделала?

– Джастина? – окликает Чарльз. – С вами всё в порядке?

Я моргаю и заставляю себя отвести взгляд от снимка, с которого смотрит на меня Джейк. Смотрю прямо на Чарльза и отвечаю, что со мной всё в порядке, просто легкое похмелье, а потом чувствую, как мое тело встает со стула и идет к двери. Слышу, как мой голос заявляет, что мне просто нужно «подышать несколько минут».

Пока все это происходит, я словно наблюдаю эту сцену из угла комнаты. Я говорю нужные слова, действую так, будто всё в порядке, иду, переставляя ноги одну за другой, но в то же самое время все это делаю не я. Подлинная я разбита на миллионы частей.

В последний раз я видела Джейка в 2005 году, после рождественской вечеринки, устроенной юридической фирмой моего отца. Тот вечер изменил все – и всех. Я знаю, что я – не та личность, которой была тогда, и, думая сейчас о Джейке – или мне следует называть его Брэдом? – я гадаю, кем он стал. Убийцей?

Я часто думала о нем. Представляла, как он может выглядеть спустя столько лет. В спокойные моменты своего брака с Ноем я ощущала вину за это. Говорят, что никакая любовь не сравнится с твоей первой. Это не значит, что ты не полюбишь никого другого, но это будет уже другая любовь. Менее всепоглощающая. Возможно, более здоровая.

Мы с Джейком были воплощением первой любви. Такой, которую можно увидеть в фильмах, прочитать о ней в книгах. Такой, которая неизбежно заканчивается трагедией. Это единственный возможный финал. Такая любовь не может длиться вечно.

По крайней мере, так я рационализировала это для себя. Как Ромео и Джульетта. Взрывной финал для взрывной любви, прежде чем та выгорит дотла. Так она может навеки остаться живой и яркой. Ромео и Джульетта не были бы Ромео и Джульеттой, если б состарились вместе и стали бы скучной пожилой парой, спорящей из-за того, что будут есть на ужин.

Если б Джейк не ушел, быть может, со временем это чувство выцвело бы. Стало бы чем-то другим. Чем-то более мелким...

Я распахиваю дверь туалета и смотрю на себя в зеркало. Сжимаю края раковины так, что костяшки пальцев становятся белыми. «Джейк Рейнольдс, что ты наделал?» – шепчу я.

Мне кажется, я не произносила его имя с того дня, как осознала, что он не вернется. Это был ужасный день. Но это было и начало

новой главы в моей жизни; полагаю, можно сказать, что в тот день родилась новая я – та Джастина, которая сейчас замужем за Ноем.

Говорят, что нужно достичь дна, чтобы всплыть на поверхность. Что ж, я достигла дна, а потом еще раз, но мне действительно удалось всплыть. Почти восемнадцать лет спустя я успешно исключила Джейка Рейнольдса из своей жизни – если не считать редких попыток поиска в интернете.

Что-то задевает струнку в моей памяти. *Финчли*. Наш любимый ресторан назывался «Финчес» – «Зяблики».

Брэд Финчли.

Это совпадение? Какая-то дурацкая шутка? Значит ли это что-нибудь?

Мне хочется плеснуть себе в лицо холодной водой, но, поскольку сегодня утром мне не нужно было присутствовать в зале суда, мои губы накрашены ярко-красной помадой – как знак вызова патриархату. Поэтому я просто несильно пинаю ногой стену под раковиной.

* * *

Я каким-то образом ухитряюсь дойти обратно до кабинета Чарльза и высидеть совещание до конца, кивая и искреннее заверяя, что слышу его советы. А теперь сижу в своем кабинете, медленно вращаясь на офисном кресле. Папка закрыта и отодвинута на край стола, как будто я могу обжечься, коснувшись ее.

Я искала в интернете Джейка Рейнольдса и не находила никаких следов. Ни единой фотографии в «Гугле», ни учетной записи в «ЛинкдИн». Но я никогда не искала Брэда Финчли. Я прекращаю вращаться и открываю свой лэптоп. Ввожу в поисковую строку «Фейсбука» это незнакомое имя – медленно, буква за буквой – и задерживаю дыхание.

Загружаются результаты поиска, и нужная мне учетная запись появляется на пятой строке сверху. Учетка настроена как «закрытая», но я вижу его фотографию на главной странице. Его кожа покрыта загаром, на нем простая белая футболка. Низко нависшие брови. На подбородке короткая щетина – явно отпущенная не из небрежности, а из намерения выглядеть более мужественно. Улыбка слегка кривая, как

будто он знает что-то, чего не знаю я. Когда-то эта улыбка сводила меня с ума...

Он не похож на убийцу, но не нужно быть юристом, чтобы знать: преступные действия совершаются не только теми, кто злобен по сути своей. Я слишком хорошо знаю, что в жизни человека могут случиться вещи, которые запустят эффект лавины, и в конечном итоге ты совершишь поступки, на которые – как тебе всегда казалось – не был способен.

Разбитое стекло. Море красной жидкости. Течет не останавливаясь.

В досье указано, что постоянное место его проживания – Молдон, графство Эссекс; то самое место, где мы оба выросли. Почему Макс или мама ничего не говорили мне? Знали они, что он вернулся? Как долго он прожил там? Зачем менять имя, а потом возвращаться туда, где все тебя уже знают? Все это не имеет никакого смысла.

Я читаю дальше. Сейчас Брэд Финчли выпущен под залог и в ожидании судебных слушаний живет у друга в Летчуэрте. Учитывая отсутствие прежних судимостей и склонности к побегу, свобода его передвижений ограничена ножным браслетом с маячком, комендантским часом и регулярными явками в полицию для проверки.

У меня снова начинает болеть голова. Я открываю ящик стола, нашариваю пачку парацетамола, которую храню там, и спешно выпиваю две таблетки. Говорю себе, что за восемнадцать лет, прошедших с тех пор, как я видела его в последний раз, с Джейком могло случиться все что угодно. Он в буквальном смысле создал себя заново.

Нет, я *совсем не знаю* этого Брэда Финчли.

И это хорошо для моей работы, потому что по закону я должна была заявить, что знакома с обвиняемым – в тот же момент, как увидела его фотографию.

Но я этого не сделала.

Если это обнаружится прежде, чем я откажусь вести дело, я рискую потерять все. Санкции за нарушение регламента, несомненно, испортят мою репутацию – а скорее всего, и мою карьеру – в зависимости от того, насколько далеко я успею зайти.

А что насчет Ноя? Как я смогу объяснить ему все это? Никак – и значит, я рискую также своим браком. Эта мысль ужасает меня. Я уже

так много сделала, так много лгала, чтобы защитить нас обоих... Можно смело сказать, что я полностью вытравила свое прошлое – но у меня не было выбора.

И все же мне понадобилось восемнадцать лет, чтобы найти Джейка, – и поэтому, несмотря ни на что, я понимаю, что не могу просто отпустить его снова. По крайней мере, сразу. Проще считать Джейка и Брэда двумя совершенно разными людьми.

Понимая, что не могу откладывать это вечно, я снова придвигаю папку к себе и открываю ее. На этот раз отчетливо сознавая, какие ужасы ожидают меня на страницах судебного дела.

* * *

Марку и Беверли Рашнелл было по шестьдесят семь лет, они жили в богатом районе Эпсома, графство Суррей. Чуть менее месяца назад они были найдены мертвыми в своем доме – в месте, которое должно быть безопасным прибежищем, однако нам слишком часто приходится иметь дело с преступлениями, которые происходят именно там, в родном доме жертв.

Отчеты, распространяемые в юридических кругах, показывают, что 2,3 миллиона взрослых людей за прошлый год подверглись домашнему насилию – и это только доказанные случаи; как это ни ужасно, еженедельно от рук своих партнеров или бывших партнеров погибают минимум две женщины. Но данное дело гласит, что и муж, и жена были найдены мертвыми в доме, в котором жили, – в том месте, которое должно было обеспечить им безопасность.

Я пролистываю лежащий передо мной отчет до страниц с ужасными подробностями: мне важно столкнуться с описанием насилия лицом к лицу. За годы работы я поняла, что нет смысла ходить вокруг да около – оно все равно найдет способ добраться до твоего сознания. Если я не перейду к этим подробностям прямо сейчас, впоследствии они подействуют на меня еще хуже, станут более личными – превратятся в тени, пляшущие в углах комнаты, в призраки, крадущиеся за мной по пятам ночью... Нет, мне нельзя бежать от них.

На снимках показаны последствия убийства – и это невыносимо уродливо. Марк Рашнелл был застрелен в упор, фотография не

оставляет пространства для воображения. Беверли Рашнелл тоже была убита выстрелом в голову – но с бо́льшего расстояния. Судя по отчету судмедэкспертов, супруги были убиты в один и тот же отрезок времени, однако трудно определить, кто из них погиб первым.

Я вспоминаю о том, как пальцы Джейка ласкали мою щеку или гладили мою спину, и вместо этого пытаюсь представить, как они нажимают на спусковой крючок. Дважды. Посылая пули в живых людей.

Это было намеренное, расчетливое, жестокое убийство.

Мало того что в сумке, принадлежащей Джейку, было найдено оружие убийства – там также обнаружилась бейсболка, испачканная кровью Рашнеллов. И, в довершение ко всему, волокна той же самой бейсболки были найдены на трупах обеих жертв.

Я уже слышу слова обвинителя, которые будут произнесены в суде, – приговаривая Джейка к пожизненному заключению.

Установлено, что смерть Марка и Беверли наступила между 14:00 и 14:15. Очень многое может уложиться в пятнадцатиминутный отрезок времени. Задача обвинения – установить, какая версия событий будет более осмысленной для присяжных: убил ли Джейк сначала Беверли, вынудив Марка смотреть на это, или, быть может, все случилось в обратном порядке? Были выстрелы сделаны один за другим или же их разделяло несколько минут?

Я записываю в блокнот свои размышления:

- 1) *Порядок убийства?*
- 2) *Почему Джейк оказался в доме?*
- 3) *Почему он убил их?*

А потом добавляю четвертый пункт:

- 4) *Марк и Беверли РАШНЕЛЛ.*

Я ловлю себя на том, что пишу их фамилию заглавными буквами и обвожу ее жирным овалом. Кем они были? И почему их фамилия звучит для меня так знакомо?

Глава 4

Часы на стене моего кабинета показывают 08:38. До сегодняшнего дня Джейк Рейнольдс отсутствовал в моей жизни восемнадцать лет, но ему понадобилось всего пятьдесят три минуты, чтобы, заново появившись в ней, перевернуть мой мир вверх дном. Снова... Я пытаюсь не думать о том, что это значит – что это говорит обо мне и о жизни, которую я выстроила.

Во время одного из первых сеансов Айя рассказала мне о кинцуги – японском искусстве чинить сломанную керамику, заполняя и выделяя трещины золотым лаком. Оно породило целую философию, говорящую о том, что несовершенством можно любоваться так же, как и красотой, и о том, что разбитая, а потом склеенная вещь становится только прочнее. Мне так понравилась эта идея, что я начала коллекционировать предметы кинцуги и расставлять их по всему дому. Если заглянуть в наш кухонный шкаф, можно увидеть тарелки, чашки, стаканы и даже чайник, отмеченные прекрасными, изящными, хаотичными золотыми линиями. Смысл слов Айи, конечно, заключался в том, что я сама – объект кинцуги. Ставшая сильнее и прекраснее после всего, через что мне пришлось пройти. И теперь я гадаю: быть может, я вместо этого просто склеила себя ПВА?

Захлопываю лэптоп и спешно упаковываю его в чемодан на колесиках вместе с папкой и своим блокнотом. Быстро обвожу взглядом кабинет, удостоверюсь, собрала ли я все остальное, что может мне понадобиться, а затем направляюсь к кабинету Чарльза. Резко стучусь в дверь.

– Входите, – отзывается он, и я распахиваю дверь.

– Мне только что позвонила мать. Знаю, это совершенно не вовремя, но у нее случилась неприятная ситуация. Обычно с ней побыл бы мой брат Макс, но сейчас ему пришлось уехать на некоторое время. Я собираюсь несколько дней поработать удаленно, из ее дома. Я собрала все, что может понадобиться, – с виноватым видом киваю в сторону своего чемодана, – и намерена за это время составить список потенциальных свидетелей и начать переписку с отделом судмедэкспертизы. Во вторник у меня предварительное слушание по

делу о причинении фактических телесных повреждений – помните, я рассказывала вам о том, как преступник укусил офицера, производившего арест? – так что к тому времени я вернусь.

Чарльз хмурится.

– Вы правы, это не вовремя, но я понимаю, что семья – это важно.

– Спасибо, до следующей недели, – говорю я, начиная закрывать дверь.

– Джастина, – окликает он, и я останавливаюсь. – Только не напортачите, ладно?

– Конечно. Приоритет номер один.

Чувствую ли я себя виноватой в том, что лгу человеку, который только что предоставил мне самую крупную возможность за всю мою карьеру? Если задуматься об этом, то да, чувствую. Но я неплохо овладела искусством манипуляции – по сути, я мастер в этом искусстве.

Я решаю, что нет смысла рассуждать об этом, когда на кону стоит нечто куда более важное. Если Джейка отправят в тюрьму за убийство, мне нужно знать всю предысторию. Не только ту версию, которую обвинение сочтет наиболее убедительной для суда. На этот раз мне нужна подлинная история.

Наконец-то, спустя почти восемнадцать лет, настало время вернуться домой. Туда, где все начиналось.

Обратно к нему – во многих смыслах.

Прежде

Джейк-любовник

Впервые Джейк заметил Джастину – заметил по-настоящему – в один унылый февральский день. Это был день рождения его матери, ей исполнилось 48 лет, и отец Джейка забронировал столик в «Синем орле» – этот ужин должен был стать сюрпризом для именинницы. Джейку было поручено дожждаться ее у офиса после работы и сопроводить в ресторан. Он выбрал самый зрелищный путь до города, мимо набережной, вместо того чтобы пойти самой короткой дорогой, – его отец наверняка закатил бы глаза, узнав об этом. Он был куда более практичным, чем Джейк, – менее эмоциональным, как он любил заявлять, когда сын чем-то его разочаровывал или изрекал в присутствии отцовских друзей нечто, заставлявшее отца почувствовать себя неловко.

Обычно Джейк просто отмахнулся бы от этой мысли – он был вполне доволен тем, каков он есть, – но сегодня, когда небо затянули темные тучи, признал, что сделал неправильный выбор. Он должен был прислушаться к своему разуму, а не к своему сердцу.

Он знал про семью Стоунов. Все в Молдоне знали про них. Джерард Стоун был столпом общества – неудивительно, что он в очередной раз возглавил городской совет. Плакаты с его лицом, наклеенные чуть ли не на каждый фонарный столб, хлопали на ветру. Их нельзя было не заметить, при всем желании. Боже, иногда Джейк ненавидел этот городок, откуда, казалось, никто и никогда не мог сбежать... На протяжении жизни поколений так оно и было. Ты рождался здесь и оставался здесь. Даже редкие счастливчики, уезжавшие учиться в тот или иной университет, часто возвращались сюда годы спустя вместе со своей молодой семьей – и начинали этот цикл заново.

Джейку не светил даже университет. Его семья прочно укоренилась в этом круговороте. В конце этого учебного года ему предстояло окончить школу; все ждали, что он пройдет курс по обучению специальности, спонсируемый местной компанией. По окончании этого курса начнет работать и в конечном итоге, вероятно,

женится на какой-нибудь из девушек, с которыми учился в школе, – хотя он даже боялся подумать, на ком именно, – и купит террасный дом в викторианском стиле. Наверное, этот дом будет располагаться неподалеку от точно такого же дома родителей Джейка – дома, где он родился и вырос.

Он сунул руки поглубже в карманы и свернул на утопанную тропинку, чтобы сократить путь. Тропинка была окружена высокими темными изгородями и сегодня показалась Джейку длиннее, чем обычно. Перед ним тянулась прямая дорога, с которой некуда было свернуть. Он пошаркал подошвами ботинок по земле, а потом, ощутив на лице первые капли дождя, натянул на голову капюшон худи и пустился бегом.

В конце концов тропа вывела его к берегу, и Джейк глубоко вдохнул соленый воздух. Городок был маленьким и угрюмым, но даже Джейк не мог не признать, что в нем есть что-то притягательное. Он свернул по тропинке к воде и позволил себе поиграть с мыслью о том, что когда-нибудь, возможно, действительно будет жить в одном из этих домов. Тогда он с куда большей готовностью сможет смириться с судьбой.

Нельзя было отрицать, что жить в районе с видом на дельту – это прекрасно. В Молдоне большие дома с участками, спускавшимися к воде, образовывали небольшой анклав. Полукруг домов, принадлежащих членам и бывшим членам городского совета, выстроился вдоль набережной, практически смыкаясь вокруг нее.

Если по-настоящему задуматься, география этого района казалась несколько устрашающей. Он представлял собой нечто вроде лабиринта, где дорогие элитные дома торчали прямо посреди менее привлекательных улиц. Получалась забавная смесь: те, у кого хватало денег, чтобы свалить из Лондона от вечного соперничества за богатство и влияние, жили буквально дверь в дверь с теми, у кого не было возможности даже поучаствовать в этих крысиных бегах.

Семейство Стоунов владело большим розовым домом с круговой террасой и белой изгородью из штакетника, наподобие тех американских домов, которые Джейк видел по телевизору. На втором этаже с передней стороны дома располагалась обзорная комната – сплошная стеклянная стена от пола до потолка и два кресла, стоящие

так, чтобы можно было видеть берег и воду. Джейк представил, как мистер Стоун сидит там, курит сигары и играет в шахматы.

От входа на набережную Джейк свернул на одну из дорожек; теперь справа от него были причалы, а слева – дома. И тут он увидел ее. Джастину Стоун. Она лежала посреди лужайки перед домом, рыжие волосы и платье промокли от дождя.

– Джастина? – неуверенно окликнул он. Какого черта она творит? К этому моменту дождь лил уже вовсю, и на открытом берегу негде было укрыться от разошедшегося ветра. Джейк решил, что она не расслышала его за плеском воды, а может быть – до него это дошло только сейчас – ей было плохо? Он бросился к ней бегом и позвал снова, уже громче.

На этот раз Джастина повернула голову и улыбнулась.

– От этого чувствуешь себя живым, правда? – крикнула она в ответ, ее голос легко пробился сквозь шум ветра и дождя.

– Нет, я чувствую себя замерзшим в хлам, – ответил Джейк, и она засмеялась. Засмеялась по-настоящему, низким грудным смехом, который не подходил ни к ее худощавой фигуре, ни к изящному платью, в которое она была одета. И тогда он увидел, насколько же она красива.

– Тебе помочь? – спросил Джейк, протягивая руку. Она улыбнулась и приняла его помощь, позволив ему поднять ее с мокрой травы.

– Ты Джейк, верно?

– Именно. Ты не хочешь пойти в дом? – Он кивнул в сторону особняка, чувствуя, как промокшая от дождя футболка прилипает к телу.

– Пока нет.

Он посмотрел на Джастину, стоящую под дождем так непринужденно, хотя все остальные знакомые Джейка уже бежали бы в укрытие, вслух проклиная отвратительную погоду, и задумался о том, чего он еще о ней не знает.

– Ну ладно. – Он попытался сообразить, что бы еще такое сказать, дабы она продолжила разговор, но в голове было пусто. – Тогда я лучше пойду, – произнес Джейк и повернулся прочь, мысленно пнув себя за то, что оказался способен лишь на такую банальщину.

– Джейк? – окликнула она его. – Передай от меня твоей маме поздравление с днем рождения.

Джастина никогда не встречалась с его матерью, и его застало врасплох то, насколько личной оказалась эта фраза. Джейк гадал: может быть, Джастина хочет продолжить разговор с ним, хотя он, скорее всего, выдавал желаемое за действительное.

– Не хочешь пойти погулять? – услышал он свой собственный голос, прежде чем успел спохватиться и передумать.

– Сейчас? Но у твоей мамы день рождения.

– Не сейчас. Завтра днем.

– На самом деле я думаю, что можно погулять и сейчас. – Джастина озорно улыбнулась. – Я могу пойти с тобой и встретить твою маму. Не бойся, я не буду лезть не в свое дело. Мне просто нравится гулять.

– Дождь идет, а ты уже и так промокла насквозь... – Джейк пытался не таращиться на нее, но не мог отвести взгляд. Она была очаровательной. Яркой. Она была самой красивой девушкой, какую он когда-либо видел.

– Ну и что? Если я и так уже насквозь мокрая, какая разница, если я и дальше буду гулять под дождем?

С такой логикой он не мог поспорить.

– Ладно. Ты точно уверена, что не хочешь сначала зайти в дом и переодеться? Может быть, взять зонтик? Знаешь, это такая штука, которую изобрел какой-то умник, чтобы не мокнуть под дождем... – Он засмеялся.

Джастина посмотрела на дом, и Джейку показалось, что он заметил, как изменилось выражение ее лица. Когда Джастина разговаривала с ним, она выглядела такой оживленной и полной энтузиазма... Но, оглядываясь на особняк, она как будто изменилась. Каким-то образом стала меньше. Джастина сжала ладони перед грудью.

– Хорошо. Но только для того, чтобы взять зонтик в прихожей. Я ненадолго... Тебе так просто от меня не отделаться, Джейк Рейнольдс.

И неожиданно она снова сделалась другой, раскинула руки и засмеялась, запрокинув лицо навстречу дождю, падающему с неба. Джейк постарался убедить себя, что ему это просто почудилось. Что

она совсем не выглядела испуганной при мысли о том, что ей придется зайти в дом.

Они и прежде сталкивались друг с другом в школьных коридорах, но никто из них по-настоящему не обращал внимания на другого. У каждого из них была своя дружеская компания. В школе такие вещи имеют значение. Однако сегодня все было иначе. Сегодня – позже это признали оба – что-то началось.

Но только когда оно закончилось, он вспомнил про тот момент, когда она посмотрела на свой дом и решила остаться рядом с ним под дождем, – и пожалел, что не спросил ее о том, чего она так боится.

Быть может, если б он это сделал, всего, что случилось потом, можно было бы избежать.

Глава 5

Я паркуюсь рядом с белым домом в конце нашего тупика и пару минут сижу молча. Это наш дом – мой и Ноя. Мы много работали ради него. Про дизайн этой синей входной двери мы спорили не один день, а цветы в горшках на крыльце Ной поливает сам, потому что у меня все растения быстро умирают. Мы не идеальны, и я это знаю, но вместе мы построили дом.

Я смотрю на безупречно ухоженную лужайку перед домом, на яблоню, которую мы посадили в тот день, когда въехали сюда, и знаю, что всё вот-вот изменится. Я гадаю, как долго я смогу уберечь Ноя от осознания этого, и понимаю, что плачу. Я не могу позволить, чтобы эту жизнь отняли у меня, – я буду бороться изо всех сил, если до этого дойдет. Но даже сейчас, когда я сижу здесь, мне кажется важным запечатлеть в памяти этот вид до малейших мелочей. Просто на всякий случай.

Я вхожу в спальню и замираю на месте, во все глаза глядя на наш гардероб. Он ничуть не похож на тот, что стоял в моей детской спальне, но все же сегодня он напоминает мне именно об этом.

Я разминаю шею и говорю себе, что на счет «три» я открою гардероб. Это мой дом. В Лондоне. Здесь живем мы с Ноем. Я теперь живу иначе. Я теперь иная.

Беру с собой как можно меньше вещей, уверенная, что буду дома до того, как Ной вернется на следующей неделе из Парижа. Перед выходом застываю перед проемом кухонной двери, глядя на темно-синие шкафчики с белыми гранитными столешницами. Это помещение спроектировано для того, чтобы быть зрелищным. Место, предназначенное для демонстрации нашего успеха. Впечатляющая кухня с люстрами, свисающими над столом и над диваном в дальнем конце...

Я заставляю себя сдвинуться с места. Закрываю за собой входную дверь. Я говорю себе, что не успею опомниться, как вернусь сюда, и к тому моменту ничего не изменится.

Я всегда хорошо умела лгать. Даже самой себе.

В Молдон ведет извилистая дорога. Это единственная дорога, и, когда машина входит в повороты, у меня возникает ощущение, будто я возвращаюсь в прошлое; каждый поворот отматывает назад очередной год, пока наконец передо мной не возникает речной берег, и мне снова семнадцать лет, я иду рано утром по набережной до самого ее конца, где стоит огромная железная статуя сакса, установленная в честь Битвы при Молдоне...

Я часто сидела там, глядя на восход солнца, и представляла, как великолепно выглядели корабли викингов, длинные и узкие, когда скрытно пробирались через Эссекс по реке, готовые к сражению. Я воображала, что слышу сквозь крики чаек ритмичное пение гребцов, ощущаю, как отдается в моем теле бой их барабанов. Какими отважными они должны были быть, будучи в любой момент готовыми к войне! Я надеялась, что, сидя здесь, у края воды, в которой отражалось так много исторических событий, смогу впитать хоть немного храбрости этих людей, собрать ее и унести с собой домой.

Проезжаю поворот, ведущий к дому, где я выросла, и вместо этого держу путь прямо, направляясь к дому Макса. Когда он купил дом поблизости от родительского, я не могла в это поверить. Мне казалось бессмысленным, что Макс сделал все, дабы остаться здесь.

Я намереваюсь пробыть здесь считанные дни и всеми силами держаться подальше от мамы и нашего родного дома. Есть причина, почему я не возвращалась сюда почти двадцать лет. Даже от одних воспоминаний об этом месте у меня пересыхает в горле, а воздух становится таким плотным, словно вот-вот раздавит меня. Лишит меня возможности дышать. Двигаться. Как будто я снова оказываюсь там и не могу сбежать.

А что же мама? Она дождалась не могла того момента, когда избавится от меня. Всего неделю спустя после смерти моего отца мама вошла ко мне в комнату и заявила, что договорилась со старшей сестрой моего папы, тетей Кэрл. Было решено, что я некоторое время проживу с тетей и моей кузиной, Шарлоттой, в Южном Лондоне. Что для меня будет неплохо «сменить обстановку» и провести некоторое время в большом городе, прежде чем поступить там в университет.

Это «некоторое время» обернулось тем, что я прожила в Лондоне следующие восемнадцать лет. Поступила в подготовительный колледж и осталась там до следующего лета, когда подала документы в Лондонский королевский колледж. Мама так и не приехала ко мне. Ни разу. И не позвала меня вернуться. Она не изображала обезумевшую от горя мать, которая отчаянно жаждет, чтобы ее дочь возвратилась домой. Вместо этого устроила мой отъезд, а потом забыла обо мне.

С тех пор наши отношения свелись к светскому минимуму – поздравлениям с Рождеством, днями рождения и прочими важными датами. Мать никогда не приглашала меня приехать домой, и в ответ я никогда не приглашала ее к себе. Мы изображали семейную ячейку – ради Макса и ради показухи (Стоуны всегда хорошо умели это), – но не были близки. Она моя мать, но без капли материнской заботы. Можно было бы решить, что это началось, когда она при первой же возможности отослала меня прочь, к тете Кэрол, но это просто неправда.

И теперь мне кажется неестественным, что я еду туда, где она живет, однако я напоминаю себе, что я здесь не ради нее, а ради Джейка.

Я отгоняю эту мысль. Нет, я здесь ради истины.

* * *

Все шторы на окнах задернуты. Это первое, что я замечаю, вырулив на подъездную дорожку, ведущую к дому Макса. Я внимательна к мелочам, это часть моей работы. Задернутые шторы – это странно, особенно в такой ясный солнечный день. Обычно, даже когда мы были детьми, Макс громче всех заявлял, что нужно пользоваться летней погодой на полную катушку.

Я громко стучу в дверь, но мне никто не отвечает. Машины Макса нет на подъездной дорожке, поэтому я пытаюсь позвонить ему. И попадаю прямо на автоответчик – так же, как всякий раз, когда я пыталась звонить ему по дороге сюда. Поэтому решаю выпить кофе в ближайшей кофейне, зажатой между рыбной закусочной и унылой парикмахерской.

Когда-то мы любили сбегать из дома пятничным вечером, чтобы купить здесь рыбный сэндвич, завернутый в плотную бурую бумагу; запах уксуса впитывался в нашу одежду. Эту традицию начал Макс, он приводил меня сюда каждую пятницу вечером – с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. Ему тогда только-только стукнуло десять. Если было холодно, мы весь вечер проводили за одним из белых пластиковых столиков, играя в карты, а в теплые дни сидели на ограде снаружи и ели сэндвичи, прежде чем отправиться на набережную и затевать там различные шалости. Мне всегда нравились эти вечера; рыбная закусочная казалась мне нашим волшебным уголком.

Но теперь, когда я смотрю на нее взрослыми глазами, все волшебство исчезает. Я вижу потрепанную, почерневшую вывеску, вижу плесень на оконных рамах. Запах жира больше не кажется соблазнительным – скорее отталкивающим.

Помимо всего прочего, это суровое напоминание о том, как по-иному мы смотрим на мир, будучи детьми. Все выглядит более невинно. Когда-то я предвкушала эти вечера в компании Макса, но теперь гадаю, для чего ему понадобилось вытаскивать меня из дома. Даже став подростком, которому полагалось бы слоняться по парку вместе с друзьями и пить «Уайт лайтнинг»^[3] прямо из бутылки, он приходил сюда со мной, чтобы поесть рыбных сэндвичей.

Сегодня я не захожу в закусочную, а вместо этого устраиваюсь в кофейне по соседству, с облегчением заметив, что по крайней мере это заведение за годы моего отсутствия было как минимум один раз отремонтировано и приведено в порядок.

Когда по окончании рабочего дня меня вежливо просят покинуть кофейню, я возвращаюсь в машину – по крайней мере, в ней есть кондиционер. Июль нынче жаркий. Рекордно жаркий. К восьми часам вечера я отмечаю, что жду уже пять часов, и снова набираю номер мобильного телефона Макса, но, как и следовало ожидать, в трубке не слышно даже гудков. Не знаю, то ли он где-то вне зоны действия сети, то ли у него сел телефон, но в любом случае у меня не остается выбора. «Чертов Макс!»

Она улыбается, и я с удивлением вижу, что эта улыбка отражается в ее глазах. Они становятся чуть шире, а их внешние уголки изгибаются вверх. Потом взгляд ее плывет, и, хотя она по-прежнему улыбается, я понимаю, что момент искренности позади.

– Привет, мам. Сюрприз! – говорю я и как можно шире растягиваю губы в ответной улыбке.

– Не стой на холоде, заходи в дом, – велит мама, обнимая меня. Она маленькая, меньше, чем мне помнилось, и даже сквозь кардиган я могу нащупать на ее спине каждый позвонок.

Она сопровождает меня в дом. Прошли годы с тех пор, как я в последний раз была здесь, но сейчас меня охватывает то же самое чувство клаустрофобии, что и тогда. И это очень странно, учитывая, насколько огромен дом. Следуя за мамой в парадную гостиную, я почти наяву слышу шум последней рождественской вечеринки, устроенной папой перед самой его смертью. Я встряхиваю головой и сосредотачиваюсь на ощущении твердого пола под ногами. Я не *там*. Их здесь нет. *Его* здесь нет.

Не знаю, делает ли мама это намеренно или же я просто принимаю все близко к сердцу, но это кажется мне чем-то нарочитым; она словно подчеркивает, что я здесь в гостях. Что этот дом больше не может считаться моим. Другая, менее детская, часть моего рассудка уверяет меня, что мама просто хочет проявить гостеприимство – как она его понимает.

Какова бы ни была причина, я всей душой и даже всем телом желаю, чтобы мы устроились в каком-нибудь более уютном помещении. Парадная гостиная слишком велика, ее пространство поглощает нас, и мама кажется здесь еще более маленькой и хрупкой. Когда-то эта комната до краев была наполнена смехом папы – и голосами его друзей, конечно же. Я редко участвовала в этом, однако могла сидеть на лестнице и сквозь дверь улавливать долетающие до меня разговоры – старалась услышать как можно больше.

Я первой нарушаю молчание. В конце концов, это я незваной явилась к ее дверям. Между нами и так уже стоит слишком много лжи; я не могу заставить себя добавить к этому новую неправду, поэтому решаю, что лучше всего действовать прямо.

– Ничего, если я останусь здесь на несколько дней?

– Конечно. Ты же знаешь, тебя всегда здесь ждут. А теперь я поставлю чайник, а ты можешь рассказать мне о том интересном деле, над которым работала несколько месяцев назад. Мы все были в восторге, увидев твое имя в новостях. – Она идет к выходу из комнаты, но, не дойдя до двери, оборачивается. – Ты сказала – всего на пару дней?

По сути, я сказала «на несколько» – и снова задумываюсь, намеренно ли она делает это. Я не поправляю ее, а вместо этого заверяю, что уже к субботе перестану ей докучать. Я даже не даю себе труда заметить, что вряд ли могу считаться знаменитостью в своем городке после того, как просто поприсутствовала на пресс-конференции Би-би-си, посвященной обвинению некоего политика в сексуальных домогательствах. Я даже не вела это дело.

Надеюсь, что Макс скоро вернется, – я не готова уехать, не получив ответов, к тому же не знаю, как долго смогу выдержать пребывание в этом доме. Мысленно делаю пометку: спросить завтра у мамы, где Макс. Я предпочитаю, чтобы она не знала, что к ней я явилась лишь потому, что у меня не было выбора, хотя я уверена – она уже поняла это.

После чая я говорю, что намерена лечь спать. Мама отвечает, что я вполне могу занять мою прежнюю спальню, которую переделали в гостевую комнату. Как ни странно, вместо ощущения отвержения это наполняет меня уверенностью. Мою душу наполняет облегчение, и хотя я чувствую явные признаки того, что пульсирующая головная боль вот-вот вернется, я говорю себе: пусть даже определенные черты этой комнаты сохранились, я не найду в ней свое юное «я». Я здесь. Стою по эту сторону двери. Я свободна.

В итоге, войдя, я оказываюсь захвачена врасплох тем, что обои остались прежними. Желто-сиреневый цветочный орнамент на стене. Я не была дома восемнадцать лет и предполагала, что мама сменила их. Будто «переделать в гостевую комнату» означает, что от прежней комнаты не осталось и следа. И, что еще важнее, не осталось ни следа от той ночи после рождественской вечеринки все эти годы назад.

Я закрываю глаза. Считаю до десяти. Говорю себе: «Я могу это сделать». У меня нет выбора. Направляюсь в ванную, но едва открываю кран, как на раковине появляются красные пятна, по стенке стекают алые струйки. Я резко заворачиваю кран, однако кровь

продолжает течь, наполняя раковину, и в конце концов переливается через край и капает на пол.

Захлопываю за собой дверь и хватаю с кровати подушку и одеяло. Я знала, что вернуться будет тяжело, и приготвилась к психологическим испытаниям – насколько это возможно, по крайней мере, – но сейчас понимаю, что не готова к физической стороне всего этого. К тому, что от пребывания здесь, в этой комнате, кровь в моем теле начнет пульсировать так яростно, что это вызовет жжение в глазах.

Быть может, если Макс так и не появится, завтра я попробую снова – это как заново сесть на лошадь после жесткого падения, – но сейчас мне придется разместиться на диване.

Глава 6

Я начинаю день с обычных двух таблеток парацетамола, прежде чем позвонить Ною и сообщить, где я нахожусь. Его голос звучит совершенно ровно, когда он разговаривает со мной.

– Ты в Молдоне? Почему?

– На работе затишье, а ты уехал. – Я пытаюсь отговориться, но знаю, что это известие его удивило. Ной знает, что я никогда за все эти годы не возвращалась в родной городок.

– И как тебе там? – спрашивает он, делая вид, будто воспринимает это как должное. Он говорит бодро и заинтересованно, как будто мое пребывание в Молдоне – это нечто занятное, а не ужасающее. Насколько известно Ною, моя карьера заставляет меня оставаться в Лондоне, но я все равно поддерживаю связь с Максом. Я старалась держать мужа как можно дальше от своих семейных дел, чтобы он не видел, какая неловкость царит в моих отношениях с матерью. Скорее всего, он считает, что мы с ней отдалились друг от друга, но никакого неблагополучия в этом нет. Как же он ошибается!

– Неплохо, хотя немного странно, – признаю я. – Я поселилась в своей прежней комнате.

Это невинная ложь – на самом деле я ночевала на диване, но было бы невозможно объяснить Ною причину этого.

– А, в окружении подростковых воспоминаний... Боже, я не скучаю по тем временам. – Ной негромко усмехается. Знал бы он, насколько угодил в точку! Я *абсолютно* не скучаю по прошлому.

– Секунду, я переключусь на громкую связь. Мне нужно достать чемодан из-под кровати, – говорю я, наклоняясь и вытягивая руку.

– Ты все еще не распаковала вещи? Это на тебя не похоже.

Он прав: обычно первым делом, когда мы куда-то выезжаем, я разбираю чемодан и старательно развешиваю всё по местам – мол, так в любом месте чувствуешь себя более уютно. Но здесь дело обстоит по-другому.

– Знаю, просто я была ужасно занята с самого момента приезда... Ладно, извини, мне нужно в душ, но удачного тебе дня. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, – отвечает Ной негромко и искренне. Это заставляет меня чувствовать себя грязной, как будто мне нужно отмыться от чувства вины. Между нами уже начинает накапливаться ложь.

* * *

Я приступаю к работе, разбирая документы по делу и в определенном порядке прикрепляя их к стене в бывшем папином кабинете. Слышу, как мама крадучись спускается по лестнице, и удивляюсь, почему она до сих пор так делает: передвигается по дому, стараясь быть как можно незаметнее. Папы больше нет, незачем ходить на цыпочках. Я хочу сказать ей, чтобы она включила громкую музыку, начала швырять вещи, сорвалась. Закричала. Я уверена, что ей это необходимо.

Я ни разу не видела, чтобы она потеряла контроль над собой. Я слышала, как отец повышает голос. Я ощущала последствия их ссор. Но ни разу не видела, чтобы мама сорвалась. Это бесстрашие не впечатляло меня. Наоборот. Как она могла быть настолько холодной? Насколько отстраненной? Неужели не знала, что мы тоже это чувствуем? Неужели ей было все равно? Она была здесь, в этом доме, рядом с нами, но ее как будто *не было*. Она всегда передвигалась крадучись. Всегда вела себя тихо. Я просто хотела, чтобы она очнулась и показала мне, что у нас все нормально, что мы можем пошуметь. Но мама так и не очнулась. Она просто продолжала жить в этой тишине. День за днем. И нам всем приходилось терпеть.

Я не могу простить ее за это.

Мама высовывает голову из-за двери, как марионетка на ниточке.

– Джастина, что ты здесь делаешь? – Она переводит взгляд с меня на стену, по центру которой висит фотография Джейка, и я вижу, что ее лицо бледнеет.

– Почему ты мне не сказала? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно ровнее, но в конце фразы он против моей воли делается выше.

– Что это? – совершенно невозмутимо спрашивает мама. Ее самообладание нервирует меня – особенно в сравнении с тем, что я не

могу быть так спокойна.

– Новое дело, над которым я работаю. – Я только что говорила по телефону с Белиндой, руководителем отдела полиции по связям со СМИ, и знаю, что эта история попадет в утренний выпуск новостей Би-би-си в девять утра. Бросаю взгляд на часы. Восемь семнадцать утра. – Брэд Финчли, – произношу с усмешкой. Я поступаю жестоко, но я зла. – Или, вернее сказать, Джейк Рейнольдс? Он был арестован месяц назад по обвинению в убийстве двух человек. Его арестовали по месту жительства, в Молдоне.

Она молчит.

– Когда ты узнала об этом? – Вот что я действительно хочу знать. Сейчас меня не волнует, совершил Джейк это преступление или нет, – меня интересует, когда моя мать узнала о его возвращении и как долго она скрывала это от меня. – Почему ты не сказала мне, что он вернулся? – И на этот раз я кричу. Ее поступок лишний раз доказывает, что я для нее давным-давно отрезанный ломоть.

Я вижу, как что-то мелькает на мамином лице. Обида, гнев, возмущение, гордость? Я не могу понять, что это, и оно исчезает прежде, чем я успеваю его осмыслить. Мама опускает глаза, а затем медленно поднимает на меня взгляд.

– Насколько я знаю, он появился здесь примерно три месяца назад. Я хотела защитить тебя. Это все, что я когда-либо хотела сделать.

Она произносит последнюю фразу тихо, и я понимаю, что это истинная правда. Но мама потерпела неудачу. По всем пунктам. Родители не должны терпеть неудачу, когда пытаются защитить своих детей.

Для нас это совершенно новый этап. Она так быстро отослала меня прочь после смерти отца, что мы не успели научиться быть семьей *без него*, даже спустя столько времени. Раньше он всегда был рядом. Требовал внимания. Дарил внимание. Забирал его. Сейчас, когда его нет, это кажется странным.

Никто не объяснит тебе, как оплакивать отца в восемнадцать лет. Полицейский отчет сообщит, что шестнадцатого декабря 2005 года мой отец погиб, находясь за рулем в нетрезвом состоянии. Он не справился с управлением машиной, слишком быстро проскочив один

из поворотов на проселочной дороге, и, съехав с насыпи, врезался в дерево. И, как будто этого было недостаточно, машина загорелась.

Я удивляюсь, когда мама протягивает руку и кладет ладонь поверх моей. Я стараюсь не отдернуть руку.

– Прости, возможно, мне нужно было сообщить тебе... – Это уже похоже на уступку. – Тебе действительно стоит работать над этим делом?

– Нет, но мне нужны ответы.

Мама кивает, прикусив нижнюю губу.

– И что дальше?

– Не знаю. – И это правда. Я совершенно не знаю, что будет дальше; все зависит от того, что я найду.

* * *

Беру чашку с горячим, исходящим паром кофе и держу в ладонях, несмотря на то что она обжигает кожу. Ожидая выпуска новостей, вновь просматриваю сведения, полученные от свидетелей, сначала обратившись к полным показаниям соседки Рашнеллов.

Мое имя Элизабет Смит. Мне 79 лет, и я живу в доме № 32 по Черри-Три-гроув, в городе Эпсом, графство Суррей. Моими соседями были Марк и Беверли Рашнелл. Мы живем в одном доме на две квартиры, так что моя гостиная расположена рядом с их кухней. 15 июня около полудня я принесла им бисквит «Виктория».

Я пробыла у них недолго, но заметила, что Беверли выглядит расстроенной и немного встревоженной. Они мне ничего не рассказали, но за последнюю неделю я несколько раз слышала шум: повышенные голоса и частый плач. Это было необычно – раньше я никогда не замечала ничего подобного. Когда ко мне приезжали друзья и родственники, я упоминала им об этом обстоятельстве. Несмотря на то что дом был двухквартирным, мои соседи практически никогда не шумели. Поэтому я сразу поняла, что что-то не так, и решила испечь торт. Наверное, я пыталась быть хорошей соседкой. Общество теперь уже не то, каким оно было, когда я была юной...

В пять часов вечера я вышла из дома, чтобы отправиться в книжный клуб, который собирается каждую неделю. Дорога была почти пустой. Я помню, что увидела большой белый фургон, несколько машин, которые, к сожалению, не очень хорошо разглядела, но ничего необычного – в основном это были машины соседей и мотоцикл, припаркованный дальше по дороге, я его уже видела пару раз и до этого. Не было ничего, что могло бы показаться странным. Я вернулась домой в семь часов пятнадцать минут вечера и решила еще раз провести Беверли. Меня все еще слегка беспокоило то, какой нервной она выглядела сегодня. Я подумала, что, возможно, если застану ее дома без Марка, она будет со мной чуть более откровенной. Не то чтобы я считала Марка виноватым в чем-либо, он был очень добрым человеком, но порой трудно выговориться, когда кто-то другой слушает.

В общем, я позвонила в дверь, но ответа не последовало. Это было странно, поскольку в доме горел свет, а машина Рашнеллов стояла на подъездной дорожке. Марк и Беверли были очень увлечены экологически чистым образом жизни – начиная с вегетарианства и заканчивая покупкой электромобиля. Просто не в их характере было выходить из дома и оставлять свет включенным. Я позвонила еще два раза, и, когда никто не отозвался, у меня возникло плохое предчувствие, и я заглянула в переднее окно. Мне было плохо видно, так как мешала мебель, но я разглядела ногу – мужскую, я поняла это по ботинку, – как будто человек навзничь лежал на полу. Тогда я набрала 999.

Тот факт, что соседки не было дома и она ничего не слышала, не особо способствует раскрытию дела. В целом для обвинения это заявление может создать сложности. Я достаю маркер и помечаю фразу «за последнюю неделю я несколько раз слышала шум». Может ли защита выдвинуть утверждение, что Марк убил свою жену, а затем застрелился? Можно ли этим объяснить выстрел в упор?

Я ощущаю, насколько мне хочется в это поверить, и уже не в первый раз понимаю: именно поэтому мне не следует заниматься этим делом. Я ставлю под угрозу свою работу. И все же мне нужно знать...

«Почему ты это сделал, Джейк? Что заставило тебя убить двух человек?»

Но даже размышляя об этом, я задаюсь вопросом: действительно ли я хочу узнать, почему он бросил меня, когда я нуждалась в нем больше всего?

* * *

После выхода новостей в эфир я не сразу выхожу из дома: даю еще немного времени, чтобы сплетни успели разлететься по городу. Думаю, теперь у людей развяжутся языки, ведь они, вполне вероятно, лично знают убийцу – в реальной жизни, а не в кино! В новостях его называли Брэдом Финчли, так как это теперь его имя по документам, но также упомянули, что ранее он был известен как Джейк Рейнольдс. Журналисты, как я и предполагала, были в восторге от этой смены имени. Почему? Кем был Джейк Рейнольдс? От кого он скрывался? Наверняка все это привлечет сюда журналистов. Я не могу медлить.

Скорее всего, местные жители все равно узнали бы его, но после таких новостей город, без сомнения, будет взбудоражен. Конечно, все будут притворяться, что испытывают ужас, но я готова поспорить: минимум половина людей, с которыми я сегодня буду беседовать, втайне упиваются таким поворотом событий.

Документальные фильмы о преступлениях весьма популярны – и не без причины. Раньше меня удивляли толпы людей, которые приходят в суд посмотреть на самые жуткие проявления человеческой гнусности и шуршат обертками от конфет, словно просто сидят в кино. Теперь я их почти не замечаю, они стали частью общей картины.

Я также знаю, что действовать нужно сейчас, до того, как в СМИ начнется цирк. Несомненно, друзья и родственники Рашнеллов тоже съедутся в город. Люди начнут перекраивать свои воспоминания, чтобы соответствовать впечатлениям новоприбывших; целенаправленные вопросы, которые будут задавать журналисты, заставят их по-другому смотреть на собственные мысли; наличие друзей и родных сделает Марка и Беверли реальными фигурами, а не именами из новостей. Их смерть станет еще более трагичной. Все это изменит и заново сформирует то, что люди считают правдой относительно Джейка. У меня нет ни времени, ни желания копаться в искаженных воспоминаниях. Нужно действовать быстро.

Существует множество правил относительно внешнего вида юриста во время пребывания на работе. Я настолько привыкла носить идеально выглаженные белые рубашки, туфли на каблуках и черные костюмы, закрывающие колени, что немного теряюсь, когда мне необходимо соответствовать современным тенденциям. Но именно это я и хочу сделать сегодня.

Натягиваю свободные «мамские» джинсы, которые купила только потому, что их носят все мои подруги, и бледно-зеленый хлопковый топик. Обычно мои волосы зачесаны назад в строгий хвост, но сейчас я оставляю их распущенными. Конечно, для встречи с потенциальными свидетелями я обычно одеваюсь совсем иначе, но нынешнее дело я веду не по правилам – не так, как делаю или как должна делать обычно.

Сначала я решаю зайти в паб на другом конце города. Он находится ближе всего к дому Джейка, и, похоже, это самое подходящее место для начала – впрочем, любое другое место будет ничуть не хуже. Минувшей ночью я не могла уснуть, думая о пистолете, который нашли в сумке под половицами под кроватью покойной мамы Джейка. Этот пистолет был спрятан на самом дне спортивной сумки. Мама Джейка умерла недавно, всего за два месяца до убийства, после непродолжительной борьбы с онкологическим заболеванием, а отец скончался за шесть лет до этого от сердечного приступа. Джейк был единственным ребенком. Его отпечатки пальцев были найдены как на самом пистолете, так и на внешней части сумки. Кроме того, на телах обеих жертв были найдены волокна от одной из бейсболок, которую носил Джейк.

Это доказательство нельзя назвать неопровержимым, но оно *чертовски весомое*.

За прошедшие годы я научилась игнорировать свои эмоциональные реакции. Люди совершают ужасные поступки. Постоянно. Но мысль о том, что это Джейк нажал на спусковой крючок, что он мог спрятать пистолет под кроватью своей умершей матери после того, как хладнокровно застрелил двух человек... У меня внутри все переворачивается, словно тело отвергает саму мысль об этом. Слабый голос в сознании вновь напоминает: именно поэтому юристам не разрешается работать над делами, в которых замешан кто-либо из их знакомых. Именно поэтому я не могу тянуть с этим.

Прежде чем выйти из дома, записываю еще один вопрос:

Был ли он напуган? Нужен ли был пистолет для самозащиты?

Я снова думаю о мистере Рашнелле, убитом в упор, и понимаю, что выдаю желаемое за действительное. Это было целенаправленное действие. Жестокое убийство. Тот, кто стрелял в Марка, позаботился о том, чтобы не промахнуться. Неужели Джейк действительно мог быть столь безжалостным? Я закрываю глаза и считаю до десяти, чувствуя, как подкашиваются ноги при мысли о том, что такое возможно.

Обычно, когда мне казалось, что вселенная слишком жестока, я обращалась к Ною, чтобы он успокоил меня и оказал эмоциональную поддержку. Я всегда делаю это, когда мне кажется, будто тьма вот-вот поглотит меня. Я часто сталкиваюсь с этим в своей работе, и Ною в конечном итоге всегда удается утешить меня. Но сейчас его нет рядом – но даже если бы он был, я все равно должна справиться с текущим кризисом самостоятельно. Я делаю глубокий вдох и медленно выпрямляю спину, вытягиваясь в полный рост.

Айя подготовила меня к этому. Я могу сделать то, что должна.

Глава 7

Ни один из свидетелей, чьи показания перечислены в протоколе, не упоминает «Синий орел», но тем не менее этот паб вполне может быть недостающим фрагментом головоломки. Детективы проделали тщательную работу, но они двигались от убийств в прошлое, в то время как я двигаюсь вперед – от восемнадцатилетнего Джейка к Брэду Финчли. Я надеюсь, что эти два процесса уравновесят друг друга – подобно тому, как обвинение и защита должны уравновесить друг друга, чтобы судебное разбирательство было справедливым, – и в итоге я докопаюсь до истины.

Читая и перечитывая материалы дела, я осознала: я все время жду, что паб вот-вот всплывет в показаниях свидетелей, и тот факт, что он так и не возник, меня беспокоит. Паб «Синий орел» располагался поблизости от дома Джейка, и их семья из поколения в поколение была связана с этим заведением. В нем работал дед Джейка, его отец проводил там каждый пятничный вечер, сидя на табурете за барной стойкой.

Как только Джейку исполнилось восемнадцать лет, он начал работать в «Синем орле» на полставки, и каждые выходные они с отцом играли в бильярд с ночи до раннего утра. Если Джейк вернулся за три месяца до ареста, как утверждает моя мама, он наверняка должен был побывать в пабе хотя бы раз.

Я распахиваю тяжелую дубовую дверь – и ощущаю острое дежавю. Отмахнувшись от этого ощущения, иду напрямик к стойке бара. Находясь здесь, я сильно рискую. Что, если кто-то узнает меня и поймет, что я тоже работаю над делом Джейка? Что, если они донесут на меня, прежде чем я успею изложить Чарльзу свою версию событий?

Хотя с первого взгляда кажется, что сидящие здесь слишком молоды, чтобы помнить меня, – все-таки прошло восемнадцать лет, – я уверена, что все до единого знают о моем происхождении. Любое упоминание о семействе Стоунов будет сопровождаться сочувственными взглядами, а также байками о том, как кто-то из них или из их знакомых когда-то приятельствовал с моим отцом.

Молдон – маленький город. Слишком маленький. А моего отца очень уважали – он дважды избирался главой городского совета. Каждый год в первую субботу августа в Молдоне проводится знаменитый «грязевой забег» через устье реки. Никто не помнит, когда и почему возникла эта традиция. После смерти моего отца ее решили посвятить его памяти и собирать деньги на местный молодежный клуб, разрешение на строительство которого он получил незадолго до роковой автокатастрофы. Даже люди, которые никогда не знали его, ежегодно видят на плакатах и транспарантах его портрет – он смотрит на них сверху вниз и требует пожертвовать деньги в память о его деяниях.

Я чувствую на себе пристальные взгляды, но продолжаю идти к барной стойке. Эти люди не знают меня. Они знают мою семью. Но они не знают *меня*. Я напоминаю себе, что они смотрят на меня просто потому, что *не знают* меня. В этом и заключается особенность маленьких городков: все смотрят на тебя либо потому, что знают тебя, либо потому, что *не* знают.

Барменша замечает мое приближение и отводит взгляд. Я усмехаюсь про себя. Именно Джейк говорил мне о том, что в первую очередь нужно избегать зрительного контакта с клиентами, чтобы продержаться всю смену. Продолжая надеяться на что-то, я усаживаюсь на крайний справа барный табурет, который когда-то любил занимать отец Джейка.

Интерьер паба изменился. Стены, которые некогда были серо-голубыми и покрытыми пятнами от возраста, теперь как будто взяты с «Пинтереста»: их нижняя половина обшита панелями насыщенно-синего цвета. Зал озаряют подвесные светильники в индустриальном стиле, их свет отражают большие зеркала в золотистых рамах. Держу пари, что на стенах туалета подвешены деревянные полки, уставленные маленькими горшками с кактусами. Несомненно, началось облагораживание исторической приморской улицы Молдона.

Приятно видеть, что в дальней части заведения по-прежнему стоят два бильярдных стола, а барная стойка размещается на том же месте, что и раньше. Может, «Синий орел» и похорошел, но остался все тем же пабом, который я когда-то знала.

Заказываю имбирный эль и устраиваюсь поудобнее, выжидая. Хочу еще немного понаблюдать за персоналом, прежде чем приняться

за дело. Хочу понять присутствующих, выработать наилучшую стратегию. Я хорошо умею считывать людей. Это необходимо, когда пытаешься убедить присяжных в своей правоте. Важно выяснить, что движет каждым из них, а затем подать дело так, чтобы преподнести свою точку зрения в правильном свете. Так у тебя будет больше шансов, что все они единогласно вынесут вердикт: виновен или невиновен.

Обращаю внимание на то, как барменша поправляет волосы, когда разговаривает с одним из коллег. А еще она, если мне не показалось, говорит громче, когда он находится рядом с ней. Это явно свидетельствует: она надеется, что он обратит на нее внимание, пусть даже она не обращается к нему напрямую. Идеально.

– Спорим, вы оба сегодня только и слышите что об этой новости? – начинаю я, стараясь говорить достаточно громко, чтобы парень тоже услышал – я хочу с самого начала вовлечь в разговор обоих. – Представляю, как быстро устаревают известия, когда ты работаешь в баре...

Они переглядываются между собой, и я с удивлением вижу, как оба хмурятся, а затем отводят взгляд.

– Пожалуй, отчасти это верно, – отзывается девушка и отворачивается от меня. Это совсем не то, чего я ожидала. Я полагала, они ухватятся за возможность посплетничать. Что стоит мне открутить краник, и все выльется наружу. Очевидно, придется приложить больше усилий, чем я рассчитывала.

– Я понимаю, что работать здесь – настоящее искусство. Нужно уметь читать посетителей. Не только знать, какие напитки они предпочитают, но и предсказывать, как пройдет вечер. Быть постоянно на шаг впереди клиента. – Я увожу разговор от Брэда Финчли на более безопасную почву, давая девушке возможность произвести впечатление на меня – и, что более важно, на своего коллегу.

– О, конечно. Однажды к нам пришла группа парней, и я сразу поняла, что они – настоящие моральные уроды. Когда они начали выпрашивать коктейли на халяву, я их живо утихомирила.

– Вот это ловко! – Я медленно выговариваю слова, широко раскрыв глаза, как будто от восхищения. – Держу пари, вы освоили все хитрости... А что насчет Брэда Финчли? Его вы тоже считаете моральным уродом?

Она колеблется, но, в отличие от прошлого раза, не сразу отворачивается.

– Я подрабатываю барменшей всего одно лето, и посетители часто меня недооценивают.

Я делаю вид, будто сочувствую, но вдобавок как бы признаю свое поражение – дескать, я тоже недооценила ее. Оценит ли она эту уступку?

– Что ж, – отвечает барменша, подаваясь вперед, но не слишком сильно – так, чтобы парень, на которого она отчаянно пытается произвести впечатление, все еще мог ее слышать. Так все и работает: крючок, леска и грузило. – Я видела его здесь дважды, – продолжает она. – В первый раз он показался мне нормальным, держал себя в руках, сидел прямо там, где вы сейчас. Но когда я увидела его в следующий раз, это был просто ужас. Он был очень буйным. – Ее голос дрожит, когда она едва слышно шепчет слово «буйный», и на секунду меня охватывает паника: а если она расплчется? – Боже, а вдруг я могла бы спасти ту пару, о которой говорили в новостях? Я рассказала администратору, но, возможно, мне следовало сообщить об этом в полицию или что-то в этом роде...

– Всё в порядке, никто не мог предотвратить случившееся. Вы не виноваты. – Я произношу последнюю фразу решительно, давая девушке возможность успокоиться, а затем продолжаю: – Что в нем было такого странного во второй раз?

– Странно вел себя не он, а другой.

– С ним был кто-то еще?

– Да. Другой парень, какой-то жуткий, как маньяк в кино... Он пялился на меня каждый раз, когда я подходила слишком близко. Может, он думал, что я подслушиваю? Они заказали напитки и сели вон там. – Она указывает на два кресла, стоящие в углу. – Я спустилась в погреб за бутылками, только на минутку, а когда вернулась, тот парень, Брэд, прижимал другого к стене, ухватив его за шею. Я закричала, и он отпустил его. Второй парень надел куртку, допил остатки пива и вышел. Но он при этом ухмылялся. Его только что прижали к стене и душили за горло, а он ухмылялся... Жуть.

– Что случилось потом?

– Брэд поднял оставшийся стакан и швырнул его в стену. Зачем он это сделал? Другой парень ушел, и теперь мне пришлось убирать за

ними, мать их за ногу... В общем, он посмотрел на меня и сказал: «Извини, мне надо идти». «Черт возьми, верно», – согласилась я. А потом он ушел. Больше он сюда не заходил, насколько я знаю.

– И когда это было? – Я одергиваю себя – это не перекрестный допрос – и стараюсь смягчить вопрос: – Судя по вашему рассказу, это было довольно жутко. Вы хорошо сделали, что не дали их ссоре обостриться.

– А как иначе? Я помню, это был мой первый день после отпуска. Четвертое мая.

– Вы не знаете, кто был тот, второй парень?

– Не-а. Никогда его не видела, но я вообще-то не местная. Мы переехали сюда год назад. Наш администратор повел себя очень странно, когда я ему рассказала об этом происшествии. Обычно он бы завелся и поклялся, что убьет тех, кто посмел нарушить порядок в его пабе. Но он просто уронил голову на руки и сказал, чтобы я возвращалась к работе. А сегодня утром вызвал меня в свой кабинет и велел, чтобы я никому не проболталась о том, что Брэд был здесь. Дескать, нужно отмежеваться от всего этого. Поэтому, когда вы пришли сюда с вопросами, я ничего не ответила. Вы не первая, кто пытается поговорить с нами об этом сегодня.

– Верно... И кто ваш администратор?

– Джимми Фэлкон. Вы его знаете?

При упоминании о Джимми Фэлконе я вспоминаю, как мы с ним прятались в садовых кустах на восемнадцатом дне рождения Макса. Он был лучшим другом моего старшего брата, и до появления Джейка я была влюблена в Джимми – почти все те годы, пока была подростком. Он был диджеем на дне рождения Макса и постоянно подливал мне в бокал водку из бутылки, которую прятал под пультом, и я считала его самым крутым парнем, которого когда-либо встречала. Джимми Фэлкон, всегда носивший слишком тесные кожаные куртки, фланелевые рубашки и кроссовки «Вэнс». Джимми Фэлкон, первый, с кем я поцеловалась в те времена, когда считала, будто идеализировать кого-то, кого ты на самом деле не знаешь, – это и есть любовь. Это было больше похоже на поклонение знаменитости, чем на что-либо еще. Наивно, конечно, но определенно не так болезненно.

– Нет, я не местная, – отвечаю я.

Перед тем как выйти из паба, я вырываю страницу из блокнота и записываю номер своего мобильного. Без имени. Протягиваю его барменше и прошу ее позвонить мне, если она вспомнит что-нибудь еще.

– Подождите. Вы журналистка? – Ее лицо становится серым, на нем отражается неподдельный испуг. Я изумляюсь: чего она боится? Меня?

– Я не журналистка. Вы можете мне доверять. Честное слово.

– Нет-нет-нет, я думала, вы просто любопытная посетительница... – Она начинает судорожно хвататься за собственное горло.

– Просто позвоните мне, ладно? Я хочу узнать правду, вот и всё, – настойчиво говорю я.

Когда выхожу на улицу, в голове у меня крутятся слова: «Вы можете мне доверять. Я хочу узнать правду». Из моих уст это прозвучало так просто и легко... Я сжимаю зубы. Считаю до десяти. Счет доходит до семи, и тут звонит мой телефон. Не может же она так быстро попытаться связаться со мной? Я достаю телефон из кармана куртки и вижу, что на экране высвечивается имя Ноя. Нажимаю на красную кнопку, чтобы сбросить звонок. «Не сейчас, Ной». Я не хочу, чтобы он почувствовал, что что-то не так, – и не уверена, что смогу настолько подавить панику, охватившую меня, чтобы она не прозвучала в моем голосе.

Я уже чувствую, как начинаю катиться вниз по спирали. Это резкое падение в то, что можно назвать только *черным облаком неотвратимого рока*. Такое странное, мелодраматичное выражение – «неотвратимый рок», – но когда Айя впервые использовала его для описания тревоги, которая иногда парализует меня, оно подошло идеально. Это самое точное словосочетание, которым можно определить вихрь страха, бушующий у меня внутри.

Айя...

Я закрываю глаза и улыбаюсь. Как за спасательный плот, цепляюсь за осознание того, что сегодня днем предстоит еженедельный сеанс, а значит, мне нужно продержаться всего несколько часов, и она сумеет мне помочь. Спешно отправляю

сообщение, спрашивая, не против ли она, чтобы сегодняшняя сессия проходила по «зуму», а не лично; но пока не сообщаю, что я – спустя столько лет – наконец-то вернулась сюда. Мне интересно, как она отреагирует. Хочу увидеть выражение ее лица, когда я скажу ей об этом. Она сразу же отвечает «конечно», и я расправляю плечи.

«Я не одна».

Иду и твержу эти слова, пока пульс не начинает замедляться. Обычно я все обсуждаю с Ноем. Я всегда восхищалась его способностью твердо стоять на ногах, когда меня шатает из стороны в сторону. Это одна из причин, по которой я впервые обратила на него внимание и по которой мы так хорошо взаимодействуем. Среди бурь жизненного хаоса Ной всегда прочно держится на якоре. И сейчас мне тяжело без возможности опереться на него – не только потому, что мне не помешала бы его сила, но и потому, что я чувствую, как это отдаляет меня от него, вбивает клин между нами. Все мои тайны всплывают на поверхность, угрожая разлучить нас.

Я вижу их, как только сворачиваю за угол с центральной улицы. Стервятники слетаются на запах крови – как я и предполагала. Журналисты сгрудились возле полицейского участка, несомненно ожидая заявлений от детектива-сержанта Сорчи Роуз. Она не арестовывала Джейка, и я сомневаюсь, что она вообще имеет какое-то отношение к этому делу. Арест производила полиция Лондона, но сержант Роуз – лицо нашего города. Журналисты хотят, чтобы она прокомментировала ситуацию.

Вскоре они начнут расползаться всё дальше по городу, пытаюсь составить полное представление о том, кем был Джейк, какой была его жизнь. Несомненно, при этом они станут искать причину, по которой он превратился в монстра, коим его считают. Кроется ли эта причина в его детских годах? Я уверена, что именно поэтому они здесь. Это часть общего интереса к реальным преступлениям: что делает человека убийцей?

Все знают, что мы с ним в то время были парой, и я не сомневаюсь, что мое имя в конечном итоге будет кем-нибудь упомянуто. Пройдет немного времени, и они постучатся в двери маминого дома. Я должна быть готова.

О чем они будут спрашивать? Что я должна им сказать?

Прежде

Джейк-любовник

Джастина не передумала. Как и собиралась, она просто сбегала на крыльцо за зонтиком и поспешила туда, где стоял, укрывшись под деревом, Джейк. Ее платье было мокрым насквозь, промокшие волосы падали на плечи. Дождевая вода капала с ее подбородка.

– Я готова, – хмыкнула она, и он засмеялся, пробираясь под зонтик и перехватывая у нее рукоять.

Джастина говорила не умолкая, пока они шли от набережной до офиса мамы Джейка, держась за руки, словно давние друзья. Самое странное, что во всем этом не ощущалось ни неловкости, ни напряжения.

– Не смей, – рассмеялась Джастина, сообразив, что он делает, когда Джейк в третий раз уверенно направился к самой большой луже, вынуждая девушку либо пройти по воде, либо выйти из-под зонтика. На этот раз, вместо того чтобы обойти лужу, она шагнула прямо в нее, а затем топнула, обрызгав Джейка водой. Он сделал вид, будто эта выходка разъярила его, а затем тоже залез в лужу.

Что это было? Он давно не вел себя настолько по-детски.

Это ощущалось как свобода.

Неужели это оно и есть? Неужели это и есть влюбленность?

Джейк знал, что он романтик по натуре, отец всегда говорил ему об этом. Но сейчас ему не казалось, будто происходящее между ними – плод его воображения или желание увидеть в простой случайности нечто большее. Он отметил, как смотрит на него Джастина. Это было похоже на электрический ток, бегущий между ними.

Черт, а ведь отец разозлится, если они опоздают на ужин...

– Перемирие. Я объявляю перемирие! – крикнул Джейк, вскинув ладонь свободной руки вверх, и Джастина грозно свела брови. – Я готов весь день плескаться в этой луже, но мне нужно забрать маму из офиса, а то отец меня убьет.

– Да, сэр, извините, сэр. – Джастина сделала реверанс и спряталась под зонтик.

Мама Джейка заметила их через окно офиса и даже приоткрыла рот от изумления. И Джейк, и Джастина были мокрыми насквозь.

– Что вы творите? – спросила женщина, распахнув дверь и поспешив втащить их в теплое помещение. Она вечно вела себя ужасно по-мамски.

– Папа строго-настрого приказал мне сопровождать тебя домой, поскольку ужин назначен на семь вечера. Мол, «ты ведь знаешь, что ей понадобится чертова уйма времени, чтобы подготовиться» – это не я сказал, это он сказал!

– Наглец! – Мама посмотрела на Джастину, притворяясь, будто возмущена. А потом перевела взгляд на Джейка, и он увидел, как в ее глазах сверкнуло любопытство. Он никогда раньше не знакомил маму с девушками. Значит, так оно и бывает? Одна-единственная прогулка, но он был уверен, что эта прогулка станет первой из многих. – А ты, Джастина? Ты присоединишься к нам за ужином? – спросила мама.

Джейк почувствовал неловкость, ему даже стало не по себе. Его мать всегда была ужасно бесцеремонной.

– Спасибо, но я не хочу мешать вам праздновать день рождения. Я просто составила компанию Джейку. К тому же, видите, я вся промокла, и мне не хватит времени на то, чтобы сходить домой, переодеться и вернуться.

– Что ж, я уверена, что смогу найти для тебя какое-нибудь платье в своем шкафу – если ты не против.

Джастина вопросительно посмотрела на Джейка, и он пожал плечами и усмехнулся, как бы говоря: «Это полное безумие, но я, конечно же, только за».

– Да, хорошо, спасибо. Я с удовольствием пойду на ужин вместе с вами, – промурлыкала Джастина, и Джейк ощутил во всем теле трепет, похожий на порхание бабочек. Она согласилась!

– Отлично, тогда решено. Я подыщу для тебя всё, что нужно. Ты будешь выглядеть божественно. – Джейк подумал, что никогда не видел маму такой довольной, но сейчас у него не было ни малейших возражений против ее участия в деле. Когда они втроем вышли на задний двор и забрались в мамину машину, она подмигнула ему, и

Джейк понял, что унаследовал романтическую натуру именно от матери.

Глава 8

До встречи с Айей я пробовала обращаться к другим психотерапевтам, но ни один из них не помог. Жесткие деревянные стулья в кабинетах, давящее молчание на сеансах – то, как они отфутболивали каждый вопрос мне обратно, – все это угнетало меня. Свидетельствовало о том, что они никогда меня не поймут.

Все те, кто работал со мной до Айи, старательно придерживались своих программ и методичек. Они хотели исправить меня, но я не была уверена, что хочу исправления. Я просто хотела, чтобы меня выслушали и поняли. Не сразу. И, возможно, не во всем. Но хотелось верить, что в один прекрасный день у меня появится тот, кто меня выслушает. Тот, кто будет способен хотя бы попытаться вникнуть во все нюансы. Понять, каким образом тот вечер – та рождественская вечеринка – стал кульминацией всего, что было до него.

Айя почти сразу показала мне, что не придерживается определенных правил и способна размывать границы. Те первые сеансы были для меня просто «безопасным пространством», где я могла рассказать свою историю. Никакой активной терапии не происходило. Айя не задавала никаких вопросов. Даже не спрашивала, что я чувствую. Она просто слушала. Разбор всего этого предстоял позже.

До окончания сеанса я успела рассказать ей, как Макс вернулся домой из университета на рождественские каникулы. Я понимала, что следующая часть моей истории будет самой тяжелой, и за день до намеченного сеанса я испугалась и стала внушать себе, что не смогу пройти через это. Я не верила в себя, боялась, что скажу что-нибудь не то, поэтому позвонила ей и сообщила, что благодаря предыдущему сеансу мне стало намного лучше, большое спасибо, – и поэтому я прекращаю наши встречи, поскольку они мне больше не нужны.

Я повесила трубку, и на этом все должно было завершиться. Но не тут-то было – всего через два дня Айя появилась у моей двери. Она посмотрела на меня и заявила: «Я здесь для того, чтобы выслушать вас, когда вы будете готовы довериться мне», – после чего пошла прочь

по подъездной дорожке. Через месяц я позвонила ей, чтобы условиться о следующем сеансе, и с тех пор не пропустила ни одного...

– Добрый день, Джастина! – Она улыбается, и мне становится немного теплее. – Не хочешь ли для начала рассказать мне, где ты находишься?

Я нервно облизываю губы, прежде чем ответить:

– Я в доме своей матери.

Для Айи эта новость будет немаловажной, и я чувствую, как меня охватывает трепет в ожидании ее реакции. Мы много раз обсуждали тот факт, что я поклялась никогда не возвращаться – что не хочу возвращаться ко всему случившемуся здесь, – но мое драматическое откровение лишь заставляет ее едва заметно моргнуть.

Как часто клиенты удивляют своих психотерапевтов? Возможно, признак по-настоящему хорошего специалиста – заранее знать, что ждет клиента в будущем. Подготовить к этому. Возможно, мой приезд сюда – вовсе не сюрприз для Айи. Я чувствую разочарование.

– Должно быть, тебе очень тяжело. Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю, как это описать, – вздыхаю я. – Испугана. Злюсь. Грущу. Все, что находится между этими эмоциями. И ничего конкретного из них.

– Это объяснимо. Возможно, мы сможем поговорить о причинах позже. А сейчас я бы хотела, чтобы мы сначала попытались осознать, *что именно* ты чувствуешь. Тогда ты сможешь разобраться с этим лучше. Почему бы нам не начать с того, что ты просто расскажешь мне о доме своей мамы? Можешь описать его мне?

Для видеосеанса я устроилась в своей старой спальне – здесь более уединенно, чем в кабинете внизу, – и сейчас заставляю себя смотреть прямо на обои с цветочным рисунком. Наконец-то я позволяю взгляду задержаться на них. Оттенки начинают расплываться, и цветы перестают быть цветами – вместо этого они превращаются в лица. С распахнутыми ртами. Кричащие.

– Не знаю, с чего начать, – признаюсь я, изгибая шею. Сначала налево. Потом направо. Усиленно моргаю. Сегодня мне как-то нехорошо.

– Как говорится, начни с самого начала. В данном случае почему бы тебе не начать с входной двери? Я бы хотела, чтобы ты не только описывала комнаты, но и думала о том, какие чувства вызывает у тебя

каждая из них сейчас, когда ты снова там. – Голос у Айи спокойный и мягкий, в нем звучит ненавязчивое поощрение. Интересно, считает ли она, будто начала с чего-то простого? Неужели не понимает, что на самом деле бросает меня с места на большую глубину?

– Входная дверь красная, – начинаю я. – Высокая. Мне всегда казалась, что она выше, чем обычная дверь. Даже внушительнее. Но я так и не выяснила, правда это или нет. Прямо по коридору находится кухня. Она тянется вдоль всей задней части дома. Стеклопакетные двери выходят в сад на склоне. Кухня светлая. Иногда мне кажется, что она слишком светлая. Даже когда солнце садится, света здесь гораздо больше, чем нужно. Поневоле замечаешь все. Каждое пятнышко. Каждую мелочь. Невозможно их не увидеть. Комнаты в передней части дома темнее. Намного темнее. Сад выходит на юг. Мама гордится этим. Она говорит, что на южных склонах проще заниматься садоводством. Слева – парадная гостиная, переходящая в столовую. Здесь установлен большой камин с отделкой из дуба. Он богато украшен черненой резьбой. В детстве этот камин казался мне впечатляющим, но теперь я понимаю, что именно таким он и был задуман – и это сразу ослабляет эффект. То, сколько стараний было приложено, чтобы сделать камин впечатляющим. Далее, справа по коридору, находится салон. По идее, это самая уютная комната в доме. Между ним и кухней расположен кабинет. Оказавшись там, я начинаю испытывать страх, хотя и не понимаю, перед чем именно. И это весь первый этаж. Если только тебя не интересует туалет.

Айя улыбается, и по ее улыбке я понимаю, что мне не нужно описывать туалет, если я этого не хочу. А потом она аккуратно складывает руки на коленях.

– Ты не сказала мне, что чувствуешь в салоне. Только то, что это должна быть самая уютная комната в доме. Так ли это? Ты когда-нибудь бываешь там?

Я закрываю глаза и шепчу:

– Нет.

– Понимаю... А что наверху?

Там темно. Слишком темно. Я одна. Обхватываю руками колени.

Есть вещи, которые Айя знает, – например, то, что случилось в салоне, – и другие, которых она не знает.

«А что наверху?»

Теперь мне понятно: Айя все это время знала, что бросает меня на глубину. И ждала, какими спасательными кругами я воспользуюсь. Ее совершенно не интересовала входная дверь. Она знает, как я отношусь к нижнему этажу и к тому, что там случилось. Ее интересует верхний этаж. Наверху хранится больше всего секретов. Полагаю, она подозревает, что до сих пор не посвящена в них.

Потому что дом – это не просто здание. В доме всегда таятся секреты.

– Что ты можешь сказать про свою спальню? – продолжает Айя, переходя к делу. Я силюсь что-то сказать, но она не дает мне шанса. – Что ты можешь сказать про стену у себя за спиной? Я вижу крючок, а обои в этом месте выцвели слабее. Что там раньше висело? Это была картина? Фотография?

Я поворачиваюсь лицом к стене – осторожно, стараясь, чтобы в поле моего зрения не попал шкаф-купе, – хотя напоминание мне не требуется: я точно знаю, *что* висело когда-то там.

– Это была наша с Джейком фотография, – говорю я. – Сделанная на мой восемнадцатый день рождения.

– Если я правильно помню, в тот день ты прекрасно провела с ним время. Ты знаешь, где сейчас эта фотография?

– Она разбилась.

– Очень жаль. Какие чувства вызывает у тебя этот факт?

Я рада, что Айя пошла по этому пути, вместо того чтобы спросить, отчего фотография вообще упала со стены и разбилась на тысячу кусочков. На этот вопрос ответить легче. Мне нет нужды раскрывать, что я швырнула снимок на пол в тот день, когда меня отправили жить к Шарлотте и тете Кэрл. Через неделю после того, как Джейк бросил меня. Через неделю после смерти отца.

– Мне все равно. В любом случае все это было ложью.

– Что было ложью?

– Та ночь. Мой день рождения. Это была одна сплошная ложь.

Прежде Джастина

Кровь текла по голени Джастины, там, где она рассекла ее о ветку у реки, но девушка не чувствовала этого. Возбуждение от того, что Джейк рядом, заглушало боль – особенно когда он подхватил ее на руки и понес вверх по лестнице. Она взвизгнула от восторга, обвив его шею руками.

– Спасибо за лучший день рождения, – произнесла Джастина, когда он осторожно поставил ее на ступеньку. Им приходилось вести себя тихо. Сегодня вечером ее отец должен был куда-то уйти, но она боялась, что его планы могут измениться. Вдруг на самом деле он остался дома и они разбудят его? Слишком рискованно. Джастина осознавала, что отец всегда будет опекать ее сильнее, чем Макса, – ведь она была девушкой, – но все чаще ей казалось, что поводок натянут слишком туго. Иногда ей требовалось немного свободы, чтобы она могла хотя бы перевести дух и что-то решать за себя – в том числе насчет встреч с Джейком.

Непритие того, что у нее есть парень, было вполне осязаемым. Вопросы, которые задавал отец, взгляды, которые он бросал на них, – все это заставляло и ее, и Джейка чувствовать себя неловко. Неужели все девушки, встречаясь с парнями, находятся под столь пристальным отцовским вниманием? Возможно, так и есть, и ей просто чудится, будто все гораздо хуже, чем есть на самом деле. Проблема, как обычно, в ней самой.

«У тебя слишком живое воображение. Это чревато неприятностями», – говорил ей отец в детстве.

– У меня есть еще один сюрприз, – сообщил Джейк, лукаво сверкнув глазами.

– Еще один?

В тот вечер за ужином в «Финчес» он уже преподнес ей идеальный подарок. И сейчас она провела кончиком большого пальца по срезу камня – одновременно ровному и шероховатому. Чудесное золотое ожерелье с зеленым кулоном неправильной формы. «Как твои глаза», – сказал Джейк. Джастина всегда остро осознавала, что у нее

зеленые глаза и рыжие волосы. Она знала, что это выделяет ее среди других девочек в школе. Она не была похожа на гламурных женщин с журнальных страниц. Слишком большие глаза. Слишком непокорные волосы. Но рядом с Джейком она чувствовала себя прекрасной.

– Не слишком-то надейся на чудо, – предупредил он. – Этот подарок не будет дорогим, и вообще я не уверен, что это хорошая идея.

– Джейк Рейнольдс, ты не имеешь права так поступать. Я требую, чтобы ты сейчас же отдал мне этот подарок! – Она надулась, надеясь, что это выйдет мило, а не по-детски. Хотя на самом деле понятия не имела, как играть в эту игру, где она должна была быть одновременно желанной и недоступной, красивой, но скромной.

– Хорошо, но обещаю, что не будешь смеяться, – серьезно произнес он.

Они, обнявшись, протиснулись в ее спальню – дверной проем был слишком узким для них двоих, но они не желали размыкать объятия. Плечо к плечу, бедро к бедру, рука к руке...

Когда Джейк повернулся к Джастине лицом, то оказался в полосе лунного света, и она отметила, что вид у него действительно немного взволнованный. Это было мило.

Он пошарил в кармане пиджака и вытащил конверт, а затем нерешительно протянул ей. На лицевой стороне почти неразборчивым почерком было написано ее имя.

– Что это? – Джастина повертела конверт в руках.

– Я написал тебе письмо. Знаю, у меня не всегда хорошо получается говорить, поэтому я попытался рассказать тебе о своих чувствах. Это был лучший способ, который я смог придумать. Потом, когда понадобится, ты сможешь перечитать это.

Никто прежде не писал ей писем. Эсэмэски, сообщения в мессенджерах, электронные письма – да. Но письмо, написанное от руки, ощущалось как-то иначе. Чем-то более личным.

– Могу я прочесть его сейчас?

– Если хочешь.

Джастина собралась было вскрыть конверт, но перед этим еще раз подняла глаза на Джейка. При виде его силуэта на фоне окна, при воспоминании о том, как они вместе стояли под дождем, все остальное ушло прочь. Вся боль, все горести. Все это больше не имело значения. Были только Джейк и она.

Джастина, словно против собственной воли, шагнула к нему; нераспечатанное письмо все еще было зажато у нее в руке. Должно быть, сейчас она двигалась как-то иначе, чем прежде, потому что Джейк взглянул на нее пристально и пронзительно, как будто поняв.

Она была готова.

Кончики его пальцев медленно коснулись ее плеча. Нежно. Мягко, но целеустремленно. Она положила ладонь поверх его руки, направляя его движения, помогая ему снять с нее блузку. Он ни разу не отвел взгляд, не смутился и не застенялся. И за это она тоже любила его.

Джастина не раз слышала, как подруги рассказывали о своем неловком первом опыте, но в ее с Джейком совместных движениях не было ни малейшей неловкости. Она полагала, что, впервые сойдясь с парнем, будет ощущать себя уязвимой, однако все оказалось совсем наоборот. Она казалась себе властной. Сильной. Она осознала, что Джейк помог ей почувствовать себя бесстрашной. Это было чувство, которое она искала всю свою жизнь и которое до сих пор оставалось недостижимым.

– Ты уверена? – спросил он, остановившись на мгновение.

– Уверена. Будь со мной, – прошептала она, когда он опустил ее на кровать. Раньше он не оставался у нее на ночь, и она хотела, чтобы он знал – это нормально. Она хочет этого. Нуждается в нем.

– Джастина Стоун, – произнес Джейк, целуя ее шею, – я никогда тебя не покину.

Глава 9

После сеансов с Айей я всегда испытываю острую потребность подышать свежим воздухом – сбросить напряжение, понять, как скоротать время до вечера, – и сегодняшний день не стал исключением. Я не намеревалась выбирать это конкретное направление, однако неосознанно дохожу до начала дороги, ведущей к дому Макса.

Иду дальше, пока не оказываюсь прямо перед его домом; здесь останавливаюсь, уперев руки в бедра и чувствуя, как пот струйками стекает по позвоночнику, и замечаю, что шторы на окнах по-прежнему наглухо задернуты. Пытаюсь позвонить Максиму на мобильник, и снова звонок сразу же попадает на автоответчик. Мы всегда поддерживали тесное общение, и, вешая трубку, я осознаю, что с момента нашего последнего разговора прошло больше времени, чем обычно, – не меньше пары недель.

Вновь прокручиваю в голове наш разговор, состоявшийся пару месяцев назад. Я всегда отвечала «нет» на вопрос о том, приеду ли я в родной город. Макс не придавал этому значения и, как правило, не настаивал, но в тот раз он попросил об этом, а я проигнорировала его просьбу. Я должна была прислушаться. С тех пор это гнетет меня. После всего, что он для меня сделал, я должна была приехать, когда он попросил. Вместо этого я снова поставила свои интересы превыше всего. Сжимаю руки в кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони...

«Я думаю, тебе нужно вернуться домой», – сказал тогда он.

«Не могу», – ответила я.

И Макс, верный своей натуре – он неизменно оставался для меня добрым старшим братом, – не стал упрашивать. Почему он не настоял на своем? И почему после стольких лет попросил меня вернуться домой?

– Мама, мама! – кричу я, вбегая в дом и захлопывая за собой входную дверь. Я нахожу ее в обзорной комнате – она сидит, держа в руке бокал вина и глядя на воду.

– Мама? – повторяю я. Она ласково улыбается мне, но взгляд у нее какой-то отсутствующий. Как будто она не совсем осознаёт мое присутствие в комнате, как будто все еще смотрит на море. Выглядит мама печальной. Опустошенной. – Где Макс? Я не могу до него дозвониться.

– О, я уверена, что с ним всё в порядке. – До меня вдруг доходит: я никогда не предполагала, будто с ним что-то не в порядке. – Он сказал, что уезжает на пару недель. Может быть, отключил телефон или что-то в этом роде... Он заслужил отдых от постоянной заботы обо мне, и я сказала ему, что вполне могу пережить эти две недели.

– Он сказал тебе, куда едет? Когда ты видела его в последний раз?

– Боюсь, сейчас я уже не вспомню. Он сказал, что едет в... в... ну вот, крутится на языке, но никак не могу припомнить. Жаль, что вы с ним разминетесь.

Это что, подколка? Напоминание о том, что я сказала ей, будто завтра намерена уехать?

Это все усложняет. Если Макс сообщил маме, что уезжает, полиция не станет объявлять его в розыск. Но я не понимаю, как он мог уехать и не предупредить меня. Кроме того, кто в наше время отключает телефон на время отпуска? Половина ценности отпуска заключается в количестве лайков, которые получают твои фотографии.

По коже у меня бегут мурашки от тревоги, но, прежде чем уйти, я вспоминаю, что должна еще кое-что спросить у матери. Не знаю, почему у меня возникает необходимость задать этот вопрос именно сейчас. Но что-то не так. Я чувствую, как в основании черепа пульсирует беспокойное ощущение. Чувство, что мы летим навстречу катастрофе. Только я еще не знаю, чем оно вызвано.

– Мам, тебе не кажется знакомой фамилия Рашнелл? Я имею в виду, не считая того, что о них говорят во всех новостях?

– Нет. – Она качает головой. – Почему ты спрашиваешь?

– Просто интересно, – безразлично отвечаю я и, достав телефон, начинаю листать социальные сети Макса. Последнее сообщение, которое мне удастся найти, датируется июнем. Почти целый месяц назад. Меня гложет чувство вины.

«Я думаю, тебе нужно вернуться домой».

«Я уже здесь, Макс!» – хочу крикнуть я.

Ведь что это за сестра, которая не приезжает, если брат просит ее об этом? Когда я успела измениться в худшую сторону?

Я срываюсь с места и бегу.

Прежде Джастина

Из крана струилась вода, скорее холодная, чем теплая, а восковая свеча начала оплывать по бокам. Тем не менее Джастина намеревалась наслаждаться покоем как можно дольше. Родителей не было дома, и она могла распоряжаться своим временем как хотела. Ей следовало бы заняться уроками, но вместо этого она пользовалась тем, что в доме никого нет и никто не видит, как она бездельничает.

Джастина зажмурилась, сделала глубокий вдох и опустилась в ванну, полностью погрузившись в воду, а затем открыла глаза и увидела свои рыжие волосы, плавающие над ее головой. Из ее рта вырвались маленькие пузырьки, поднимаясь кверху.

Она не услышала звук вызова, только почувствовала, как ванна слегка вибрирует. Вынырнув и вдохнув воздух, увидела, что на экране ее телефона высвечивается извещение о звонке от Макса.

Еще один день, еще одна порция университетских сплетен от брата. Он любил держать ее в курсе последних студенческих эскапад. Чувствовал себя виноватым в том, что он уехал, а она осталась дома, и Джастина с удовольствием погружалась в рассказы о его жизни в кампусе. Скоро ей тоже предстоит туда отправиться...

– Алло, – пропела она в трубку. Но он не ответил. Она не могла разобрать ни слова, только сдавленные рыдания. Представила, как его тело содрогается от этих рыданий. Как он горбится, сжимается в комок, загнав слова глубоко внутрь.

Джастина никогда раньше не слышала, чтобы Макс плакал.

Она выскочила из ванны, и вода хлынула через край.

Макс был старше ее менее чем на два года, и они с детства были очень дружны. Он являлся ее лучшей половиной – более сильной, мудрой и в целом более разумной. Именно Макс неизменно принимал на себя проблемы сестры, чтобы ей не пришлось их решать. Джастина не знала, что сказать теперь, когда они поменялись ролями. Его боль, казалось, пронизывала эфир и проникала сквозь ее кожу.

– Лили ушла. Она порвала со мной. – Ей наконец удалось разобрать, что говорит Макс. По крайней мере, его жизнь вне

опасности. Худшие варианты развития событий, при которых он мог лежать где-нибудь покалеченный, исключались.

Разбитое сердце. Впервые разбитое сердце... Джастина никогда не испытывала подобного; до Джейка она ни в кого не влюблялась по-настоящему. Теперь, после слов Макса, она лишь представила, как жила бы без Джейка, и в полной мере прочувствовала горе брата. Словно Лили, уходя, забрала с собой все лучшее, что у него было.

Все еще разговаривая по телефону, Джастина наскоро вытерлась и запрыгнула в машину; по позвоночнику стекали струйки воды, которая крупными пятнами проступала сквозь одежду.

– Я уже еду, – обнадежила она Макса. – Оставайся на месте.

* * *

В Кембридже царила атмосфера, не похожая ни на какую другую, и когда Джастина вела машину по узким улицам, продираясь сквозь толпы студентов и уворачиваясь от велосипедистов, до нее дошло, насколько на самом деле мелки и незначительны жизни ее и ее брата. Ей казалось несправедливым, что мир не останавливается ради них. Как бы ужасно ни обстояли дела у них, у окружающих все равно останется что-то хорошее.

Ей следовало бы утешиться этим, но она чувствовала лишь злость – на то, что для всех этих снующих туда-сюда людей горе Макса не имеет никакого значения. «Это несправедливо, – думала она. – Да, именно так это и называется».

«Джастина^[4], мы назвали тебя так, поскольку знали – ты всегда будешь бороться за то, что правильно, честно и справедливо. Справедливость – это тот самый цемент, который скрепляет наше общество. Она никогда не должна быть поправа». Она не единожды выслушивала эту речь относительно своего имени: отец с гордостью рассказывал, что ее назвали в честь тех ценностей, которые – как они точно знали – она будет отстаивать, когда вырастет.

Ей, восемнадцатилетней, казалось, что ее переоценили. Она размышляла о том, что, если б не будущее, которое заложили родители, она, возможно, выбрала бы другой предмет в университете. Быть может, психологию. Но ее отец пришел к успеху, сделавшись

владельцем собственной юридической фирмы, и ей, видимо, суждено было пойти по его стопам.

* * *

Она нашла брата на скамейке в парке. Как и обещал, он оставался на том же месте.

– Макс? – мягко позвала Джастина и, когда он медленно поднял голову, почувствовала, как ее захлестывает волна эмоций.

– Всё в порядке, я никуда не уйду, – проговорила она, опускаясь на скамейку рядом с ним. Его дыхание было прерывистым, грозя снова сорваться на плач. Тогда Джастина молча положила ладонь на его руку. Это напомнило ей о тех временах, когда в детстве они укрывались под лестницей, играя в прятки. Бок о бок. Рука об руку, пока Макс не объявлял, что они выиграли и могут снова вылезти наружу.

Она не могла ничего исправить, не могла заставить Лили принять его обратно, но она была с ним. Как они и обещали друг другу, они по-прежнему были вдвоем против всего мира. Самое главное – Макс не был одинок.

Одиночество, отстраненность от других людей делают любую ситуацию страшнее – и они оба знали это. Именно поэтому всегда предпочитали прятаться вместе.

Глава 10

Идет дождь. Тот горячий липкий летний дождь, когда не можешь отличить, где дождевая вода, а где пот. Они смешиваются. Сливаются. Я ползаю на коленях, переворачивая все камни подходящего размера, которые попадают мне на заднем дворе дома Макса. Наша «странная тетя», как ее принято называть, купила нам обоим на Рождество по каменной ключнице, и, как бы мы ни смеялись над этим, я все еще пользуюсь ею – и надеюсь, что Макс тоже.

Через десять минут сдаюсь и беру самый большой камень, который мне удастся найти. Досчитав до трех, швыряю его в заднюю дверь. Стекло разбивается вдребезги, рассыпаясь на мелкие осколки у моих ног. От этого звука у меня начинает кружиться голова, и я словно переносусь в другую ночь. В гораздо более холодную ночь, где в мои ступни впиваются осколки стекла...

На мгновение я заставляю себя вернуться в настоящее и крепко прижимаю пальцы к основанию черепа, где нарастает пульсирующее давление. Это приносит облегчение лишь на несколько секунд. Я прикидываю, что сказала бы Айя, и мысленно составляю перечень: один предмет, который я могу увидеть, один предмет, который я могу услышать, и один предмет, который я могу учуять.

Выброшенная бутылка пива.

Чайки.

Барбекю.

Я стою на заднем дворе Макса. *Я не там.* Я в безопасности.

И что теперь? Я вспоминаю дело, над которым работала в прошлом году – когда обвиняемый за одну ночь вломился в пять домов. Его приговорили к пятнадцати годам заключения. Но это совсем другое дело. Я не собираюсь ничего красть, просто хочу заглянуть внутрь и проверить, всё ли в порядке с Максом. Но, глядя на зазубренные осколки стекла, обрамляющие зияющую дыру, не совсем понимаю, что делать дальше. Как именно я могу попасть внутрь, не изрезав руки в мелкий фарш? У меня в машине есть подушка, которую я подкладываю под спину во время езды, а на задних сиденьях

наверняка валяется как минимум два-три джемпера. Самое время проявить изобретательность.

Когда я заканчиваю, моя рука напоминает нечто из сериала «Доктор Кто». *Я – да`лек*^[5]. *Уничтожить!* Я использую подушку, чтобы вытолкнуть осколки стекла и сделать отверстие шире, а затем очень медленно и осторожно просовываю руку внутрь. Молюсь, чтобы Макс оставил ключ в замке.

Вот так!

Я поворачиваю ключ. Когда переступаю порог, стекло хрустит у меня под ногами. Я в доме. Знаю, это противозаконно, как бы я ни убеждала себя, будто я просто заботливая сестра, и все же я чувствую, как меня охватывает дрожь – дрожь торжества.

Многие обвиняемые утверждали, что преступная жизнь вызывает привыкание, и хотя я, конечно, не собираюсь превращать проникновение со взломом в привычку, я понимаю, насколько привлекателен тот кайф, который возникает при этом. Возможно, для того, чтобы испытывать волнение, а не страх, нужно принадлежать к определенному типу людей – но я знаю себя достаточно хорошо, чтобы не удивляться тому, что соответствую этому типу. Если не во всем, то, по крайней мере, кое в чем.

Окидываю взглядом окружающую обстановку и застываю на месте. Я не могу поверить в то, что вижу, и, по мере того как реальность проникает в сознание, мое дыхание учащается. Несмотря на то что интерьер и мебель подобраны со вкусом и выглядят дорого, почти все поверхности уставлены грязными тарелками, коробками из-под еды навынос и пивными бутылками. Это не похоже на того Макса, которого я знаю. На Макса, который заботится обо всем и обо всех вокруг. Он стойкий и надежный. Ради всего святого, он инвестиционный банкир! Я зажмуриваюсь, борясь со слезами.

«Я думаю, тебе нужно вернуться домой».

И в этот момент я понимаю, что на сей раз мои страхи были не просто плодом слишком живого воображения. Что-то пошло не так, ужасно не так. Я не только чувствую это нутром, но и вижу доказательства буквально перед глазами. Я слишком поздно спохватилась. Хуже того, я бросила его одного. «Прости меня», – шепчу я, надеясь, что, где бы ни был Макс, он это почувствует, – и все же чувство вины захлестывает меня приливной волной.

Открываю холодильник и с облегчением вижу, что там осталось несколько бутылок пива. Откупориваю одну и прислоняюсь к стене, глотая холодный напиток и чувствуя, как он стекает по пищеводу в желудок, а потом приступаю к работе. Методично прохожу по дому, комната за комнатой, – как будто, убрав последствия, я смогу устранить причину.

* * *

Проходит два часа, прежде чем я попадаю в кабинет наверху. Стою в дверном проеме и смотрю под ноги. Под слоем измельченной бумаги я даже не могу разглядеть цвет ковра. Будучи оптимисткой, я подбираю горсть обрывков и пытаюсь разобрать хоть какие-то слова. Безуспешно. Зато я замечаю тонкий блестящий лэптоп, невозмутимо дожидаящийся меня посреди рабочего стола. Пробираюсь по сугробам бумаги и включаю его.

Пароль.

Черт.

Я пробую все, что только приходит в голову: дни рождения, имена, места, комбинации всех трех вариантов, – но каждый раз меня встречает маленький красный крестик. Он издевается надо мной.

Я не собираюсь признавать поражение. Достая телефон, нахожу в списке контактов нужный номер и звоню.

– Алло? – У Отиса мягкий северный акцент. Это всегда заставляет меня улыбаться.

– Привет, Отис, это Джастина.

– Знаю, черт возьми, это написано у меня на экране. Что тебе нужно?

– У меня есть лэптоп. Пароль зашифрован. Кто-нибудь может приехать и забрать его? Я сообщу тебе адрес.

– Я могу забрать его сегодня вечером. Что именно нужно найти?

– Честно говоря, я надеюсь, что ты сможешь мне это сказать.

– Мне придется действовать наугад?

– Да, боюсь, я только приступаю к разгадке.

Он смеется. Низко и отрывисто.

– Ты же знаешь, я люблю сложные задачи... Так что сразу же приступаю к делу.

Отис молчалив и серьезен, но относится именно к тому типу людей, на которых можно рассчитывать. Стереотипный технарь в самом лучшем смысле этого слова. Проверяет улики, выявляет любые несоответствия, которые могут быть использованы против нас в суде. Полиция неплохо справляется со своей работой, но у Отиса это получается лучше.

Когда наши пути пересеклись, он как раз был в сложном положении. Последнее судебное разбирательство, в котором он принимал участие, прошло не так, как планировалось, – дело, выстроенное с его помощью, потерпело грандиозный крах. После этого его имя попало в черные списки. Но я не сочла его человеком, которого нужно избегать: вместо этого я узрела свой шанс. Я была новичком, но знала, что карьера складывается, когда находишь себе такого специалиста, как Отис. Он был нужен мне, и, похоже, я была нужна ему. Я позволила ему снова вернуться к работе, а он дал мне возможность занять мою нынешнюю должность.

Мы прощаемся, и я сажусь обратно в кресло Макса; мои ноги утопают в клочках бумаги.

«Что все это значит?»

Я представляю себе Макса: вот он стоит передо мной, покачиваясь от переизбытка выпитого пива, чуть более пухлый, чем в прошлый раз, когда я его видела, – свидетели тому картонные коробки из-под пиццы внизу. Движения у него беспорядочные, резкие и судорожные. Он выдвигает ящики стола с такой силой, что правый из них падает на пол. Находит документы, которые ищет, и уничтожает их. Ему важно, чтобы все до последнего кусочка было уничтожено. Недостаточно того, что бумага прошла через шредер. Максимум нужны наглядные доказательства уничтожения. Он открывает контейнер измельчителя, вскидывает его над головой и осыпает комнату клочьями бумаги. Все кончено.

Или это только начало?

Сидя здесь, в доме Макса, я чувствую себя ужасно маленькой – ведь его нет рядом со мной. Я никогда не задумывалась о том, как мне жить без брата. Он всегда казался таким надежным, таким постоянным... Но я не могу игнорировать атмосферу, царящую в этой

комнате. В ней не чувствуется надежность. Или постоянство. Я съеживаюсь в кресле. Подтягиваю колени к груди, как будто я ребенок, играющий в прятки в родительском кабинете.

«Вернись, Макс, – хочу крикнуть я. – Я здесь. Приди и найди меня».

Глава 11

Я знаю, что мне недолго осталось заниматься этим делом, – но вместо того, чтобы вернуться к просмотру материалов, пока они у меня еще есть, решаю разобраться с тем потрясающим новым следом, на который удалось наткнуться сегодня утром.

Включив свой самый убедительный прокурорский тон, я спрашиваю парня за стойкой, могу ли я побеседовать с Джимми Фэлконом.

– Вам назначена встреча?

– Нет, но мне *необходимо* с ним поговорить. – Я не ожидала, что встретиться с администратором паба окажется так сложно, но после короткой игры в гляделки парень провожает меня за стойку. Трижды легонько стучит в дверь.

– Войдите, – раздается из-за двери голос из моего прошлого.

Я открываю дверь, не дожидаясь, пока это сделает мой провожатый.

– Джастина Стоун! Или мне мерещится? – Джимми ухмыляется, но на его лице отражается потрясение. Оно выражается и в том, как быстро он встает со стула. Как взмахом руки указывает бармену, чтобы тот оставил нас. На Джимми темно-зеленая клетчатая рубашка с закатанными рукавами, и, если б она не выглядела так безупречно и дорого, у меня возникло бы искушение съязвить насчет того, что он не повзрослел.

– Теперь – Джастина Харт, – сообщаю я, отчего-то посчитав нужным уточнить, что я замужем. – И я тоже рада тебя видеть.

Он снимает очки. Приподнимает бровь.

– Джастина Харт... – Слегка присвистывает. – Мне казалось, ты не из тех, кто берет чужую фамилию.

– Что ж, люди меняются. – Я не собираюсь вдаваться в подробности. Не хочу говорить ему о том, что к тому времени, как вышла замуж, я отчаянно пыталась избавиться от последней ниточки, связывающей меня с прошлым.

– Так чем же я могу тебе помочь? – Джимми заинтригован. Я не удивлена. Он не видел меня с тех пор, как мы были совсем юными.

– Хочу попросить тебя об одолжении. – Решаю раскрывать карты постепенно.

– Об одолжении? После стольких лет? Я надеялся, что ты сначала захочешь выпить... – Джимми Фэлкон смеется, и я понимаю, что он флиртует со мной. В пятнадцать лет я была бы на седьмом небе.

– Хорошо бы, будь это так, но мне действительно нужна твоя помощь. У тебя есть записи с камер видеонаблюдения – та потасовка, в которой участвовал Джейк?

Джимми явно настораживается и отходит за свой стол, как будто отгораживаясь от меня. Интересно, почему он чувствует необходимость прятаться за столом? Или, может быть, это просто придает ему уверенность, позволяет ощутить себя не просто моим старым знакомым, а администратором заведения?

– Да, но я не понимаю, почему эта запись должна тебя волновать.

– Волновать меня? Не носи ерунду, Джимми. Это же Джейк! Позволь мне посмотреть.

– Это мой паб. Ты не можешь просто прийти сюда и потребовать от меня записи камер видеонаблюдения. Можешь хотя бы сказать, зачем они тебе?

– Нет. Я еще не знаю, что именно ищу.

– Тогда, если ты не можешь внятно назвать причину, мой ответ – нет.

Я ожидала такого ответа и подготовилась заранее. У меня в рукаве есть еще парочка козырей.

– Ладно, пусть будет так, если только ты не против, чтобы Макс узнал, что ты целовался с его младшей сестрой, когда она была еще несовершеннолетней.

Джимми – хороший парень, и мы оба знаем, что я отчаянно жаждала этого поцелуя. Но я надеюсь, что сейчас он так же рьяно, как и тогда, стремится скрыть от Макса тот факт, что целовал младшую сестру своего лучшего друга. К счастью для меня, видимо, есть некий «братский кодекс», который нельзя нарушать, и поцелуй со мной – один из пунктов этого кодекса.

Я молча наблюдаю, как Джейк входит в кадр. На нем черная бейсболка, узкие джинсы и простой серый джемпер. В его облике нет ни капли экстравагантности, и все же он обворожителен. Двигается точно так же, как в моих снах. Пусть он сменил имя, но нельзя отрицать, что на экране передо мной Джейк Рейнольдс. Он занимает место в дальнем правом углу у барной стойки – как я и ожидала и как рассказывала молодая барменша – и чего-то ждет.

Я жду вместе с ним – спустя два с лишним месяца – и за эти короткие минуты успеваю подумать о том, каково было бы снова сидеть рядом с ним. Нам не приходится долго ждать, прежде чем мы видим другого мужчину – того самого «жуткого маньяка», – идущего к нему. Я прищуриваюсь и наклоняюсь, как будто это поможет мне лучше его разглядеть; не знаю, зачем я это делаю, ведь он стоит спиной к камере.

Я продолжаю наблюдать за тем, как им приносят выпивку, и, когда они встают с табуретов, я уже знаю, что они направляются к столику в углу. Я по-прежнему не вижу лица другого мужчины: он повернул голову в сторону, беседуя с Джейком. И тут, словно почувствовав, что я наблюдаю за ним, смотрит прямо в камеру.

Я заранее была готова к тому, что увижу на записи Джейка: есть что-то необычное в том, чтобы наблюдать за кем-то на видео, а не на фото, и, как бы странно это ни было, я знала, что это произойдет. Но к чему я не была готова, так это к тому, что «маньяк», как его обозвала барменша, – мой родной человек, родной по плоти и крови.

Это Макс.

Я мотаю головой, словно это может изменить изображение на экране, и прошу Джимми перемотать запись и поставить на паузу. Однако отрицать очевидное невозможно: Макс встречался с Джейком, а мне об этом не сказал.

Совершенно нелогично скрывать это от меня. И еще менее логично видеть, как они ссорятся.

Макс и Джейк были друзьями.

Я не могу поверить в то, что вижу. Как мы трое дошли до такого? Как глубоко мы пали? Я кручу шеей то влево, то вправо, пока Джимми заново воспроизводит запись. Даже при повторном просмотре я все еще не могу поверить в то, что этот человек на экране – мой брат. Жаль, что на камерах видеонаблюдения нет звука.

Я пристально, обвиняюще смотрю на Джимми и требовательно спрашиваю:

– Так вот почему ты не хотел, чтобы я посмотрела запись?

– Я не хотел, чтобы ты смотрела записи с камер видеонаблюдения в моем пабе, поскольку это совершенно не твое дело.

– На этой записи – Макс и Джейк, а значит, это мое дело.

Джимми даже не пытается возразить; вместо этого он придвигается ко мне и кладет ладонь на мою руку. Как ни странно, его прикосновение успокаивает. Это связь с прошлым, которое я так старательно пыталась оставить позади.

– Прости, но видеть это неприятно, – говорит он, и в его голосе звучит теплота, которая свидетельствует о том, что он не забыл. Джимми знает, как важны для меня эти двое – и в прошлом, и в настоящем.

– Ты знаешь, о чем они говорят?

– Нет... – Он вздыхает.

– Макс вообще говорил с тобой о Джейке?

– Нет.

Я вижу, что Джимми теряет терпение – он убирает руку прочь.

– Ты знал, что Джейк сменил имя и стал Брэдом? Черт, вы все знали? Только я не знала.

– Нет, не знал... Господи, Джастина, успокойся. Никто из нас не видел Джейка и не разговаривал с ним с тех пор, как он уехал в то Рождество, – и до того, как умерла его мать. По-моему, он никому не говорил, что сменил имя. Я узнал об этом только сегодня утром из новостей. Когда он недавно вернулся в город, точно называл себя Джейком.

– Думаю, в этом есть смысл. Местные с детства знают его как Джейка, а значит, если он решит снова исчезнуть, ему будет проще сделать это под именем Брэда.

– Но вся эта история с той злосчастной четой... я просто не могу в это поверить. Думаешь, он действительно совершил это?

– Понятия не имею, но в двойном убийстве просто так не обвиняют. Ты уверен, что Макс ничего тебе не говорил? Ты его лучший друг. И это произошло в твоём пабе. Мне трудно поверить, что он не рассказал тебе об этом...

– О боже, Джастина, зачем задавать мне вопросы, если ты все равно не согласишься верить моим ответам?

Я не говорю ему, что вообще не верю ничьим ответам, если только они не звучат в зале суда, – и даже тогда испытываю сомнения. Удивительно, насколько многие ответы становятся иными, когда человек дает клятву говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды.

– Отлично. Еще один вопрос: когда ты в последний раз видел Макса?

– Не знаю... – Джимми делает паузу, ерошит волосы руками, словно пытаюсь вспомнить. – Кажется, пару месяцев назад. Перед этой самой потасовкой, то есть в начале мая. Знаешь, как это бывает: человек остается твоим другом, но ваши жизни уже не сплетены так тесно, как раньше... Почему ты спрашиваешь? С ним всё в порядке?

То ли потому, что я впервые произношу это вслух, то ли потому, что записи с камер видеонаблюдения свидетельствуют, как много я не знаю о своем брате, но внезапно осознание происходящего обрушивается на меня в полную силу, и мне приходится прилагать усилия, чтобы мой голос не сорвался, когда я отвечаю:

– Нет, мне кажется, совсем не в порядке. Я уверена, что Макс исчез.

* * *

Я не могу ждать, пока доберусь до дома. Выбегаю из паба на оживленную улицу и звоню Отису прямо с тротуара, не в силах сдвинуться с места, пока он не возьмет трубку.

– Алло?

– Ты уже нашел что-нибудь на ноутбуке Макса? – У меня сейчас нет терпения, чтобы соблюдать вежливость.

– Боюсь, что нет, но дело не в том, что там нечего искать. На самом деле я уверен, что твой брат что-то скрывал.

– Почему?

– Он установил программу «Тор», единственная цель которой – скрыть историю поиска. Ее практически невозможно взломать.

– Он все просчитал...

– Именно. Ты хочешь, чтобы я продолжил?

– Конечно. Отис, мне кажется, у него могут быть проблемы. Нам действительно нужно найти что-нибудь – и как можно скорее.

– Не волнуйся. Я займусь этим, обещаю.

– Спасибо.

Мне становится немного легче дышать, и я напоминаю себе, что могу доверять Отису. Но мысль о том, что у Макса есть тайны – и, судя по всему, серьезные, – тяжким грузом давит на меня. Человек не станет устанавливать программу для шифрования истории поиска... если только не делает нечто такое, чего, как он знает, делать не следует, – нечто такое, за что, по его мнению, кто-то будет его преследовать.

Но за что?

И не пришел ли уже этот «кто-то» за моим братом?

Глава 12

Ожидая дальнейших новостей от Отиса, я пытаюсь отвлечься – и для этого перебираю в памяти подробности досье Джейка. Я дала себе слово, что завтра же передам дело другому юристу. Все и так слишком затянулось.

Но пока все данные у меня на руках, я пытаюсь продумать: какую историю обвинение может преподнести присяжным для наибольшего эффекта?

Имя: Брэд Финчли

Возраст: тридцать пять лет

Рост: шесть футов четыре дюйма

Вес: пятнадцать стоунов [\[6\]](#)

Это выгодно для обвинения. Джейк – или, точнее, Брэд, как его именуют во всех материалах дела, – выглядит внушительно. Благодаря своим природным данным в глазах присяжных он будет выглядеть полным угрозы типом – еще до начала процесса.

У меня такое ощущение, будто я вот-вот ухвачу суть. В голове у меня практически сложилась вся сцена, но какого-то кусочка головоломки все еще не хватает. Это как зудящее место, которое никак не получается почесать. Я открываю подробный отчет с места преступления, и на этот раз одна деталь кажется мне более важной, чем остальные. Ранее я не уделяла ей должного внимания – общая жестокость сцены затмевала мелкие подробности.

Но именно благодаря мелочам выигрывается дело, именно из них можно сплести историю. Домашний телефон висел на кухонной стене над обмякшим телом мистера Рашнелла. В отчете говорится, что трубка телефона свободно свисала на проводе. Я закрываю глаза и мысленно проигрываю последние минуты жизни мистера и миссис Рашнелл...

Человек, вломившийся в дом, одет в длинный черный джемпер. Он не собирается причинять никому вреда, поэтому его руки не скрыты

перчатками. В этом нет необходимости. Он не собирается использовать пистолет. Он взял с собой оружие просто на всякий случай.

Он не думал, что в доме кто-то есть, это должно было стать обычным ограблением. Войти и выйти. На подъездной дорожке не было машины. И преступник наверняка не ожидал, что мистер Рашнелл успеет оказаться на кухне раньше него, поднимет трубку и начнет набирать номер. Преступник кричит, чтобы тот остановился, но хозяин дома не повинуется. Преступник делает единственное, что приходит ему в голову. Он достает пистолет – тот самый, который не собирался использовать и который взял просто ради собственного спокойствия. Приставляет пистолет к голове мистера Рашнелла. Жестким тоном приказывает ему повесить трубку. Но тот оказывается смелее, чем преступник мог себе представить. Еще раз звучит приказ повесить трубку, потом просьба прекратить сопротивление. Преступник приходил совсем не ради этого. И снова мистер Рашнелл не подчиняется. Преступник в панике. Он знает, что ему не удастся скрыться от преследования полиции. Положение становится отчаянным. Он чувствует, как дрожит его рука. Палец ложится на спусковой крючок. Марк Рашнелл поворачивается, чтобы посмотреть на мужчину, и тот понимает, что больше ему ничего не остается.

Кровь брызжет на шкафы. Темно-красная лужа растекается по полу кухни. Выстрел был сделан со столь близкого расстояния, что причиненная им рана просто ужасна.

И тут раздается крик. Громкий и пронзительный. Его невозможно не услышать извне. Миссис Рашнелл падает на колени и протягивает руки к мужу. Преступник понимает, что должен как-то прекратить этот шум. И он делает единственное, что приходит ему в голову. Он стреляет и в нее. Как раз в тот момент, когда ее пальцы касаются пальцев мужа. Наконец-то становится тихо...

Теперь она у меня есть. История для присяжных.

Правдива ли она? Скорее всего, нет.

Звучит ли она убедительно? Безусловно.

Не хватает только причины, по которой Брэд вообще оказался в том доме. Я использовала извечную отговорку про ограбление, но и

сама понимаю, что хватаюсь за соломинку. До этих убийств досье Брэда было безупречным. Нельзя одним махом превратиться из добропорядочного гражданина в вооруженного грабителя.

Для того чтобы дело было абсолютно беспримысленным, обвинение должно назвать мотив убийства. Мы уже знаем, что эксперты обнаружили следы присутствия Брэда на месте преступления.

Тем не менее я постоянно возвращаюсь к одному факту, противоречащему этим сведениям: полиции не удалось обнаружить никаких записей, на которых Брэд был бы запечатлен в соответствующем районе в день убийства, и до сих пор не установлена связь между ним и Рашнеллами. Конечно, нельзя отрицать, что улики против него весомы, но принципиально важно одно – нельзя сказать, что его застали с личным.

И тут до меня доходит. Я поспешно выхватываю блокнот – давно у меня не было такой спешки – и делаю запись на странице, буквально ощущая, как слова текут сквозь пальцы и карандаш.

Когда Джейк заполучил в свое распоряжение пистолет?

Я вспоминаю записи с камер видеонаблюдения, сделанные в баре. То, как он двигался. Меня не покидает все то же ощущение его присутствия рядом. Если б я только могла протянуть руку сквозь экран и вернуться в прошлое! Я не могу утверждать, будто знаю Брэда Финчли – будто знаю, на что он способен или не способен, – но, вернувшись сюда, стала задумываться: не остался ли Брэд по-прежнему Джейком, просто Джейком?

А Джейка Рейнольдса я знаю.

Джейк Рейнольдс не способен на убийство.

Значит, если Джейк не убивал Рашнеллов, то кто же это сделал? И каким образом у него оказалось оружие убийства? Почему все улики указывают, что присутствовал на месте преступления?

Глава 13

Меня самую удивляет то, с какой настороженностью я открываю дверь «Синего орла». Уверенность в правильности собственных поступков начинает ослабевать. Мне не по себе оттого, что я снова здесь, и я чувствую, как прошлое терзает мою душу. Обвожу взглядом зал, проверяя, не видно ли где-нибудь родственников Рашнеллов – они могут появиться в любой момент. Мы часто отмечаем, что родственники жертв приходят в то место, где был произведен арест; они отчаянно ищут ответа, объяснения преступлению, которое, как им кажется, не имеет причины.

Не то чтобы они могли знать, кто я... но все же у меня плохо получается думать о Марке и Беверли как о реальных людях, у которых есть близкие, любящие их, – не говоря уже о вероятности стать свидетельницей этого горя. Так же плохо у меня получается думать о том, что Джейк может быть виновником той боли, которая, несомненно, будет написана на лицах этих людей. Честно говоря, я не знаю, что лучше – считать Джейка способным на убийство или представить, что он может быть заключен в тюрьму по ошибочному обвинению.

И в этом, собственно, кроется причина того, почему я здесь. Я устраиваюсь в том самом углу «Синего орла», где, как зафиксировала камера видеонаблюдения, Джейк когда-то сидел с Максом. Я готова позвонить Чарльзу и рассказать все начистоту – или, по крайней мере, изложить свою версию. Сегодня суббота, но чем дольше я буду тянуть с признанием, тем хуже это будет выглядеть.

Я с самого начала знала, что так и случится. Я не могла вести дело Джейка от начала до конца, но и не могла просто оставить все как есть. Мне нужно было время. И, если быть до конца честной, мне нужен был доступ ко всем подробностям дела. Но чем дольше я буду затягивать с передачей полномочий, тем сильнее буду рисковать соблюдением законности – а если Брэд все еще остается прежним Джейком, если он не совершал того, в чем его обвиняют, то нужно дать ему как можно больше шансов на справедливое решение дела. Моя работа над делом должна была завершиться, но это кажется мне чем-то

символичным и неестественным: как будто я разрываю свою связь с Джейком.

Джимми лично приносит мне горячий шоколад, и ощущение спокойствия от встречи с ним – от осознания того, что он рядом, все еще живет и дышит здесь, в этом самом городе, где мы выросли, – внезапно становится невероятно сильным.

Я беру телефон, чтобы позвонить Чарльзу, и вижу, что первая часть стенограммы допроса Джейка была отправлена по электронной почте вчера поздно вечером. Формально в данный момент я все еще являюсь главным обвинителем по делу о двойном убийстве.

Вдыхаю на счет «четыре», задерживаю дыхание на счет «пять», выдыхаю на счет «шесть».

Пытаюсь не открывать файл.

Вспоминаю, зачем я здесь.

Оглядываюсь на Джимми, который в этот момент исчезает в задней комнате.

Прикрываю глаза ладонями, но боль возвращает меня *туда*.

Я снова тону в темноте. Я одна. Пол подо мной твердый. Почему никто не приходит?

Я открываю глаза, позволяя себе увидеть свет. Я свободна. Я больше не в ловушке. Мне уже не восемнадцать лет, и мне не страшно. Я могу делать то, что хочу.

Я принимаю решение и нажимаю кнопку «Открыть вложение».

БРЭДЛИ ТОМАС ФИНЧЛИ ЧАСТЬ 1 ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Дата: 17/06/2023

Продолжительность: 12 минут

Место: Челмсфорд

Количество страниц: 6

Проводится офицерами полиции Эссекса констеблем Мюрреем и констеблем Грейджер

Я думала, что, увидев в заголовке имя Брэдли Томаса Финчли, смогу заново отделить Джейка от Брэда – убедить себя в том, что он

изменился, и не вовлекаться в дело настолько эмоционально. Но ничто не может передать самую суть человека, как протокол полицейского допроса. В этом документе мне слышится голос прежнего Джейка, и от этого никуда не деться.

Все начинается как и при любом другом полицейском допросе: ему зачитывают его права, сообщают его личные данные, спрашивают, понимает ли он, что происходит и где он находится. А затем начинается настоящий допрос.

Констебль Мюррей: Вы можете сказать, когда приехали в Молдон в последний раз?

Финчли: Конечно, это было девятнадцатого апреля.

Констебль Мюррей: А где вы жили до этого?

Финчли: Я жил в Шотландии.

Констебль Мюррей: Вы можете уточнить, где именно?

Финчли: В Глазго.

Констебль Мюррей: Но вы выросли в Молдоне, верно?

Финчли: Я родился и вырос в Молдоне.

Констебль Мюррей: И что же заставило вас вернуться после долгих лет жизни в другом регионе?

Финчли: Моя мама... она умерла, и мне нужно было вернуться, чтобы привести дом в порядок. Разобрать их с отцом вещи, подготовить его к продаже. Ну и всё в таком духе.

Констебль Мюррей: Вы не собирались оставаться? Вы просто хотели...

Финчли: Нет, я вернулся только для того, чтобы разобраться с домом.

Констебль Мюррей: Но спустя три месяца вы все еще пребывали в Молдоне?

Финчли: Совершенно верно.

Констебль Мюррей: После возвращения произошло что-либо, изменившее ваши намерения? Побудившее вас остаться здесь подольше?

Финчли: При всем уважении, я еще не закончил разбираться с домом. Нужно многое сделать, а я единственный, кто может этим заниматься.

Констебль Мюррей: И это единственная причина, по которой вы все еще живете в Молдоне?

Финчли: Верно.

Констебль Мюррей: Что ж, давайте вернемся немного назад, хорошо? Вы не расскажете нам, почему уехали восемнадцать лет назад?

Финчли: У меня не было особых причин, но в Молдоне меня больше ничего не держало. Это слишком маленький городок.

Констебль Мюррей: В отличие от Глазго.

Финчли: Именно.

Констебль Мюррей: А как насчет друзей? Девушки? Работы?

Финчли: Нет. Никого.

Констебль Мюррей: Значит, вы хотите сказать, что вы в каком-то смысле одиночка? Вам трудно находить друзей?

Финчли: Не совсем.

Констебль Мюррей: Хорошо, давайте продолжим. Когда вы жили в Молдоне, вас знали под другим именем. Не могли бы вы уточнить, каким было это имя?

Финчли: Меня звали Джейк Томас Рейнольдс.

Констебль Мюррей: Не могли бы вы рассказать нам, почему вы сменили имя?

Финчли: Мне не нравилось мое прежнее имя.

Констебль Мюррей: Вашего отца тоже звали Джейк Томас Рейнольдс. Правильно?

Финчли: Да.

Констебль Мюррей: Должно быть, для ваших родителей много значило то, что они называли вас в честь отца. Вы не любили своего отца?

Финчли: Я любил своего отца.

Констебль Мюррей: Итак, сейчас я просто повторяю сказанное еще раз, дабы убедиться, что верно все понял. Вы любили своего отца, с которым у вас было общее имя, и, вероятно, это имело большое эмоциональное значение для ваших родителей, вы согласны?

Финчли: Вероятно.

Констебль Мюррей: Ладно. В каком месяце вы покинули Молдон?

Финчли: В декабре.

Констебль Мюррей: Мистер Финчли, случилось ли в том декабре нечто, вынудившее вас уехать?

Финчли: Без комментариев.

«Случилось ли в том декабре нечто, вынудившее вас уехать?»

Слова сливаются и плывут перед глазами.

Я всегда считала, что после той рождественской вечеринки должно было произойти что-то еще, заставившее его уехать прочь. Я никогда не могла смириться с тем, что он просто покинул меня. Но вот наконец оно, черным по белому: подтверждение того, что *именно мой поступок* заставил его уйти. Шестнадцатого декабря я разбила все, что было между нами, на множество осколков, и он почувствовал, что ему больше не для чего оставаться.

«А как насчет друзей? Девушки?»

«Никого».

Я чувствую, как эти слова обжигают меня. И самое главное, в то Рождество он бросил не только меня. Он покинул и Макса, своего друга. Неужели они ссорились именно из-за этого?

Прежде Макс-брат

Дорога была хорошо знакома Макс. Короткий путь вдоль реки прочь от Молдона, и вот они трое уже на поляне у кромки воды, идеально подходящей для летних дней, когда можно не делать почти ничего, но в то же время все и сразу. Барбекю, катание на гребных досках и игра во фрисби. Именно для этого существовало лето, и это помогало ему забыть о худших моментах учебного года в Кембридже.

Поначалу Макс настороженно относился к Джейку и внимательно следил за происходящим. Он считал, что это его работа. Это было для него определяющим моментом – с тех пор, как он себя помнил. Он защищал Джастину. Всегда. Они могли положиться только друг на друга. Поначалу было сложно впустить в круг общения Джейка, но вскоре они стали дружной троицей.

Макс наблюдал за ними с травянистого берега: сестра и ее парень катались на досках. Джейк приблизился к доске Джастины, угрожая сбросить ее в воду. Она смеялась, беззаботно запрокинув голову, и упорно пыталась отплыть от него. Чувство свободы здесь было просто осязаемым по сравнению с обстановкой дома. *У них дома.* Макс ощущал эту разницу в себе и видел в Джастине. Здесь они казались себе более живыми.

Дело было не только в летней беззаботности, но и в воздействии Джейка – он был для них чудодейственным элементом. Джейк и Джастина идеально подходили друг другу. Макс знал, что Джастина часто бывает злейшим врагом сама себе; ее обуревали мысли, грозившие погубить ее: дескать, отец контролирует ее, а мама сторонится. Но когда Джейк был рядом, Макс казалось, что она отдыхает душой, освобождается от всего, что творится дома.

– Помогай! – окликнул его Джейк.

– Не смей! – закричала Джастина, принявшись грести быстрее.

Макс вскочил на ноги и помчался к травянистому урезу воды, остановился у самой кромки, прыгнул в реку и поплыл к Джастине. Она повернулась; паника в ее глазах сливалась с радостью – как у ребенка, играющего в прятки и знающего, что его вот-вот найдут.

Джейк подбадривал Макса. Когда он добрался до доски Джастины, то лишь злобно ухмыльнулся, угрожая опрокинуть ее, – и тут она прыгнула в реку. Предпочла сбежать, а не быть пойманной, хотя в любом случае оказалась бы в воде.

Макс заранее знал, что Джастина поступит именно так.

Они были созданы такими – он и она.

Стоуны были устроены так, чтобы всегда сохранять контроль над ситуацией. Даже когда шансы складывались против них.

Глава 14

Чарльз отвечает после первого же звонка. Это застаёт меня врасплох, и я на мгновение забываю, что хотела сказать.

– Алло? – повторяет он, и в его голосе слышится беспокойство.

– Здравствуйте, Чарльз. Извините, я на связи.

– Всё в порядке. Как продвигается дело? – С Чарльзом невозможно вести пустые разговоры, у него нет на это времени. Я делаю глубокий вдох, а затем, фигурально выражаясь, срываю пластырь с раны.

– Мне жаль... – Боже, как я ненавижу эти слова! Они кажутся слишком примитивными: можно подумать, порой слов можно выразить то, что я чувствую на самом деле. Никто никогда полностью не сожалеет о своих поступках. Или, по крайней мере, не только сожалеет. Эта фраза звучит слишком упрощенно. Я вообще не доверяю тем, кто начинает с «мне жаль». – Я осознала, что допустила огромную ошибку: я знаю обвиняемого. – Я заставляю себя открыть правду.

– Вы знаете Брэда Финчли? – В голосе Чарльза звучит недоверие.

– Знаю, но не как Брэда. Раньше его звали Джейк Рейнольдс. Я не видела его восемнадцать лет и понятия не имела, что он сменил имя. Честное слово, для меня это такое же потрясение, как и для вас. – Допускаю в своих словах некоторую условность, но это не совсем ложь. Я была искренне потрясена, когда Джейка обвинили в убийстве.

Слышу, как Чарльз резко выдыхает на другом конце.

– Я действительно не знала об этом до сегодняшнего утра, – повторяю я, надеясь, что не перегибаю палку.

– Это *очень* серьезно, Джастина, ты должна была сказать об этом еще несколько дней назад. – Он произносит фразу медленно, подчеркивая слово «очень».

– Знаю. И клянусь: если б я сразу поняла, что Брэд – это Джейк, то немедленно сказала бы об этом. Меньше всего мне хотелось бы ставить дело под угрозу, но вы должны понять, что я не видела его много лет, с тех пор как мы были детьми. Я его даже почти не знала, мы просто из одного города.

– Понятно... – Он делает паузу, как будто на самом деле ему совсем ничего не понятно. – Вы сказали судье?

– Еще нет. Я хотела сначала все объяснить вам.

– Очевидно, что вас отстранят от дела, и кто знает, какая адвокатская палата получит его теперь... – Голос Чарльза звучит недовольно – скорее всего, не только из-за неудобства, связанного с тем, что у нас забрали дело, но и из-за сложности организации дальнейших действий. Если б мы обеспечили обвинительный приговор, это чудесным образом поспособствовало бы притоку новых дел в нашу компанию.

– Мне действительно очень жаль. Вы, как никто другой, знаете, как сильно я желала, чтобы это стало для меня звездным часом.

– Что сделано, то сделано, Джастина. Я верю, что вы не стали бы ставить нас всех в такую ситуацию сознательно. – Мысленно я вижу, как Чарльз поднимает брови, глядя на меня поверх очков. По его взгляду понятно: хотя он и говорит, что доверяет мне, сам он в это ни капли не верит.

– Нет, не стала бы. – Я твердо стою на своем, и мы оба выдерживаем паузу. Я стараюсь не сдаться первой, но, возможно, чувство вины подтачивает мою волю, и я добавляю: – Спасибо за понимание.

Он хмыкает в трубку, но продолжает молчать. Именно благодаря такой выдержке Чарльз столь грозен в суде.

– Хорошо. Увидимся, когда я в следующий раз буду в палате. Извините, что подвела вас, – повторяю я еще раз, уже сожалея, что сделала это, а потом вешаю трубку.

Ненавижу разочаровывать людей. Особенно мужчин. Айя говорит мне – это потому, что я проецирую на них необходимость угодить отцу. Отец – даже спустя столько лет и столько часов терапии – все еще влияет на мое поведение. Мне не следовало бы так удивляться этому.

Глава 15

Моя кожа горит от жара, но я в очередной раз поворачиваю рычаг душа, прибавляя температуру воды. Горячая и так выкручена почти на максимум. Задерживаю дыхание, дожидаясь, пока тело привыкнет к новой температуре, и чувствую, как жжение стихает. Расслабившись, снова нажимаю на рычаг. Вверх поднимается пар. Это похоже на некий экзорцизм, и вместе с этим паром я уношусь прочь отсюда: от мамы, Макса, Молдона, Джейка; выше, выше и дальше. Я игнорирую почти невыносимую вонь алкоголя, сочащуюся сквозь поры моей кожи, и позволяю жару унести меня.

Не знаю, насколько Чарльз поверил в мои слова, когда сегодня утром я сообщила ему, будто только сейчас поняла, что знаю обвиняемого. Чарльз не отличается доверчивостью, но по какой-то причине он решил позволить мне изложить эту ложь. Решил принять ее как правду – по крайней мере, на словах. Посмотрим, что будет дальше. Часто худшее наказание – то, которое применяется медленно; настолько незаметно, что ты даже не можешь предъявить претензии. Но ты знаешь, что оно есть. Ты чувствуешь его в подробностях. Все всегда сводится к чертовым подробностям.

Я беру мочалку и начинаю тереть кожу. С силой, долго.

Пока не слышу *это*.

Одна из самых жутких историй, которые рассказывал папа Джейка, была о том, как его отец, дед Джейка, выскочил на улицу в халате и помчался через дорогу, чтобы спасти соседку, на которую напал муж. Отец Джейка был тогда совсем мальчишкой, но, по его словам, крики, доносившиеся из соседского дома, звучали словно в фильме ужасов. «Сразу было понятно, что у нее не просто что-то случилось. Этот крик означал, что ее убивают». Мне всегда было интересно – как крик может быть настолько выразительным, настолько понятным без слов?

«Значит, вот как он должен был звучать...»

Это первое, что приходит мне в голову, когда раздается крик.

Я мчусь вниз по лестнице, завернувшись в полотенце, которое не скрывает мои красные от горячей воды ноги, – и резко останавливаюсь

при виде двух полицейских у входной двери.

«Они добрались до меня...»

Это вторая мысль, которая возникает у меня в голове.

Мама медленно-медленно оборачивается, как будто ей физически трудно шевелиться в обычном темпе.

Крик уже смолк.

Между нами никогда не было той тесной связи, которая возникает между матерью и дочерью. В половине случаев я понятия не имею, чем она живет и о чем думает. Но как только она обращает взгляд на меня, я понимаю.

Макс мертв.

Осознание приходит мгновенно, но одновременно с этим время словно замедляется. И из-за сочетания этих факторов ужас обрушивается на меня не сразу – он приливает медленно. Проходит по телу тягучей волной раздирающей боли. Сначала эта боль проникает в мой мозг – потому что разумом я воспринимаю ее сразу же, она настолько явственно отражается на лице моей матери, что ее невозможно не узреть. Затем боль сползает по телу сверху вниз. Наконец, когда она достигает пальцев ног, охватывает меня мучительным жаром, я чувствую, как начинаю терять равновесие.

Один из полицейских, тот, что повыше, устремляется ко мне, протягивая руки. Я чувствую, как он хватает меня за плечи, и понимаю, что, должно быть, вот-вот упаду.

Теперь уже я сама исхожу тем жутким утробным криком, который до этого испустила моя мать.

* * *

Нас уводят на кухню, и я отмечаю, как непринужденно полицейские распоряжаются в нашем доме. Открывают шкафы, ставят чайник... Сколько домов они посещали прежде, скольким семьям приносили горестные известия? Наблюдая за ними, я думаю о том, сколько времени нужно, чтобы выработать подобный навык – внезапно оказаться безоговорочным хозяином в чужом помещении.

Когда передо мной ставят исходящую паром чашку кофе, второй полицейский приносит халат, который они, должно быть, нашли

наверху, и протягивает его мне. Я резко осознаю, что на мне по-прежнему нет ничего, кроме полотенца, и быстро накидываю халат на плечи.

– Итак, – начинает тот офицер, что пониже ростом и с более добрым лицом, – нам нужно будет взять у вас обеих показания. Но сначала – есть ли у вас какие-нибудь вопросы к нам?

Мама смотрит на меня, передавая мне ответственность за этот разговор. А справлюсь ли я? Макс мертв. Что мне делать теперь?

– Вы сказали, что Макса нашли в море. Значит, он утонул? – спрашиваю я, отчаянно пытаюсь вернуть себе хоть какое-то ощущение контроля. Доказать себе, что я способна на это. Но голос срывается, когда я выговариваю эти слова.

– Боюсь, мы всё еще ожидаем результатов вскрытия. Пока нам неизвестна официальная причина смерти, но тело Макса было найдено местным рыбаком у побережья Мерси. По нашим изначальным предположениям, труп, скорее всего, пробыл в воде несколько дней.

– Как вы думаете, с какого числа? – Мне требуется вся моя сила, чтобы не закричать и не потребовать у них ответов. Объяснений. Как такое могло случиться? Почему Макса отняли у нас?

– Мы еще не до конца уверены... Однако, похоже, это действительно произошло всего за несколько дней до обнаружения, иначе тело, по всей вероятности, было бы повреждено куда более значительно.

«Тело повреждено». Это заставляет меня воображать самые разнообразные картины. Рисовать себе разные версии того, как выглядит сейчас Макс. Но я не хочу запомнить брата таким. С силой щиплю себя за бедро. Это помогает прочистить мысли.

– Но достаточно долго, чтобы всплыть? – Я довольно много знаю об утоплениях и в курсе, что трупу требуется некоторое время для образования газов, которые поднимут его на поверхность.

– Да, похоже на то.

– У вас есть какие-либо соображения касательно того, что могло случиться? Нельзя же вот так приходить, не имея никаких ответов на важные вопросы. Это нечестно, – говорю я, хотя понимаю, что это звучит как хныканье обиженного ребенка. Смотрю на маму, ища поддержки. Конечно же, она тоже хочет услышать от них нечто большее, чем стандартные банальные фразы, верно? Но она просто

сидит в кресле и молчит, склонив голову. – Мама! – резко окликаю я. – У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Однако она лишь смотрит на меня, как будто ничего не соображает.

Я знаю, что следовало бы ее жалеть, – но ее поведение меня злит. Она и при жизни отца была такой же. Молчаливой. Жалкой. Бесполезной. Она просто позволяла событиям случаться с ней и никогда не давала отпора. Я вновь напоминаю себе, что решила никогда не становиться такой, как она, – марионеткой без капли собственной воли.

– Мне очень жаль, – говорит офицер. – В подобных ситуациях необходимо сначала предпринять определенные шаги, прежде чем мы сможем собрать детали воедино. Будьте уверены, мы делаем все возможное. Первое, что нам нужно, – это чтобы вы поехали в участок и опознали тело. Миссис Стоун, вы желаете присутствовать?

– Нет, нет. Я не могу. Я просто не могу. – Она сутулит плечи и снова начинает плакать.

– Я поеду. – Теперь мой голос звучит ровнее. Это минимум, который я могу сделать. Это способ быть полезной. Помочь. Принести пользу. Доказать, что я совсем не такая, как моя мать.

Макс был рядом, когда я нуждалась в нем, а теперь моя очередь помочь ему.

«Тебе нужно вернуться домой».

Если б я поняла это раньше – брат остался бы в живых?

* * *

Полицейские ждут внизу, пока я оденусь. Знаю, что должна торопиться, но сначала улучаю момент, чтобы поговорить с Отисом. Как только в деле возникает труп, я понимаю, что отсчет пошел. Чем раньше начнешь, тем больше шансов найти ответы. Я понимаю, что не смогу заставить себя озвучить вслух факт смерти Макса, поэтому сначала пишу Отису сообщение – предупреждаю, что тело Макса найдено, и прошу его позвонить мне. Мой телефон начинает жужжать через пару минут.

– Соболезную, – сразу же произносит Отис. Он – первый человек, с которым я беседую после получения этой новости, и я благодарна ему за прямоту. Он не боится высказывать все как есть. Он не увиливает от ответа. Смерть и убийства – повседневность для Отиса; он может говорить без обиняков, а это именно то, что мне сейчас нужно. Я не могу позволить себе сломаться. Нужно отстраниться. Подавить боль.

– Спасибо. Сейчас поеду в участок. – Я натягиваю шорты цвета хаки и свободную блузку, зажимая телефон между плечом и ухом. – У тебя есть какие-нибудь успехи?

– Нет, но я провел еще кое-какие раскопки после того, как ты вчера звонила и так сильно нервничала.

– И что?

– Ты знаешь, что его уволили шесть недель назад?

– Что?.. Ты уверен?

Новые тайны. Тайны Макса. Мамины тайны. Мои тайны. Когда это закончится? Когда это началось?

– Несомненно.

– Там не сказано почему?

– Судя по всему, он приходил на работу пьяным. Его предупреждали, соблюдали все трудовые протоколы, но он так и не взял себя в руки.

Я вспоминаю о пивных бутылках, разбросанных по всему дому Макса. О том, каким он был на записи с камеры видеонаблюдения в «Синем орле». Всё сходится, но сейчас у меня есть только один кусочек головоломки, и я понятия не имею, каким будет конечный результат.

– Спасибо. Обещаешь, что сообщишь, как только найдешь что-нибудь новое?

– Обещаю. Мне следует знать что-либо еще?

Я думаю о потасовке Макса с Джейком и понимаю, что сведения об этом могут быть важны, однако инстинкт настоятельно подсказывает, что пока следует отделять одно от другого. Не в последнюю очередь потому, что меня официально отстраняют от ведения дела Джейка – еще одна вещь, о которой я должна рассказать Отису. Все равно от него ничего нельзя утаить надолго, но если Отис решит, что эта ссора может быть как-то связана с делом, которым я

больше не занимаюсь, возможно, он не захочет сотрудничать со мной. Макс мертв, и мне нужна любая помощь, которую я могу получить – *пока еще* я могу ее получить.

– Насчет Макса? Нет. Я рассказала тебе все, что знаю, – отвечаю я, изо всех сил стараясь избежать прямой лжи.

– Хорошо, я буду копать дальше. И, Джастина... я действительно ужасно сочувствую.

– Спасибо. И еще кое-что, пока не забыла...

– Да?

– Не мог бы ты поискать для меня сведения о Рашнеллах? Кем они были? Всегда ли они жили в Суррее?

Я не задаю вопрос о том, что действительно хочу знать: жили они когда-нибудь в Молдоне и почему у меня возникает навязчивое ощущение, будто я их откуда-то знаю?

Глава 16

Распухшее, покрытое синяками, холодное. Это не первое мертвое тело, которое я вижу, но, безусловно, наиболее значимое для меня лично. Я борюсь с приливом горя, грозящим захлестнуть меня. Напоминаю себе, что смогу побыть сестрой Макса позже, но сейчас ему требуется от меня нечто более важное.

Я думала, что окажусь сильнее; знаю, что эмоциональность способна лишь сделать меня беспечной. Мне нужно быть проницательной. Наблюдательной. Умной. Такой, какой меня учили быть. «Я могу это сделать», – твержу я себе. Я обязана Максу. Но все равно мои ноги словно приросли к месту. Приходится прилагать невероятные усилия, чтобы переставлять их – одну за другой, – пока я не оказываюсь рядом с ним. Мой язык словно прилип к нёбу. Мне очень жарко, хотя разумом я понимаю, что в помещении должны поддерживать низкую температуру, чтобы сохранить тела. Я пытаюсь сосредоточиться на фактах. На чем угодно, лишь бы отвлечься от того, что на столе лежит Макс, мой старший брат.

У утопленников в результате гниения плоти выделяются газы, из-за чего тело раздувается изнутри. Именно поэтому труп Макса всплыл на поверхность и был замечен местным рыбаком. Учитывая температуру воды и степень разложения тела, полиция предположила, что оно оказалось в воде за три-пять дней до обнаружения, но что-либо еще можно будет понять только после полного вскрытия.

– Это он, – произношу я, подтверждая то, что должен услышать полицейский офицер по связям с населением. Он молча выходит из комнаты, оставляя меня наедине с Максом еще на несколько минут.

Я знаю, что не должна этого делать, но, не успев остановить себя, протягиваю руку и откидываю до пояса простыню, которой он укрыт до подбородка. Мне уже показывали фотографии, поэтому я знаю, чего ожидать, но все равно делаю резкий вдох, когда передо мной открывается впалый правый бок моего старшего брата. На теле явственно выделяются синяки, и я вижу, в каких местах кожа стянута поверх полученных ран и неровно сшита от тазобедренной кости до ключицы.

Были ли эти раны нанесены чьими-то злыми руками, а может быть, камнями или плавучими обломками – уже после смерти, – мы пока не знаем. Пока известно лишь, что Макс Стоун, тридцати семи лет, был найден мертвым в четыре часа тридцать минут утра, плавающим в четырехстах метрах от береговой линии острова Мерси. Мерси, с его живописными разноцветными пляжными домиками, где мы не раз проводили лето, сооружая из песка скоростные катера и вулканы. Это, без сомнения, мои самые счастливые детские воспоминания. Когда мы были там, морской воздух, казалось, уносил прочь все остальное; помню, как однажды я взглянула на маму и папу и увидела, что они смеются вместе. Меня поразило, как искренне звучал этот смех на пляже по сравнению с тем, что было дома. Мама сидела в полосатом шезлонге, погрузив пальцы ног в песок, и смеялась, пока папа пытался разжечь мангал. Такие идеальные, как на открытке, они казались почти нереальными. Помню, как я тогда смотрела на них и думала: «Куда подевались мои настоящие родители?»

Возвращается офицер по связям с общественностью.

– Вы готовы? – мягко спрашивает он, безупречно играя свою роль.

Я возвращаю простыню на прежнее место со всей возможной осторожностью и любовью. Прежде чем проследовать за офицером из холодного помещения в ярко освещенный белый коридор, в последний раз смотрю на то место, где лежит мой брат, и даю обещание: я заставлю поплатиться того, кто сделал это.

Сержант Сорча Роуз ждет меня прямо у входа в прозекторскую. На ней безупречно сидящий брючный костюм черного цвета, а волосы собраны на затылке в высокий пучок. Эта женщина знает свое дело. Скорее босс большого города, чем представитель региональной полиции.

– Может, пройдемся? – предлагает она, протягивая мне чуть теплый кофе, который, как полагаю, куплен в автомате в конце коридора.

* * *

– Мне показалось, вы сказали «пройдемся»? – недоуменно переспрашиваю я, когда она щелкает кнопкой брелока и перед нами вспыхивают фары черной «Шкоды».

– Да, но как насчет того, чтобы сначала уехать отсюда? Дождь прекратился, и это значит, что скоро здесь начнется столпотворение. Я решила, что нам обоим полезно будет немного побыть в тишине.

– Хорошо, – соглашаюсь я и забираюсь на переднее сиденье. – Вы здесь недавно?

По ее акценту я уже догадалась, что она не местная.

– Я перевелась из Манчестера шесть месяцев назад.

Сержант не объясняет мне причину, и я не допытываюсь. Знаю, что обычно переезд детектива из большого города в маленький за двести миль обусловлен некой историей, но сегодня мне просто не до этого. В обычной ситуации я внимательно присмотрелась бы к Сорче в поисках подсказок, но вместо этого просто гляжу в окно, пока машина мчится прочь, оставляя Молдон позади.

Мы успеваем проехать совсем немного, прежде чем сержант Роуз сворачивает на небольшую парковку у края дороги. Я улыбаюсь и чувствую прилив уважения к этой женщине. Может, она и не так давно в этих краях, но явно знает свое дело. Это идеальное место для прогулки вдали от посторонних глаз.

Я знаю, что мы находимся в двух шагах от заказника Толсбери-Уик. Если где-нибудь и можно было убедить человека, что он может спокойно раскрыть свои секреты, так это здесь. Обширное и открытое место, где ветер пронизывает вас насквозь, пока вы следуете вдоль запутанных переплетений проток. Оно неизменно напоминает о том, как мал и слаб любой человек, делает страхи и тревоги настолько крошечными, что они кажутся почти несущественными. Столь несущественными, что ты забываешь принимать их близко к сердцу. Это продуманный ход, но я и сама умею играть в такие игры.

Мы молча идем по главной дороге, и, когда сворачиваем на узкую тропу, я замечаю, как Сорча делает вдох. Долгий и медленный. Затем, когда перед нами открывается пейзаж заповедника, она произносит:

– Мне очень жаль, что с Максом случилось подобное.

Сочетание столь прекрасного пейзажа и ее печальных слов вызывает у меня физическую реакцию, и мне приходится приложить всю силу воли, чтобы не вскинуть вольно опущенные по бокам руки к

основанию черепа, где уже пульсирует знакомая боль. Это настолько безупречный ход, настолько изящный и своевременный, что я задаюсь вопросом: скольких людей она водила сюда до меня, подвергая их точно такой же процедуре?

Мне становится слегка завидно.

– Спасибо. Мы его очень любили.

– Знаю, что вы уже дали показания в участке и на самом деле это просто пустой разговор, но я хотела спросить: не приходило ли вам в голову что-нибудь еще, о чем вы не написали в своих показаниях? Так трудно вспомнить все, особенно когда находишься в участке, и совершенно нормально, когда что-то всплывает в памяти впоследствии.

– Я давно привыкла к полицейским участкам. Я юрист по уголовным делам. Мне больше нечего добавить, но если я о чем-то вспомню, вы будете первой, кому я расскажу.

– Ах да... Я видела – вы работаете обвинителем в судебной палате.

Она прочла мое досье.

– Верно.

– В своих показаниях вы утверждаете, что приехали навестить маму тринадцатого июля. Вам не показалось необычным, что вы не смогли связаться с Максом? Ваш брат не был объявлен в розыск до пятнадцатого числа, когда его нашли.

– При всем уважении, мой брат уже взрослый человек, и с момента его пропажи прошло всего несколько дней. Я приезжала к матери, а не к нему.

– Понимаю. Я просто пытаюсь составить полную картину. Но сегодня мы обнаружили еще кое-что, и я хотела подождать, пока вы опознаете труп, прежде чем рассказать вам об этом. – Интонация, с которой она произносит слово «труп», кажется мне настолько отстраненной, что я едва не вздрагиваю. Она продолжает: – Боюсь, в доме Макса присутствуют следы взлома.

Конечно, в тот момент, когда тело Макса извлекли из воды, я поняла, что они найдут разбитую дверную панель в его доме.

Я замираю на месте. Широко раскрываю глаза.

– Простите, мне нужно переварить все это... Как вы думаете, это как-то связано? Что-нибудь похищено?

– Трудно понять, похитили ли что-нибудь, ведь Макс не может нам сказать. Я понимаю, что прошу многого, но, когда команда будет готова, не могли бы вы взглянуть на его жилище и проверить, всё ли на месте – если, конечно, сумеете разобраться?

– Да, конечно. Как вам будет угодно. Значит ли это, что вы рассматриваете возможность преступления?

– Я смогу ответить на этот вопрос, когда у нас будет полный отчет о вскрытии, но я не хочу заранее исключать что бы то ни было.

Я некоторое время молчу, а потом говорю:

– Может, это просто совпадение? Пустой дом – хорошая возможность для взлома и кражи...

– Что ж, если между этими происшествиями есть связь, я ее найду.

Я напоминаю себе, что у меня нет причин чувствовать себя виноватой, и не в последнюю очередь потому, что я не убивала своего брата.

Мы уже заканчиваем прогулку по круговой дорожке, когда сержант Роуз задает мне вопрос – как я подозреваю, он и был основной причиной для того, чтобы привести меня сюда:

– Послушайте, я знаю, что вы привыкли к тому, как работает следствие, и поэтому буду с вами откровенна. Другие офицеры не имеют особого опыта в подобных делах. Если дело примет подобный оборот, вы можете стать для меня ценной помощницей. Если – и я имею в виду *если* – мы начнем полноценное расследование, я хочу на шаг опережать ход событий. В самом плохом варианте, если смерть вашего брата не была несчастным случаем или самоубийством, с кого бы вы посоветовали мне начать?

С тех пор как узнала о смерти Макса, я вновь и вновь задавалась этим вопросом. Два дня назад я могла бы положить руку на сердце сказать, что Макса все любили и что у него не было врагов. Но Макс, которого я видела на записи с камеры наблюдения, был совсем не тем Максом, которого я когда-то знала. И я не могла рассказать об этом, не втянув Джейка – и себя – в это дело.

– Честно говоря, я и сама хотела бы это знать. Однако Макс был одним из тех людей, которых любят все. Я не могу поверить, что кто-то захотел бы сделать с ним такое.

Сержант Роуз выглядит разочарованной.

– Хорошо, – медленно произносит она. – Как вам наверняка известно, подобные преступления часто совершает кто-то из близких жертвы. Вы можете составить для меня список жителей города, с которыми он дружил?

– Конечно. Я принесу его в участок завтра.

– Буду благодарна. – Теперь сержант смотрит на меня уже иначе. Я знаю, она ожидала большего.

– А над другим вашим вопросом я еще подумаю. Вы правы, я мысленно перебираю все возможные варианты, но пока у меня нет ответов. Обещаю, я дам вам знать, как только что-нибудь вспомню. Мне жаль, что я не смогла помочь сегодня, – добавляю я, надеясь угодить ей, вернуть ее уважение.

– Это было бы замечательно, спасибо. – Она благодарно улыбается, но при этом задерживает на мне взгляд чуть-чуть дольше положенного, и я гадаю, не попалась ли мне наконец равная соперница.

Глава 17

Мама стоит низко склонившись, и с того места, где я нахожусь, мне виден изгиб ее позвоночника. Руки у нее на удивление сильные и жилистые для такого хрупкого тела – я не ожидала увидеть подобное. Когда она вонзает лопату в землю, а потом поднимает пласт почвы, я вижу, как под ее кожей перекачиваются мышцы. Мама всегда любила садоводство, и для меня не сюрприз, что в такой день, как сегодня, она не лежит в постели, свернувшись калачиком, а возится в саду.

На протяжении многих лет мама вкладывала в этот сад каждую частичку своей души. Всю свою боль, все свое горе, всю свою любовь. От одной мысли об этом у меня по коже бегут мурашки; в течение всего моего детства, когда она была мне нужна, я, выглянув в окно, видела, как она – вместо того чтобы взять меня за руку, утешить, поддержать – возится в саду. Ухаживает за своими цветами. Тщательно пропалывает и подрезает, уничтожает гниль, пока та не захватила ее драгоценный сад, а тем временем в ее собственном доме разрастается тление. Было лишь вопросом времени, когда его плети обовьют меня и утянут всех нас под землю.

Тогда я отчаянно нуждалась в ней, но она всегда казалась далекой – как будто половина ее существа пребывала где-то в другом месте. Физически она была здесь, в этом доме с нами, но ее материнская часть как будто все время скрывалась от нас. Мама была призраком в собственном доме. В детстве я злилась на нее за это. Мне нужна была моя мать.

– Чем ты занимаешься? Тебе нужна помощь? – окликаю я.

Она вытирает пот со лба перчаткой и отмахивается от меня.

– Просто заросший участок. Самое время избавиться от этого беспорядка. Я справлюсь сама. Спасибо за предложение, иди в дом.

Я думаю о том, чтобы не послушаться ее. Натянуть папины перчатки, которые, скорее всего, по-прежнему лежат в сарае, и пристроиться рядом с ней. Показать ей, что мы вместе. Что она не одинока: муж и сын умерли, но осталась дочь. Однако я никогда не увлекалась садоводством, и картина, в которой мы бок о бок убираем сорняки, опутавшие наши жизни, колючие и опасные, быстро

превращается в нечто иное. Сорняки сжимаются вокруг моей талии, выдавливая из моей груди дыхание. Моя мама могла бы освободить меня, у нее в руках ножницы, но она ничего не делает. Она смотрит, как я умираю.

Да, когда росла, я отчаянно нуждалась в маме. Она присутствовала в моем детстве. Она всегда была рядом. В этом доме. Наблюдала. Молча. Слишком тихо. В этом и заключалось ее преступление. Это то, за что я не могу ее простить. Она была рядом, но не защитила меня.

– Ладно, поставлю кофе, – говорю я и иду в дом.

Пока закипает чайник, я раскрываю блокнот и начинаю составлять список для сержанта Роуз.

Джастина Стоун (сестра)

Эвелин Стоун (мать)

Джимми Фэлкон (школьный друг)

Это формальность. Единственное имя, которое приходит мне в голову, – то имя, которое я не могу записать: *Джейк Рейнольдс*. Оно крутится у меня в мозгу, закольцевавшись в бесконечную петлю, словно я просматриваю на повторе кадры, на которых он прижимает Макса к стене в «Синем орле».

Одно из условий освобождения Джейка под залог – он не может покидать территорию радиусом в одну милю от того места, где находится. На его ноге висит браслет с маячком. Если б за последнюю неделю он хоть раз нарушил условия залога, это попало бы во все новости. Тем не менее я делаю пометку – попросить Отиса проверить.

Это слишком тяжело, и я опускаю голову на руки. Закрываю глаза. Скриплю зубами. Как я дошла до такого? Неужели это происходит на самом деле?

Из-под двери пробивается лишь слабый лучик света. Я расставляю пальцы так, чтобы свет падал на них. А потом сжимаю кулак. Сжимаю и разжимаю. Сжимаю и разжимаю. Чем дольше я нахожусь в темноте, тем глубже она меня затягивает.

Да, напоминаю я себе, все возможно. Достāju телефон. Мне сейчас тяжело, горе грозит поглотить меня, но я должна помнить, кто я и что могу сделать. Я дала Максy слово: я найду тех, кто убил его, и

заставлю их поплатиться. Я должна взять себя в руки и справиться с этим, как и много лет назад.

Ты сможешь провести со мной дополнительный сеанс? Макс умер.

Я прекрасно понимаю, что так поступать неправильно. Неправильно сообщать психотерапевту о смерти брата раньше, чем мужу, – но Айя не станет срываться в Молдон. Она останется там, где была всегда, в своем идеальном мире, созданном специально для нее. Но это событие, смерть Макса, навсегда изменит мой брак. Как только Ной узнает об этом, он первым же рейсом отправится домой и примчится сюда как можно быстрее. Он решит, что поступает правильно, и я не смогу объяснить ему, почему не нуждаюсь в его присутствии. Что на самом деле он – последний человек на земле, которого я хочу видеть рядом с собой. Я не могу сказать ему, что размывание границ между моей жизнью с ним и моей жизнью здесь – то, чего я до сих пор так упорно пыталась не допустить.

Когда я встретила Ноя четырнадцать лет назад, я хотела только одного – заново создать себя. Я не так давно окончила университет и снова жила в Лондоне в одной квартире с Шарлоттой. Я была полна решимости стать лучше. Быть той, кем могла бы стать – как я это видела, – и не позволять всему, что произошло здесь, в этом городе, в этом доме, погубить меня. Джастина, на которой женился Ной... Она уже не была той девушкой, которая росла здесь. Я не хочу, чтобы он это осознал. Опускаю взгляд и вижу, что складка плоти между большим и указательным пальцем начала кровоточить в том месте, где я ее расчесала.

Курс на столкновение задан, и, логически рассуждая, я не могу этого избежать. Только не сейчас, когда Макс мертв. Я считаю до десяти. Решаю сначала принять третью таблетку парацетамола. Говорю себе, что сегодняшний день – исключение. А потом набираю номер мужа. Во время разговора Ной не говорит ни единого ненужного слова. Он добр и сострадателен. Не претендует на то, чтобы понимать мои чувства. Он предлагает прилететь прямо к нам, но мне удастся убедить его, что он понадобится мне только к похоронам. Я не смогла придумать достаточно правдоподобный предлог, чтобы

удержать его от этого, но, по крайней мере, это даст мне еще несколько дней до того, как мои миры столкнутся. Мое «прежде» и «после».

Я люблю тебя.

Он отправляет сообщение сразу после того, как мы завершаем звонок. Заботливое и ласковое. Мне хочется швырнуть телефон через всю комнату. Притвориться, будто Ной не собирается покидать Париж и приезжать сюда.

Пока что Ной любит меня – об этом говорит его сообщение. Но как долго просуществует эта любовь?

* * *

Кухонная дверь хлопает на ветру. Мама перемещается настолько тихо, что я не слышу, как она входит в дом. Без единого слова включает радио, и кухня наполняется оперным крещендо. На мамином лице видны разводы грязи – там, где она утирала пот. Полагаю, мне не удастся вечно избегать ее.

Не знаю, почему мне так не хочется говорить с нею о Максе. Может, потому, что это требует определенной степени открытости. Эмоционального разговора. Чего-то глубокого и значимого; всего того, чего мы обе старались избежать на протяжении последних восемнадцати лет, когда наши отношения сводились к банальной вежливости.

Но говорить о смерти Макса вежливо невозможно.

– Значит, это был он? – спрашивает она, и я киваю. – Он... – Еще одна пауза. – Насколько все плохо?

– Могло быть и хуже. – Я не могу заставить себя солгать, но также знаю, что ей нужно дать проблеск чего-то хорошего, за что можно ухватиться. Я не чудовище.

– Ты общалась с ним в последнее время? – спрашивает мама, и меня снова захлестывает жгучее чувство вины.

– Довольно часто, но не так часто, как следовало бы.

– Было что-нибудь серьезное?

– Насколько я знаю, нет. Почему ты спрашиваешь?

– Я заходила к нему домой. – Мама выглядит удивленной. – Мне кажется, что-то могло произойти до этого несчастья.

– Например? Почему ты так думаешь?

Голос у нее усталый. Даже более того – измученный. Мне неловко взваливать это на нее, но мама видела Макса чаще, чем я.

– Не могу сказать точно, но дом был в ужасном состоянии. Грязно. Повсюду бутылки. Ты же знаешь Макса, он не из таких. Он всегда с осуждением говорил о нездоровом питании и выпивке. Читал книги по психологии и верил, что наведение порядка – это терапия. Я давно не была там, – размышляет она, – и, очевидно, что-то упустила. О боже, мне так жаль, Джастина... Мне так жаль... – Мама обхватывает себя руками, и мне кажется, что ее некому утешить, кроме нее самой. Не уверена, что мои объятия помогут. На самом деле я думаю, что это будет иметь обратный эффект – получится слишком неуклюже и вымученно для нас обеих. – Я знала, что он слишком много пьет, – всхлипывает она, – я должна была остановить его...

– Есть много вещей, которые мы все должны были сделать, – говорю я, и это правда. Есть вещи, которые я упустила. Есть вещи, которые я не сделала. – Но из-за чего он начал пить? Вот что нам нужно выяснить.

Мама вздыхает и качает головой. Все это настолько тяжело, что она, кажется, сгибается под грузом происходящего.

– Всё в порядке. Я найду ответы, не волнуйся. Я в долгу перед Максом.

– Я верю, что ты их найдешь, – отзывается она, горестно улыбаясь.

Глава 18

Часы на кухне показывают без трех минут одиннадцать. Но хотя формально еще утро, а чайник едва вскипел, я решаю, что кофеин не поможет, и осушаю бокал белого вина – оно теплое из-за того, что вчера вечером я оставила открытую бутылку рядом с кроватью, – прежде чем включить компьютер и начать разговор с Айей. Я не чувствую вкус вина, только жжение на языке. Макс мертв; думаю, мне можно простить не совсем обычное поведение.

Когда экран отражает мое лицо, я поражаюсь тому, насколько бледной выгляжу. Исхудавшей. Шокированной.

– Ого, я выгляжу так, будто только что увидела призрака! – восклицаю я, а затем раздражаюсь слегка истерическим, некоторые сказали бы «маниакальным», смехом. – Ну да, я только что видела труп, – продолжаю я, пытаюсь подавить смех. Для этого хватаю себя за бедра и сильно прищипываю кожу большим и указательным пальцами.

– Не могу даже представить, насколько тяжелым был для тебя сегодняшний день, Джастина.

Мой смех стихает, и я начинаю хлюпать носом, пытаюсь подавить слезы, грозящие прийти следом.

– Я привыкла к трупам. Но и не подозревала, как мне будет тяжело. – Слово «тяжело» кажется неуместным, пустым. Бежать марафон тяжело. Или готовиться к выпускным экзаменам. Увидеть безжизненное тело Макса? Это было не просто тяжело. Это было *невыносимо*. Настолько, что я перешла на автопилот. Наверняка Айе есть что сказать по этому поводу.

– Что ж, я рада, что ты обратилась ко мне. Это говорит о твоей силе. Посмотри, какой большой путь ты проделала... Ты должна гордиться собой. Ты контролируешь свои эмоции, понимаешь, когда тебе нужна помощь, и не стесняешься попросить о ней. Я действительно впечатлена. Давай договоримся, что в ближайшие недели ты будешь обращаться ко мне, когда я тебе понадоблюсь, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы принять тебя.

– Спасибо. – Это очень любезное предложение. Я знаю, что Айя очень востребована. Но она права, я тоже горжусь собой. Иногда

проще позволить себе сорваться и упасть. Позволить приливу унести тебя. Сложнее выплыть.

– Представляю, сколько всего творится сегодня у тебя в голове. Ты не нашла какую-нибудь конкретную тему, о которой хотела бы поговорить? – Я качаю головой. – Неважно. Я размышляла о том, сколько всего случилось с того момента, как ты вернулась в Молдон, и поняла, насколько горьким для тебя это должно быть. Я знаю, ты поддерживала контакты с Максом после отъезда из родного города, однако ты не раз говорила мне: всякий раз, когда вы с ним встречались, это неизменно происходило в Лондоне. Хотя ты неоднократно виделась с братом на протяжении многих лет, за все это время ни разу не побывала в родном городе. Теперь ты вернулась – а Макс мертв. Ты ведь помнишь, что произошло во время твоего предыдущего пребывания в Молдоне?

– Ты имеешь в виду – не забыла ли я, что, когда была в Молдоне в последний раз, здесь тоже обнаружился труп? – Я догадываюсь, к чему она клонит. Я заранее знала, что она свяжет эти два события.

– Это может быть нелегко осознавать. Зеркальное отражение событий.

– Я так и не увидела своего отца после того, как он умер, – напоминаю я.

– Я знаю, но ты уехала всего через неделю после несчастного случая, правильно? И вот теперь, спустя несколько дней после возвращения, найдено тело твоего брата...

Мои ладони становятся влажными, и мне приходится напоминать себе, что это не допрос. Никаких намеков на осуждение. Никаких обвинений. Айя просто отмечает, что мне нелегко. Я закрываю глаза, пытаюсь подобрать слова.

– Боюсь, я пока не могу говорить о нем. О Максе, я имею в виду. Я... я... – Мой голос срывается, и перед глазами возникает образ его избитого, искалеченного тела.

– Это нормально. А что насчет твоего отца? Мы можем поговорить о нем?

– Могу попробовать... – Заставляю себя держать глаза открытыми. Убираю с лица прядку волос. Обычно разговор об отце представляется мне почти невозможным, но сегодня это кажется более простым вариантом, чем разговор о Максе.

– Может, поговорим о последнем разе, когда ты его видела? Тогда, в ночь рождественской вечеринки.

– Почему? Потому что сегодня я в последний раз видела Макса?

Заслоняясь от моего гнева, она напоминает:

– Мы не обязаны ни о чем говорить, если ты не хочешь этого.

Я смотрю на часы. Прошла только половина сеанса. Я не могу сидеть здесь в тишине остаток часа, и, кроме того, я намерена удержаться на плаву.

– Хорошо. Что ты хочешь узнать?

– Дело не в том, что я хочу знать, Джастина. Мы уже говорили об этом. Дело в том, чтобы ты исследовала слова.

«Исследовать слова». Айя часто использует это выражение. На самом деле она имеет в виду изучение моих чувств, чтобы распутать узлы, которые запутались и завязались внутри меня, – и сделать это с помощью слов. Найти способ посредством языка придать смысл всем тем сложным чувствам, в которых я не могу разобраться.

– Итак, как насчет того, чтобы начать с описания твоего последнего контакта с отцом?

– Мы были в моей спальне. Здесь, в этой комнате. Я только что рассказала ему о том, что произошло на вечеринке, и он был в ярости. Я никогда не видела его настолько разгневанным; я боялась того, что он может сделать дальше. Но его злость была направлена не на меня. Он злился на себя. Его гнев заставил меня почувствовать себя увереннее, дал возможность рассказать правду. Как будто это означало, что отец защитит меня. Он велел мне оставаться в своей комнате, пока вечеринка не закончится. Он забыл поцеловать меня на ночь, но я простила его, ведь я знала – он отвлекся из-за того, что был зол.

– А после этого?

– После этого ничего не было. Через несколько часов к нам в дверь постучалась полиция.

– Что ты чувствуешь по итогам последнего разговора с ним?

– Я чувствую себя виноватой.

– В чем?

– Я чувствую себя виноватой в том, что перед самой своей смертью он испытывал такой сильный гнев. Если б я не рассказала ему о случившемся, возможно, он не стал бы так много пить. Но даже если б это не предотвратило аварию... если б он не был так зол, может

быть, он не забыл бы поцеловать меня на ночь и сказать, что любит меня, тогда я могла бы запомнить его именно таким.

– Единственное, что мы можем контролировать, – это наши собственные поступки, ничьи больше. И даже при этом мы не можем продумать все ходы слишком далеко вперед. Слишком много переменных. Ты понятия не имеешь, каким был бы ваш последний разговор, если б ты действовала иначе. Может быть, кто-то другой сказал бы ему что-то еще. Возможно, ваш последний разговор прошел бы еще хуже. Не лучше.

– Знаю.

Мы уже рассуждали об этом – о том, что в любой момент времени одновременно происходит слишком много случайностей, чтобы у человека была возможность хотя бы спрятаться за всякими «если бы», ведь они так и останутся нереальными. Это просто фантазии.

– Ты не виновата, Джастина. Ты не можешь контролировать всё на свете.

Я смотрю поверх экрана ноутбука на цветочные обои своей спальни. Цветы все еще похожи на разинутые рты, и мне интересно: если б стены могли говорить, какой ответ они дали бы на вопрос Айи?

Глава 19

Тропинка вдоль реки заросла сорняками. По этой тропе я часто гуляла с Джейком – она начиналась у причалов и удалялась прочь от центра города, а затем, извиваясь и петляя, вела нас обратно. После напряженного сеанса психотерапии с Айей я отчаянно желаю хотя бы на какое-то время оказаться подальше от этого проклятого дома. Сорняки царапают мои руки, впиваются в кожу колючками – словно когтями. Я воображаю, как они шипят, требуя, чтобы я уехала и вернулась домой. В Лондон. К Ною.

Раньше прогулка по этой тропе умиротворяла меня, но сегодня тишина кажется слишком громкой. В ушах словно ревут самолеты, а жара настолько удушливая, что я поддергиваю футболку и завязываю ее края узлом выше пупка – такого я не проделывала с двадцати или двадцати двух лет, когда выбиралась по ночам куда-нибудь в «Инфернос» в Клэпхэм-Саут... кстати, должна сказать, весьма стильное заведение. Но сейчас я готова на все, лишь бы охладиться. Меня окружают яркие цвета. Слишком яркие – как солнце, сверкающее на речной глади. Все слишком кричащее, и среди этого великолепия я ощущаю себя полинявшей и тусклой.

У излучины реки мне приходится перелезть через упавший ствол дерева, преграждающий путь. Моя нога цепляется за ветку. Черт! Я оглядываюсь на обидевшую меня ветку, словно она может почувствовать мой гнев. Царапина на голени кровоточит, но не это привлекает мое внимание. На стволе дерева вырезано сердечко. У меня подкашиваются ноги. Другое дерево, другое сердечко – но память не отпускает меня... Конечно, тогда мы были почти детьми, но в ту пору мои эмоции были такими острыми! Всеобъемлющими. Теперь каждой из них четко отведено должное место, они сцементированы опытом и болью, им больше не позволено усиливаться настолько, чтобы причинить мне боль. Когда я была с Джейком, все было иначе.

В тот день, когда мы вырезали сердечко на коре платана, мне исполнилось восемнадцать лет, и в тот день Джейк признался мне в любви. «Я никогда тебя не покину», – прошептал он мне на ухо в тот вечер. А всего несколько месяцев спустя исчез из моей жизни...

Я провожу пальцем по сердечку на стволе, лежащем сейчас передо мной, и закрываю глаза. Слишком больно думать о том, прежнем, Джейке – ведь я знаю, в чем его обвиняют сейчас. Перед мысленным взором встают лица людей, которых он предположительно убил.

Я отправилась на эту прогулку, чтобы попытаться избавиться от гула, стоящего у меня в ушах с тех пор, как четыре дня назад было найдено тело Макса. Молдон – маленький городок, где серьезные преступления случаются нечасто. Заголовки здешних газет сообщают о непристойных граффити на стенах и о комках жевательной резинки, прилепленных в неположенных местах. Они не кричат о крови, смерти и убийствах. Да, ходят сплетни об одном убийце, жившем в Молдоне. Но труп, всплывший в море? Записи с камер видеонаблюдения? Я знаю, что это не может быть просто совпадением.

Это достойно расследования. Я знаю это – и сержант Роуз тоже наверняка это знает. Я чувствую, как она, подобно орлу, описывает круги над моей головой. Охотится на меня.

* * *

По дороге в город я звоню Отису, который подтверждает, что следящий браслет Джейка не активировался, а значит, он все это время оставался в Летчуэрте. Меня охватывает облегчение, и тяжесть, лежащая на сердце, слегка ослабевает. Она все еще не уходит полностью, но я хотя бы могу вдохнуть полной грудью – впервые с тех пор, как мне сообщили, что тело Макса обнаружили в море.

...Полицейский участок находится в ближней части центральной улицы. Когда дверь открывается, на меня обрушивается волна холодного воздуха. Она одновременно освежает и раздражает.

– Здравствуйте, я пришла к сержанту Сорче Роуз, – сообщаю я мужчине в форме, сидящему за стойкой администратора. Нас разделяет стеклянная перегородка с небольшим отверстием внизу, и я просовываю в него свое удостоверение.

– Здравствуйте, Джастина. Я передам ей, что вы здесь. Пожалуйста, присаживайтесь. Я соболезную вашей утрате. Надеюсь, ваша мама не слишком тяжело переживает все это, – откликается он,

даже не взглянув на мое удостоверение, и протягивает книгу регистрации посетителей. Наверное, мы с ним знакомы, но все, с кем папа дружил много лет назад, сливаются для меня в единую массу. Я никогда не могла уследить за его новыми знакомствами. Те, кто приходил к нам в дом, постоянно сменяли друг друга. Тогда я думала, что отец просто невероятно общительный человек. С моей детской точки зрения, его любили все – а почему бы и нет? Вечеринки, походы на ужин с друзьями-полицейскими, охота по выходным с местными фермерами, ночные посиделки в пабе с другими бизнесменами... Отец дружил со всеми – и потому казался мне именно тем человеком, каким я отчаянно хотела его видеть. Все остальные тоже это отмечали: он был харизматичным и обаятельным. Умным. Добрым – если хорошенько к нему присмотреться.

Но теперь, когда я стала старше и, возможно, мудрее – и сама сделалась частью того мира, в котором он когда-то жил, – я понимаю, что все было совсем не так. Все знали моего отца, и отец делал все, чтобы узнать других, их подноготную. Я вспоминаю тех, кто каждый год приходил к нам на рождественскую вечеринку. Их было слишком много, чтобы запомнить каждого: люди, которых я никогда раньше не видела, внезапно возникали на пороге только на один вечер. Никому не требуется столько друзей, если только ты не получаешь от этого выгоду. Нет, отец не был общительным, он не дружил со множеством людей, а просто старался урвать свой кусок от каждого знакомства.

...Стулья красновато-коричневые и липкие. Я надеюсь, это просто от жары, но все равно жалею, что не надела длинное платье вместо шорт. Чтобы скоротать время, рассматриваю людей, придумывая истории для каждого проходящего мимо. Вот жена, которая застала мужа, когда он трахался с ее лучшей подругой, и зарезала их обоих; вот бабушка, возглавляющая местный кружок вязальщиц, но подозревается в отмывании денег через свою пекарню. А вот Джимми... Нет, это действительно Джимми, которого провожает сержант Сорча Роуз. Проходя мимо меня, он приподнимает бейсболку, а затем сержант Роуз останавливается и практически нависает надо мной. Улыбка у нее широкая. Волчья.

– Джастина? Большое спасибо, что пришли. Следуйте за мной.

Она отводит меня в небольшую комнату, дверь в которую расположена в узком коридоре. В отличие от зоны ожидания, здесь

душно и примерно в три раза жарче, чем снаружи. Интересно, специально ли ее так спроектировали? Существует множество способов оказать давление на несговорчивого подозреваемого, и все они технически законны. Наше психическое состояние неразрывно связано с физическим. Повлияй на одно, и изменишь другое.

Я передаю сержанту Роуз список всех, с кем, по моим сведениям, Макс поддерживал контакты.

– Вы уже получили результаты вскрытия? – спрашиваю я. – Или токсикологического анализа?

– Боюсь, что нет. Отчет о вскрытии должен быть готов к концу недели, но токсикологический анализ может занять некоторое время. Если вскрытие покажет, что мы должны начать полноценное расследование, это ускорит работу с токсикологией. Но будем надеяться, что до этого не дойдет.

– Спасибо. Кстати, я подумала о том, что вы сказали насчет осмотра дома Макса. Мы должны сделать это как можно скорее, дабы избежать возможных разногласий по поводу того, было ли что-то похищено после смерти Макса, а не до нее.

Она щурит глаза:

– Интересная мысль. Продолжайте.

– Если б я защищала кого-то в суде и этот человек был бы связан со взломом, но не мог бы – вне сомнения – оказаться на месте убийства, я попыталась бы доказать, что взлом произошел после смерти: кто-то просто позарился на пустой дом. Но я не выставляла бы взлом как нечто произошедшее до нападения и с конкретным личным мотивом. И не упоминала бы, что это мог быть несчастный случай во время ограбления. Но если б речь действительно шла о преступлении, я сделала бы все, чтобы дело против этого ублюдка было как можно более весомым.

– Судя по всему, вы хорошо разбираетесь в своей работе... Я дам вам знать, как только мы будем готовы принять вас.

– Отлично.

Выходя из участка, я чувствую, как сержант Роуз наблюдает за мной из дверного проема. Не хочешь идти навстречу – поцелуй меня в задницу. В следующий раз я ожидаю комнату с кондиционером.

– Привет.

Меня нелегко напугать, но с тех пор, как вернулась в этот город, я сделалась более нервной, чем обычно. Крутанувшись на каблуках, оказываюсь лицом к лицу с Джимми.

– Ты меня ждал?

– Ждал. Мне так жаль, что... – Он словно не может заставить себя произнести имя Макса, и я вспоминаю, что большинство людей не настолько привычны к смерти, как я. – Ты как, держишься?

– Не очень. Мама еще хуже. А ты?

Он смотрит в землю, потом снова поднимает глаза на меня.

– Я просто... Я не могу в это поверить. Я все думаю, что если б я чаще бывал рядом с ним... Понимаешь?

«Я думаю, тебе нужно вернуться домой».

Пытаюсь прогнать чувство вины. Сосредоточиться на Джимми.

– Я уверена, Макс знал, что всегда может прийти к тебе. Как ты и сказал, друзья меняются, и тебе не за что чувствовать себя виноватым.

Мои слова должны были успокоить его, но вместо этого вид у него становится еще печальнее. У него красные глаза, веки опухшие, как будто он плакал.

Джимми откашливается:

– У меня есть несколько идей для поминальной службы. Я подумал – может быть, обсудим это за обедом?

– Сейчас?

– Мы... мы... ну... – Он запинается на полуслове, и от этого явного проявления эмоций мне становится не по себе.

– Обед – это неплохая идея, – прерываю я его.

* * *

Кафе миссис Солсбери такое же уникальное и невероятно уютное, как и предполагает его название. Низкие потолки, скрипучие половицы и симпатичные деревянные выгородки с потертыми сиденьями из красной кожи, где люди собираются, чтобы посплетничать за булочками и чаем. И снова я чувствую, что мне уже не место здесь, среди хрупкого фарфора и пирожных с масляным кремом. Я слишком исковеркана. Моя душа слишком темна. Должно быть, мое чувство

неловкости проявляется и в поведении, потому что Джимми спрашивает, не хочу ли я пойти в его паб – но я понимаю, что это было бы еще хуже. Слишком тесно это заведение связано с Максом. Не то чтобы я не хотела оказаться там, где бывал мой брат, но уверена, что тогда не смогу сдержать боль. Я достаточно разумна, чтобы понимать – мне все еще нужна некоторая дистанция. Нужно держаться на безопасном расстоянии. Здесь я могу притвориться, будто мы просто два старых друга, которые общаются за прекрасным обедом – не обсуждают, как похоронить человека, который был моим братом и лучшим другом Джимми, – а разговоры других посетителей заглушают мою печаль.

Еще до того, как нам приносят еду, мы успеваем обсудить планы поминок – музыку, фотографии, носильщиков для гроба, фуршет в «Синем орле» после похорон. И сейчас, уплетая свой бутерброд с колбасой, я пытаюсь сообразить, что еще можно сказать, чтобы заполнить тишину.

Из-за перегородки в дальней части зала доносятся радостные возгласы, и я оглядываюсь, чтобы понять, из-за чего такая суета. Это небольшая группа женщин разного возраста, а разноцветные ленты на платье каждой из них дают каждому посетителю понять, что у них девичник. Невеста. Мать невесты. Подружки невесты. Невинная надежда на счастливый брак. Затем, одновременно с хлопком пробки от шампанского, стол взрывается восторженными криками и аплодисментами. Звяканье ножа о бокал – знакомый сигнал о том, что сейчас будет сказан тост.

У меня кружится голова от ностальгии.

– В моей семье всегда любили тосты, – замечаю я. – Это была папина традиция. Он всегда готовил одну и ту же речь по любому случаю.

Странное чувство – ностальгия пополам с отвращением. Моя семья уже дважды была разрушена трагедией. Но что за семьей мы были изначально?

– Ты знаешь, что Макс подхватил эту традицию?

– Да? Я не слышала эту речь уже восемнадцать лет.

Я не ставлю Джимми в известность касательно того, что отнюдь не скучала по ней. Я также не собираюсь признаваться, что мысль о том, как Макс повторял ее слово в слово, вызывает физическую

тошноту. Более того, это бесит меня. Я не понимаю. Зачем ему воспроизводить эту речь? На чьей стороне он был?

Джимми пожимает плечами.

– Может, он не хотел напоминать тебе о том, что было вами утрачено. Думаю, он находил в этом повторении некое утешение. Память об отце, которую он мог сохранить.

Я заставляю себя промолчать. Не закричать, что именно это меня злит – зачем ему понадобилось делать подобное?

– Макс не был приверженцем традиций, но всегда уважал тот факт, что ваш отец их придерживался. Возможно, именно эта любовь к традициям и привлекла твоего отца к масонам. Хотя Макс был не из таких, – продолжает Джимми.

– Что, прости? – Кусок бутерброда у меня во рту внезапно становится слишком толстым и жестким. Я заставляю себя проглотить его.

– Ты не знала, что твой отец был масоном?

– Понятия не имела.

Чего еще я не знаю о своем отце? Тот факт, что он был масоном, меня не удивляет: он всегда был склонен к театральности, и ему нравилось все, что казалось элитным и эксклюзивным. А что может быть лучше, нежели принадлежность к мужскому братству, восходящему к средневековым временам? С тайными рукопожатиями, ритуалами и паролями... Никто толком не знает, что происходит внутри масонских лож, но их причастность к историческим моментам является предметом спекуляций во всем мире. Я полагаю, что сейчас все сводится к «ты мне, я тебе», но легенды и тайны масонов остаются.

– Но ты говоришь, что Макс не участвовал в этом?

– Нет. Его пригласили вступить после несчастного случая с твоим отцом, но он отказался.

– Точно отказался?

– Сто процентов. Он сказал, что это не для него. Честно говоря, это вызвало большой ажиотаж.

– Почему?

– Ну, твоего отца так уважали в Молдоне, что все решили, будто Макс последует его примеру.

– При чем тут вообще масоны?

Джимми поднимает брови, глядя на меня, точно вдруг обнаружив, что знает что-то, чего не знаю я.

– При том, что здесь почти все – масоны. – Он говорит это заговорщицким тоном, почти шепотом.

– Мужчины. – Я демонстративно откидываюсь на спинку сиденья.

– Пардон?

– Полагаю, под «всеми» ты подразумеваешь только мужчин.

– Да, конечно, извини.

– Значит, не все.

– Нет. – По крайней мере, у него хватает совести выглядеть смущенным, а на щеках проступают красные пятна.

– А ты? Тыходишь в этот эксклюзивный клуб?

Джимми закатывает глаза, словно я продемонстрировала ребяческую наивность.

– Категорически нет. Ты же знаешь, я всегда подражал Максy.

Так и есть. Мой брат всегда так влиял на людей – он был прирожденным лидером. Особенность, унаследованная от отца.

Мы доедаем обед, заполняя время пустой болтовней, однако по дороге домой я думаю только об одном: о том, что у отца были секреты. Он был членом печально известной тайной организации. По словам Джимми, она захватила весь город.

Я приехала сюда в поисках ответов, но уже начинаю задумываться: не столкнулась ли я с чем-то более серьезным? Город, в котором царят традиции, и семья, построенная на них...

Прежде

Джейк-любовник

Лето пролетело слишком быстро, и Максиму пора было снова уезжать в Кембридж. Джейк с трудом мог поверить, будто знаком с ним всего несколько месяцев. За это короткое время они сдружились настолько, что Джастина стала называть их «парой из кошмара». Это забавляло Джейка: ведь вдвоем с Максом они реже обычного нарушали правила.

Если от кого-то и следовало ждать проблем, он поставил бы на Джастину. Он любил ее, но в то же время не мог понять до конца. Отчасти именно поэтому и любил. Джастина интриговала его – она была полна противоречий.

Он заметил это в ней, когда увидел лежащей под дождем. Неприметная, но от нее невозможно было оторвать глаз. Смелая, но осторожная. Беззаботная, но со стальным характером. Это был тот внутренний огонь, который так привлекал его. Джейк надеялся, что этот огонь никогда не погаснет. Он знал, что она даже не подозревает об этом огне – но он составлял саму ее суть.

Джейк заметил, что весь сегодняшний день прошел как-то не так. Джерард был необычайно разговорчив, а Эвелин – хотя она и так почти никогда не говорила – казалась настолько замкнутой, что можно было вообще забыть о ее присутствии. Когда после ужина все они перешли в салон, он тихо спросил Джастину, всё ли в порядке; она улыбнулась и взяла его за руку, но он отметил, что она ничего не сказала в ответ.

Теперь все они разместились в салоне, где в старомодном камине пылал огонь. Джейку казалось, что еще не настолько холодно, чтобы жечь дрова, но погода стояла переменчивая, а в Британии считалось, будто огонь в камине даже в самую сырую осень придает атмосфере уют.

Джейк осознал, что его тянет понаблюдать за Эвелин, которая сидела в противоположном конце комнаты, отдельно от остальных. Она словно была посторонним зрителем в своей семье. Чем дольше он

смотрел на нее, тем отчетливее понимал, что Эвелин даже не моргает. На ее лице застыла улыбка, за которой, однако, ничего не скрывалось.

Он снова перевел взгляд на Макса и Джастину, которые оживленно обсуждали, что такое «неделя новичков»; на Джерарда, который стоял рядом с ними и просто слушал их радостную болтовню, – а затем снова на Эвелин. Она действительно была отдельно от всех. Ее конечности были аккуратно сложены, ладони обхватывали локти, ноги были прижаты одна к другой, а ступни спрятаны под стул – словно она старалась занимать как можно меньше места.

Джейку было неловко. Он всем своим существом чувствовал несоответствие, как будто Эвелин сама себе казалась здесь лишней. Решил спросить, всё ли с ней в порядке, но не успел подойти, когда услышал, что Джерард объявил тост и похлопал Макса по спине. Эвелин тут же вскочила со своего места и принялась наполнять бокалы. Голос Джерарда вывел ее из мира грез, в котором она пребывала.

Джейк быстро усвоил, что тосты Стоунов друг за друга – своего рода традиция. Правило заключалось в том, что тосты произносятся по кругу, каждый говорит свой собственный, а в завершение Джерард повторяет одну и ту же короткую речь. В каком-то смысле это было мило, но Джейк не мог отделаться от мысли, что это еще и немного напоминает культ.

– За Макса! – воскликнула Джастина, начав выступление. – Я боялась, что ты вернешься чванливым болваном, но ты не стал им. И это заслуживает тоста.

– За моего сына, – серьезным тоном поддержала Эвелин, торжественно поднимая бокал, – оставайся живым, здоровым и таким же добрым, как всегда. – Затем она посмотрела на Джейка, давая ему понять, что следующая очередь – его. У нее были такие же пронзительные глаза, как у Джастины, и Джейк еще раз напомнил себе: не забыть спросить ее, всё ли с ней в порядке.

Он всегда ненавидел эту часть ритуала – никогда не мог придумать, что такого умного сказать, хотя Джастина уверяла его, что это не главное.

– Спасибо Максу за то, что ввел меня в семью и всего лишь угрожал столкнуть меня в реку, но никогда не делал этого на самом

деле.

– И все же угрожал, – добавил Джерард, и все засмеялись вместе с ним, хотя Джейк смеялся почти беззвучно – он снова наблюдал за Эвелин, отмечая, как она опускает глаза, когда улыбается. Как будто ее поймали на лжи.

– И спасибо Джейку, – добавил Макс, застав его врасплох. – Присмотри за Джастиной, пока меня не будет, хотя я и так знаю, что ты это сделаешь. Ты стал для нее близким человеком, мы все это видим. Но чего я не ожидал найти этим летом, так это нового лучшего друга. Так что на сегодня хватит глупостей, давайте выпьем.

– И наконец... – начал Джерард:

Бокалы за любимых поднимаем, За тех, кто здесь, за тех, кого нет с нами, Пока мы живы, будем обещать – Нам хватит мужества любить или прощать.

Все разом подняли бокалы, выпив шампанское до дна.

Мужество и прощение – столпы жизненного кредо семьи Стоун. Джейка это всегда поражало: до сих пор он был уверен, будто не заметил ничего такого, для преодоления чего этой семье понадобились бы мужество или прощение. Но сегодня все виделось иначе. Сегодня он понял, что в этой семье больше аспектов, чем показала ему Джастина. Аспектов, которые отнюдь не выглядели блестящими и идеальными.

В конце концов, как любила напоминать ему мать, не все то золото, что блестит.

Глава 20

Это какая-то бесконечная круговерть; как будто каждый житель города поставил в своем ежедневнике напоминание – провести нас в это воскресенье, за два дня до похорон. Не слишком рано после смерти Макса, чтобы не посягать на время нашей личной скорби, но и не слишком поздно – дабы мы не подумали, будто им все равно. Похоже, большинство людей решили, что сегодня, через девять дней после того, как нашли тело, – самое подходящее время.

В дверь звонят – снова, и я открываю, не удосужившись посмотреть, кто это, заранее предположив, что это очередная мамина подруга.

– Я не вовремя? – спрашивает сержант Сорча Роуз. Ее сопровождает офицер по связям с общественностью, который показывал мне тело Макса, и мое сердце начинает биться чаще. Собираюсь с силами. Готовлюсь к битве.

* * *

Мы вчетвером сидим за маленьким кухонным столом – я, моя мама, детектив Роуз и офицер.

– Хорошие новости, миссис Стоун: при вскрытии не обнаружено ничего подозрительного. Правая сторона тела вашего сына была повреждена, скорее всего, из-за того, что вода с силой ударяла его о камни и плавучие обломки. Это весьма распространенное явление в подобных случаях. Вот здесь вы можете прочитать заключение: патологоанатом обнаружил на поверхности раны волокна и органический материал, подтверждающие этот вывод.

Мама сдавленно ахает, и я, к собственному удивлению, кладу руку поверх ее ладони.

– Всё в порядке; это значит, что Макс к тому моменту был уже мертв. Так лучше, – успокаиваю я ее, пытаюсь заставить себя поверить в собственные слова.

Она переворачивает ладонь, переплетает пальцы с моими и слегка сжимает. От этого прикосновения у меня перехватывает горло. Я заставляю себя не отдергивать руку.

– Нам еще предстоит получить результаты токсикологической экспертизы, которые, возможно, заполнят еще несколько пробелов. – Мама снова стискивает мою руку. – Во время вскрытия патологоанатом взял образцы органов, мочи и крови Макса. Токсиколог изучит их на предмет наличия веществ, таких как алкоголь. На данный момент мы знаем, что все физические травмы Макс получил после того, как оказался в воде.

Сержант Роуз делает небольшую паузу, давая нам осознать услышанное.

– Я понимаю, что это очень трудный разговор, но несколько человек, с которыми я беседовала, говорили, что Макс не был похож на себя в последние несколько раз, когда они его видели. Есть ли вероятность, что у него была депрессия? Особый стресс из-за работы? Неудачные отношения?

– Извините, я не могу... не могу. Я выйду на минуту. – Мама прижимает к лицу носовой платок и выбегает из кухни.

«Макс не был похож на себя в последние несколько раз, когда они его видели».

С кем они разговаривали? С барменшей?

– Джастина, вы можете что-нибудь вспомнить?

Я чувствую, что вот-вот выложу все – и то, что Макс подрался с Джейком за шесть недель до того, как Джейк был арестован. Теперь я задаюсь вопросом, не связана ли смерть Макса с тем, что на самом деле произошло с Рашнеллами. Если есть два человека, о которых было известно, что они и мухи не обидят, и которые когда-то были самыми настоящими друзьями – и как могло оказаться, что один из них арестован, а второй мертв, и это с разницей всего в месяц?

Но я вовремя останавливаю себя, проглатывая слова, рвущиеся наружу. Сейчас не время совершать необдуманные поступки, даже если правда зудит у меня на языке. Нужно получить больше ответов, прежде чем я решу, что именно рассказать. Если открыть эту шкатулку, ее будет практически невозможно затворить снова. И, конечно же, в итоге прошлое выплывет на свет. Действительно ли я хочу раскрыть всю историю нашей семьи, если она совершенно неважна?

Нет смысла рисковать всем просто из спонтанного желания, подстегиваемого скорбью. Поэтому я не спешу. Я думаю обо всех стенограммах допросов, которые читала на протяжении многих лет. Труднее всего манипулировать теми, кто почти ничего не говорит. *Никаких комментариев.*

– Нет, извините.

– Что ж, прекрасно. – Я замечаю, что она, похоже, опять разочарована, но уже не удивлена. – Марк еще ненадолго задержится здесь, ответит на вопросы, которые могут возникнуть у вас или вашей мамы. Если вспомните что-то новое, пожалуйста, дайте мне знать. Как я уже говорила, нам еще предстоит получить заключение токсикологии, но я хочу сообщить, что официальной причиной смерти Макса было признано утопление. Вы можете ознакомиться с деталями протокола, если захотите, в свободное время.

Она открывает портфель и кладет на стол копию отчета о вскрытии. Подвигает его ко мне и указывает на раздел, озаглавленный «Заключение, подтверждающее смерть от утопления».

В дыхательных путях обнаружены ил и водоросли.

Водянистая жидкость в желудке.

Переполненные легкие.

Я смотрю ей в глаза, и ни одна из нас не отводит взгляд. Это не стандартная процедура. Есть вещи, которые семье погибшего не нужно видеть. Она пытается подтолкнуть меня к разговору?

Я отстаю на шаг или опережаю?

Слышу, как возвращается мама, и поспешно хватаю со стола отчет, пряча его за спину. Матери не нужно это читать.

– Я знаю, что сейчас не самое подходящее время, но мы как раз отправили команду в дом Макса. Джастина, если у вас есть настроение, вы не против осмотреть дом?

– Конечно, я иду прямо сейчас, – говорю как можно более любезно.

Сержант Роуз впечатляет. Мы с ней в чем-то похожи – хотя не могу сказать, хорошо это или плохо. Я виню в этом маму и папу.

– Вы не знаете, какой у него был лэптоп? – спрашивает сержант Роуз. Мы стоим на кухне в доме Макса.

– Думаю, «Макбук». Но не знаю, не купил ли он в последнее время новый лэптоп, так что, пожалуйста, не принимайте мои слова за истину в последней инстанции.

Она делает пометку в блокноте, перелистывает страницу и снова смотрит на меня.

– А что насчет его телефона?

– Понятия не имею, извините. Его не было при нем? Я полагала, что его отдали маме вместе с его личными вещами.

– Нет, но это не редкость при утоплении. Волны могут натворить всякого. Я вспомнила об этом в связи с отсутствием лэптопа и решила спросить. – Она беспечно машет рукой и говорит об этом так небрежно, что я ни на секунду ей не верю. Эта женщина расчетлива и дотошна. – И вы не заметили пропажи ничего другого? Допустим, какой-нибудь семейной реликвии, старинных часов, памятных фотографий... Ничего?

– Только лэптоп, насколько я могу судить. Но, как вам известно, я здесь раньше не бывала. Я видела дом по видеосвязи, но не знаю, насколько это может помочь следствию.

О пропаже лэптопа сержанту Роуз должно быть известно с самого начала. Домашний офис с зарядной станцией, но без лэптопа. Для этого не требовалось вызывать меня.

Когда мы выходим обратно на улицу и я уже готовлюсь уйти, она снова заводит разговор. Я заметила, что у нее такая манера: придержать самый важный вопрос до конца, замаскировав его под послесловие, в надежде застать тебя врасплох. Это хитрый ход, но я слишком умна для таких игр.

– Еще один вопрос. Вы не знаете, в какой день вывозят мусорные контейнеры в этой части города?

– Не знаю, извините. Как я уже сказала, прошло много лет с тех пор, как я здесь жила.

– Я так и думала, что вы это ответите... Я вчера спросила Джимми, и он сообщил, что по понедельникам.

Возможно, я не настолько умна, как мне кажется.

Сержант Роуз почесывает пальцем висок, и я понимаю, что это просто показуха.

– Смущает то, что мусорная корзина была найдена пустой. Но если мусорные баки очистили в понедельник, Макс к этому моменту уже был мертв. Он мог вынести их, скажем, за пару дней до гибели, но вряд ли у него не нашлось ни одной вещи, которую понадобилось бы выбросить за это время. Однако в корзинах ничего нет. Чисто, как после уборки.

– На что вы намекаете? – Выдерживаю спокойный, заинтересованный тон, как будто просто считаю, что она вовлекает меня в расследование. Как будто не догадываюсь: она намекает, что следит за мной и знает – у меня есть свои секреты.

– На данный момент – ни на что. Я просто спрашиваю. Спасибо за сотрудничество, я очень вам признательна. Хорошего дня.

В свою защиту могу сказать, что уборка в доме брата не является преступлением и в тот момент я не знала, что он утонул. Я даже не подозревала, что у меня вот-вот снова отнимут семью.

Но это служит напоминанием о том, что сержант Сорча Роуз по-прежнему орел, а я – ее добыча.

Глава 21

Облачившись в мантию и парик, я ощущаю удивительное спокойствие и уверенность – чувство безопасности. Я преображаюсь. Физический процесс подготовки – это еще и психологический акт, и именно сейчас мне нужен отдых от самой себя, от груза ответственности за то, насколько правдивые ответы мне следует давать в связи со смертью Макса.

Сегодня я впервые явилась в зал судебных заседаний после перерыва – спустя десять дней после того, как тело Макса выловили в море. Сегодня мое первое выступление в суде с того момента, как я была отстранена от самого крупного дела в моей карьере. Наверняка я могла бы попросить кого-нибудь другого подменить меня на сегодняшнем слушании. Похороны Макса состоятся завтра, и Чарльз ждет меня в палате только после выходных, но это именно то, что мне нужно после вчерашнего. Выступление в суде должно придать мне сил.

По крайней мере, я надеялась на это, но когда судья в очередной раз выносит решение поддержать возражение против моего перекрестного допроса свидетеля, я уже не могу придумать, как по-другому сформулировать свой вопрос. Хуже того, я не могу вспомнить ни одной подробности дела, которое должна была вести. Я уже не в зале суда, я потерялась во времени.

Тысяча крошечных осколков стекла. Каждый из них способен причинить боль. Тысяча возможностей причинить боль.

Встаю со своего места, готовясь обратиться к свидетельскому составу. Я с ног до головы экипирована для этой роли. Парик, мантия, мои необычайно дорогие, но достаточно скромные туфли на каблуке правильной высоты, чтобы я могла пройти по залу суда под их строгое «щелк-щелк-щелк». Но я ничего не могу сделать, просто лишаюсь дара речи. Изо всех сил сжимаю кулаки, надеясь, что боль от того, что острые ногти вонзаются в ладони, вернет меня в зал суда. Но и это не помогает. Мысленно я уже не в суде. Вместо этого стою в своей спальне, а передо мной лежит безжизненное тело отца.

Я осознаю, что Лара поднимается со своего места рядом со мной, и, собравшись с силами, заставляю свое тело подчиниться и сесть.

– Мисс Найтингейл, опишите, пожалуйста, своими словами место аварии, каким вы его увидели, когда только приехали, – спокойно произносит Лара.

– Там было стекло. Очень много стекла, и я видела, что все окна были выбиты.

Я беру ручку и делаю вид, будто все еще контролирую ситуацию. Лара с впечатляющей эффективностью подхватывает дело с того места, где я прервалась; наконец-то у нее появился шанс блеснуть – после того, как она последние два года работала со мной.

Следующий свидетель не явился, а значит, суд откладывается; об окончании заседания объявляют вскоре после того, что я могу назвать только «отключкой». Собирая бумаги в чемодан на колесиках и выходя из зала суда, изо всех сил стараюсь не встречаться глазами ни с кем из коллег. Мы все знаем друг друга – как в зале суда, так и за его пределами. То, что в суде являет собой лютое соперничество, за его пределами быстро превращается в товарищество. Но не сегодня. Сегодня мне нужно избегать их вопросительных взглядов.

Дверь судебного зала едва успевает захлопнуться, как звонит телефон. На экране высвечивается имя Чарльза. Даже тот факт, что он звонит мне в эту минуту, выдает настоящую неотложность вопроса, хотя я знаю, что это всего лишь игра моего воображения. Тем не менее гнев в его голосе мне отнюдь не мерещится.

Он не сообщает, откуда узнал о случившемся, но я догадываюсь, что это сделал Эндрю Марсфилд, прокурор, выступающий обвинителем по сегодняшнему делу. Он всегда был маленьким пронырой, с редкими прямыми волосами и маленькими глазками, посаженными слишком близко друг к другу. Однажды, несколько лет назад, он приставал ко мне, когда я уже была помолвлена с Ноем. Мужчины не умеют достойно воспринимать отказ; не удивлюсь, если все эти годы он ждал возможности отомстить, а я просто подкинула ему отличный повод. Без сомнения, это сработало. Меня вызывают. Разумеется, немедленно – обратно в адвокатскую палату.

В течение всего разговора я заворожено наблюдаю за тем, как по нижней челюсти Чарльза в неистовом ритме перекатываются желваки. Сказать, что он рассержен, – значит ничего не сказать. По его словам, то, что случилось сегодня, плохо отражается на всей нашей палате.

– Мы гордимся тем, что являемся лучшим представительством. Случившееся просто неприемлемо. Вы обязаны обеспечить клиентам надлежащий стандарт работы. – Чарльз говорит это уже во второй раз, и я задаюсь вопросом, не репетировал ли он эту фразу перед тем, как позвонить мне. Она, несомненно, позаимствована из «Справочника по стандартам адвокатуры».

– Извините, я постараюсь, чтобы подобное больше не повторилось.

Сейчас это звучит не более искренне, чем в первый раз, когда я приносила извинения. Я бы хотела, чтобы это было правдой. Чтобы мне было так же стыдно за себя, как и Чарльзу, но я ничего не чувствую. Ни стыда. Ни вины. Ни чувства, будто я подвела Чарльза или себя. Не то чтобы мне было все равно, но часть меня застряла *в том месте* – как будто я так и не вернулась в зал суда и все еще смотрю на разбитое стекло. На кровь, растекающуюся у меня под ногами. На отцовские глаза, обращенные на меня. Мертвые глаза.

Интересно, когда ко мне возвратится реальность? Логически я понимаю, что поставила под угрозу свою карьеру, но пока не могу это прочувствовать. Это инстинкт самосохранения? Или я окончательно потерялась в прошлом?

– Нет. Не повторится, – говорит Чарльз, наконец занимая место за своим большим дубовым столом. – Я посоветовался с другими старшими юристами, и мы решили, что будет лучше, если вы на некоторое время отойдете от дел. Возможно, на месяц. Дайте себе время пережить горе.

Вот теперь ему удалось привлечь мое внимание.

– Я не могу это сделать. Я наемный работник. Речь идет о моих средствах к существованию.

– Мы знаем. Послушайте, вы через многое прошли – и, очевидно, это еще не закончилось, – но мы имеем дело с судьбами людей. С их будущим. Нельзя допустить ни единого промаха, а вы еще не готовы вернуться в суд.

– Со мной всё в порядке, – протестую я, но он прерывает меня. Вскидывает руку ладонью вперед, как будто беседует с упрямой школьницей.

– Джастина, я настоятельно рекомендую вам взять отпуск, а дальше мы разберемся. Я предоставлю вам самой поставить в известность юристов, которые возьмут на себя ваши дела.

«Брось все и уходи». В этом не слышится ни малейшего намека на обещания. Я помню, как улыбался Чарльз, когда я явилась в палату с пирожными, готовая отпраздновать свое первое звездное дело. Было ясно, что он разделяет мое волнение по поводу этого прорыва в моей карьере. Он гордился мной, своей протеже. Теперь я смотрю на него. Он встречает мой взгляд, сурово хмурясь. От улыбки не осталось и следа.

Из-за пережитого стресса он выглядит еще более усталым, чем обычно.

«Чарльз, я тоже устала.

Я действительно чертовски устала.

Я устала за целых восемнадцать лет».

Глава 22

Три часа уходит у меня на то, чтобы вырваться из лондонских пробок и доехать до Молдона. Я не хочу возвращаться в дом, который ненавижу, не хочу признавать тот факт, что моя карьера рушится. Я знаю, что это означает. Даже если через месяц мне поручат новые дела, это никак не улучшит мою репутацию. Я теряю контроль.

Срываюсь.

Прошлое с каждым днем все чаще и чаще вторгается в настоящее. Я могу идти по улице, а потом, без предупреждения, снова оказываюсь *там*. В тесном темном пространстве. *Не могу выбраться. Заперта*. Воспоминания всегда пребывали со мной, но сейчас они делаются сильнее.

Мне всегда было трудно сидеть без дела, так как это позволяло мыслям разрастаться. Втискиваться в уголки сознания и пускать корни там, где их не должно быть. Нет, я не могу вернуться к ничегонеделанию. Нужно отвлечься. Нужно заняться чем-нибудь.

К тому моменту, как я подъезжаю к дому Макса, начинает темнеть. Джимми всю прошлую неделю занимался организацией поминок и попросил меня принести несколько фотографий в рамках, чтобы выставить их на столике рядом с гробом. Все фотографии, какие есть у мамы, – наши детские снимки, но, просматривая их вместе с сержантом Роуз, я увидела несколько фото, которые подходят как нельзя лучше.

* * *

Все следы того, что дом Макса был местом преступления, исчезли. Нет желтой ленты, развевающейся на ветру, задняя дверь заменена. На этот раз я вхожу через парадную дверь, воспользовавшись маминым запасным ключом, и в этом есть что-то катастрофическое. Я чувствую в этом некое горестное подтверждение того, что все надежды рухнули: бесполезно стучать в дверь – нет шансов, что Макс окажется дома и впустит меня.

Открыв холодильник, с разочарованием убеждаюсь, что в нем больше не осталось пива.

Я начинаю с гостиной, обшариваю каминную полку и подоконник эркера в поисках чего-нибудь подходящего. Там висит фотография, на которой он снят с группой друзей, когда они отдыхали пару лет назад на Корфу, – все сидят, свесив босые ноги через борт яхты, а внизу маняще синее море.

В дыхательных путях обнаружены ил и водоросли.

Смерть от утопления.

Я не дотрагиваюсь до этого снимка. Здесь есть и другие, и я сразу же отправляю их в сумку: фотография, на которой мы вдвоем на выпускном Макса; Макс и Джимми на велогонимой трассе в подростковом возрасте; мама и Макс в ее саду. На всех этих фотографиях брат выглядит таким энергичным... Он всегда жил на полную катушку – иногда даже слишком бурно, – но в конечном итоге неизменно оказывался рядом, когда был нужен. Раньше я задавалась вопросом, откуда у него эта способность – расслабляться и веселиться. Я хотела узнать секрет: как ему удается не позволять всему этому давить на него, как оно давило на меня? Может, он просто не видел того, что видела я?

Разбухшее тело.

Разложение.

Переполненные легкие.

Или, может быть, все это наконец настигло его... «Макс, что случилось? Как ты оказался в воде?»

Я уже собираюсь уходить, когда раздается звонок от Отиса.

– Привет, именно тебя я и хотела услышать. – Надеюсь, у него найдутся ответы на мои вопросы.

– Я слышал, тебя отстранили от того крупного дела об убийстве. – Ровный, даже монотонный голос.

Я не особо удивлена; я прекрасно знала, что слухи разойдутся быстро. Я просто тянула время.

– Кто тебе сказал? – Я сразу же понимаю, что это бессмысленный вопрос. Отис не нуждается в том, чтобы кто-либо что-либо ему рассказывал, и, конечно, никогда не раскрывает своих источников. – Впрочем, можешь не отвечать.

– Это как-то связано с тем, что я копался в ноутбуке твоего брата?

Нет смысла врать Отису, он всегда докопается до истины, но умение уклониться от прямого ответа – это совсем другое.

– Мы можем встретиться? Пожалуйста, дай мне возможность рассказать тебе все, а потом, если ты захочешь бросить все это, я пойму.

– Что ж, только ради тебя – да. Я заеду за тобой через два часа.

– Дело в том, что... – Я понимаю, что требую слишком многого, но эта ситуация действительно такова, и к тому же мне нужно научиться устанавливать границы. – Я не могу встретиться сегодня. Ной ждет моего возвращения, он только что прилетел из Парижа, а завтра похороны. Ты можешь подождать до послезавтра? Обещаю, я все тебе расскажу.

– Хорошо. – Он соглашается неохотно, но, по крайней мере, не настаивает. Интересно, сколько понимания он проявил бы при других обстоятельствах – если б я не оплакивала своего погибшего брата? – Я заеду за тобой. Полагаю, ты захочешь отправиться куда-нибудь в уединенное место?

– В идеале – да.

– Хорошо. Но мне нужна правда, Джастина. Если ты хочешь, чтобы я и дальше помогал тебе, мне нужна *вся* правда.

Я едва сдерживаю смех при мысли о том, что эта фраза звучит из уст Отиса. Он не хуже меня знает, что на самом деле никакой правды не существует. Людям нравится думать, будто мир можно разделить на факты и вымысел, но я на собственном опыте убедилась, как искусно можно манипулировать фактами, использовать их, подгонять их под нужные мерки – так, что уже не отличишь, где реальность, а где ложь. Все в этом мире субъективно, все рассматривается через определенную призму, а факты искажаются под влиянием нашего собственного опыта.

Я не раз обсуждала это с Ноем за ужином, убеждая его, что правды не существует. Это лишь промежуток между опытом одного человека и опытом другого, и мы можем заполнить его любым количеством различных истин. Я каждый день наблюдаю в зале суда, каким образом это происходит. Но все же я обещаю Отису именно это. Правду. Потому что, хотя меня отстранили от дел, я все еще должна найти ответы на свои вопросы.

Глава 23

Я знаю, что Ной благополучно прибыл в мамин дом, поскольку он информировал меня о каждом этапе своего путешествия. Это было очень мило – заботиться о том, чтобы я знала, что он уже в пути, воображать, что я с нетерпением жду его приезда, хотя на самом деле я ждала этого с ужасом. Больше всего на свете мне бы хотелось оказаться в объятиях Ноя, почувствовать, как он окутывает меня своей заботой, точно одеялом безопасности, не давая замерзнуть.

И все же я не хочу, чтобы все это происходило здесь, в Молдоне, и уж тем более *в том* доме. Я даже не знаю, какотреагирую на его физическое присутствие в этом месте. Сохранится ли здесь чувство безопасности, которое он обеспечивает мне, или эта скверна затронет и его?

Да, я знала, что его следует ждать сегодня – ведь он прервал свою командировку, чтобы успеть вернуться к похоронам Макса, – но все равно, когда я вижу его в маминой гостиной, чувства приходят в смятение. На нем темно-синяя рубашка с открытым воротником, которую я купила ему на прошлый день рождения, и кремовые шорты-чинос с мокасинами. Круглые очки в толстой черной оправе. Это откровенно лондонский стиль – настолько, что здесь он смотрится комично и неуместно. Зримое напоминание о том, что мои жизни «прежде» и «после» никогда не должны были вот так сливаться воедино.

Он вскакивает со стула, как только видит меня в дверях. Первое, о чем я думаю, – что он не должен сидеть *здесь*. Это кресло ему не принадлежит. Оно принадлежит другому. Моему отцу. Ной должен пересечь куда-нибудь. Но как сказать ему об этом? И я просто позволяю ему поцеловать меня и пытаюсь сосредоточиться на том, что он мой муж.

Ной хороший. У нас все хорошо. Несмотря ни на что, мы здесь вместе, и этого должно быть достаточно.

– Вы с мамой хорошо ладили? – спрашиваю я.

– Конечно. А почему бы и нет? На самом деле я, кажется, пообещал ей, что приготовлю сегодня ужин.

– Ты... что? – Только не это. Я надеялась, что во время его пребывания в доме они будут держаться как можно дальше друг от друга.

– Я решил, что так будет правильно. И, кроме того, будет приятно познакомиться с ней поближе, пусть даже при таких обстоятельствах.

«При таких обстоятельствах...»

Я стараюсь не вздрогнуть от бесстрастности этих слов. Напоминаю себе, что это Ной. Он не бессердечен – он сказал это не намеренно, просто он такой, какой есть. Он всегда старается сгладить свои недостатки, иногда даже слишком сильно. Говорит слишком громко, чтобы компенсировать неуверенность. Шутит слишком навязчиво, чтобы скрыть чувство уязвимости. Ведет себя слишком серьезно, когда обстановка делается чересчур эмоциональной и он со своим интернатским воспитанием не знает, как на это реагировать.

– Это очень мило с твоей стороны, – вынуждена сказать я, потому что это правда, и я пытаюсь не злиться на него, ведь все, что делает Ной, он делает для меня. Мой муж не идеален, но он добр.

Ной не виноват в том, что я не хочу видеть его здесь: в этом месте, в этом доме, рядом с моей матерью. Я словно чувствую, как яд сочится со стен, капает из ее уст и течет к нему, готовясь отравить нас.

* * *

Я знаю, что не смогу долго отсиживаться в туалете, прежде чем они начнут задавать вопросы. Как и было обещано, Ной приготовил ужин, а мама накрыла большой дубовый стол в столовой. До этого мы с Ноем никогда не ужинали с моей мамой. Даже в день нашей свадьбы. Мы поженились во время отпуска, чтобы избежать неловкости, связанной с торжественным банкетом.

Конечно, Ной не знает, что причина в этом. Я убедила его, что это будет романтично: пожениться без традиционной суеты, способной отвлечь от обетов, которые мы давали друг другу. Вместо того чтобы потратить кучу денег на нелепо дорогой банкет, который запомнился бы гостям как «праздничная вечеринка», мы провели два месяца на Средиземном море. Ноя не пришлось долго уговаривать – стоило только показать ему, какую виллу мы можем снять. Он, конечно, уже

встречался с моей матерью, но всего несколько раз – можно пересчитать по пальцам одной руки – и никогда не приезжал сюда.

Тук-тук.

– Всё в порядке? – Даже стук в дверь в исполнении Ноя звучит медленно и уверенно. В его мягком тоне звучат нотки обеспокоенности. Он способен сдержаться: не выбить дверь и не потребовать, чтобы я рассказала ему, что происходит, и именно эти качества я в нем уважаю – и именно этих качеств не хватает моему подлинному «я». Тому «я», которое таится глубоко-глубоко.

Единственная разумная реакция на подобное поведение – ответное спокойствие. В этом и заключается особенность Ноя: он всегда держит эмоции под контролем, у него всегда все упорядочено – ни единого неуместного слова. Это позволяет мне держаться за реальность. Сохранять спокойствие, утихомиривая бушующие внутри меня чувства, не давая им вырваться наружу.

За это я и люблю его больше всего: за то, что он дает мне возможность быть именно такой, какой я себя хочу видеть. Но сегодня, накануне похорон Макса, я ощущаю, как моя внутренняя боль требует выхода. Она не хочет утихать.

Я закрываю глаза и слушаю его голос по ту сторону двери, надеясь, что это, как обычно, успокоит меня. Ной говорит о том, что приготовил на ужин. Какие ингредиенты он использовал. Из какой части Индии родом это блюдо. Это тактика, которую посоветовала нам Айя, – способ вытащить меня из омута воспоминаний и раздумий и сосредоточиться на чем-то другом. Я знаю – он считает, что я просто подавлена своим горем.

Отчасти это правда, но это *не вся* правда. В этот момент я люблю Ноя сильнее, чем когда бы то ни было, но это не помогает: сама мысль о том, что однажды я могу потерять его – а ему может не понравиться то, что он обнаружит, когда узнает, какая я на самом деле, – заставляет боль в груди становиться острее.

Распахиваю дверцу шкафа над раковиной и нахожу пачку маминог кодеина. Открываю ее.

Ной замолкает, но я все еще слышу его дыхание. Он ждет. Терпеливо, как обычно. И вот, вместо того чтобы разгромить дом, как мне хотелось бы, я откликаюсь:

– Уже иду. Спасибо. Начинай расставлять тарелки. – А затем запиваю таблетку водой из-под крана.

* * *

– У тебя действительно талант, дорогой. – Мама в сотый раз хвалит Ноя за его готовку.

Любой решил бы, будто он приготовил изысканное праздничное меню из пяти блюд, а не простое карри. Конечно, Ной сделал все сам и с нуля, но мама обычно не из тех, кто раздает комплименты, и уж точно не склонна перебарщивать. Я никогда не замечала за ней особой восторженности, но с момента появления Ноя она просто переполнена энтузиазмом – впервые на моей памяти.

Если честно, меня это бесит.

– Итак, Ной. – Она откладывает нож и вилку, вытирает рот салфеткой. – Банкир, зять, шеф-повар экстра-класса... – «Боже правый, пусть это прекратится». – Я просто хочу сказать – я очень рада, что ты здесь, что мы все вместе в такой тяжелый момент. Это очень много значит.

Она протягивает руку через стол и накрывает его ладонь.

– Извините, я ненадолго. – Я со скрежетом отодвигаю стул, стремясь побыстрее оказаться на свежем воздухе.

Прислоняюсь к фасаду дома. Поблизости от окна столовой, пусть и чуть-чуть в стороне. Через открытое окно до меня доносится их разговор, хоть я и не подслушиваю его специально.

– Дело вот в чем, – продолжает мама, – я не очень-то уверена в том, что пребывание здесь – лучшее решение для Джастины. Я знаю, она чувствует, что должна остаться со мной, но возвращение сюда, в этот дом, да еще учитывая случившееся с Джейком... я беспокоюсь, что это не очень хорошо сказывается на ней.

– Кто такой Джейк? – спрашивает Ной.

Мне хочется биться головой о стену – снова и снова. Но вместо этого я сжимаю кулаки. Я могла бы постучать в окно и прервать разговор, прежде чем она успеет ответить, но этот момент надвигался с той самой минуты, как я открыла папку с делом. Это неизбежно, так

или иначе. Это может случиться сейчас или потом – с равной вероятностью.

– Брэд Финчли – это Джейк Рейнольдс, милый. – Мама произносит это так выразительно, словно после этих слов для Ноя внезапно все встанет на свои места.

– Брэд Финчли? Человек, который убил ту семейную пару?

«Предположительно. Его лишь *обвиняют* в убийстве». Я не слышу маминого ответа, но представляю, как она с усилием кивает.

– Ясно. И при чем тут Джейк Рейнольдс? – Ной оставляет этот вопрос висеть в воздухе, и я, не удержавшись, заглядываю в окно. Отсюда вижу лишь широкую спину мужа, но мама сидит лицом ко мне. Она смотрит на меня, и я вижу потрясение на ее лице, когда она переводит взгляд на Ноя, потом снова на меня. Снова вытирает рот салфеткой, хотя больше не ела.

– Прости, я не должна была ничего говорить.

– Пожалуйста, продолжайте. Скажите все, что следует сказать. Пусть будет так, как лучше для Джастины.

Мама снова смотрит на меня. Ее брови вопросительно сдвинуты. Я киваю, давая ей разрешение продолжать.

– Джейк Рейнольдс... – запинаясь, произносит она, и я понимаю, что заинтригована тем, каким образом она подведет итог. – Ну, они с Джастиной очень любили друг друга. Но это было много лет назад.

Неплохо сказано. Мы с Джейком действительно любили друг друга – очень сильно. Возможно, слишком сильно.

* * *

Ной расхаживает по спальне, как олень в загоне. На третьем шаге от левой стены скрипит половица. Мне бы хотелось, чтобы он переместился на полметра ближе к кровати; там половицы не издают ни звука.

– Я не понимаю, почему ты не сказала мне, что у тебя раньше были серьезные отношения с парнем. Зачем притворяться, будто я у тебя первый? Меня это не смутило бы. Мне все равно. У всех нас есть прошлое, это нормально. Но зачем врать об этом?

– Все закончилось не очень хорошо. Я просто хотела забыть об этом. В то время я не считала, будто это имеет значение. Я не думала, что сейчас это всплывет – всплывет как большая ложь.

– Это и была... – *скрип* – ...большая ложь.

– Да, это так, и за это я прошу прощения.

– Мне кажется, что я все еще чего-то не понимаю. Почему ты не рассказала мне о том, что ведешь свое первое крупное дело об убийстве, если не поняла сразу, что его фигурант – Джейк? Это какая-то бессмыслица. Ты рассказала бы мне. Я знаю, что рассказала бы.

Скрип.

Я смотрю на своего мужа. На человека, который никогда не сказал мне ни одного дурного слова: он всегда такой заботливый и внимательный... Он не действует импульсивно и старается поступать правильно. В нем есть все, чего нет во мне. Все то, что я хотела бы собой представлять. Я вижу, как ему больно. Я причинила ему боль.

И поэтому я объясняю ему. Не все, я не настолько беспечна. Просто кое-что. Я рассказываю, что Джейк был моей первой настоящей любовью и что после почти года серьезных отношений он уехал из Молдона и вычеркнул меня из своей жизни. Я больше никогда не получала от него известий. Четыре года спустя я встретила Ноя на праздновании дня рождения одной из подруг Шарлотты в Клэпхэме, и мой подростковый роман перестал казаться важным.

В ходе этой части повествования я вижу, как он смягчается. Рассказанная таким образом, история не кажется слишком большой ложью. Прошло много времени между этими отношениями, а мы были очень молоды. Я даже почти убедила себя, что все случившееся между мной и Джейком стало казаться мне слишком незначительным, чтобы о нем упоминать. Следующую часть изложить будет сложнее. Тут уж ничего не поделаешь.

– Черт! – Ной не любит ругаться, и я понимаю: он действительно недоволен тем, что я сразу же не сообщила о своем знакомстве с Брэдом – Джейком – обвиняемым. Подавляю желание улыбнуться, довольная тем, что Ной – такой же неидеальный, как и все мы.

– Знаю. Честно говоря, сама не пойму, почему я ничего не сказала. Наверное, я была слишком потрясена тем, что это он.

– Поэтому ты вернулась сюда? Вспомнить прошлое? – Я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться над этим его «вспомнить» – как

будто в воспоминаниях о прошлом, об этом городе, о Джейке есть для меня что-то хорошее.

– На самом деле не знаю. Наверное, мне просто захотелось вернуться домой. Я была в некотором шоке, когда его обвинили в убийстве той пары.

– Думаю, я понимаю почему. Я просто хотел бы, чтобы ты сразу сказала мне правду.

– Знаю. Я просто не понимала, с чего начать.

– А что насчет Чарльза? Что он сказал, когда ты ему призналась? Серьезно, Джастина, ты многим рисковала.

– Я ничего не соображала, все было ужасно неожиданно, я действовала импульсивно... Но Чарльз, похоже, поверил, что я рассказала ему, как только поняла. По крайней мере, он сделал вид, что поверил. Пока что.

– Что ж, это хорошо. Это хорошо, – повторяет Ной, словно убеждая себя.

– Но мне нужно сказать тебе еще кое-что. Я сегодня облажалась в суде, и мне... – Не слишком ли по-детски это звучит? – Мне предложили сделать перерыв на некоторое время.

Я чувствую, как внутри меня начинает нарастать разочарование в себе. Как оно пытается вырваться наружу.

Я заставляю себя посмотреть на Ноя и готовлюсь увидеть то же разочарование в его глазах – но в них нет ничего подобного. Выражение его лица смягчается – и я почти изумляюсь, когда он бросается ко мне, чтобы обнять.

– Я не рад, что ты столько скрывала от меня, но не будь так строга к себе из-за сегодняшнего. Ты слишком многое пережила за последнее время, и неудивительно, что твой первый день в суде оказался настолько тяжелым. А в ситуации с Джейком-Брэдом ты в итоге поступила правильно. Это самое главное. Все будет хорошо. У нас все будет хорошо. Давай просто ляжем спать. Утром поговорим обо всем. Может быть, отдых от суда – это именно то, что тебе нужно.

Я крепко целую своего замечательного мужа в губы и закрываю глаза, надеясь, что, когда открою их снова, мы окажемся в своем собственном доме, в безопасности и покое. Но я знаю, что это не так.

– Только больше никаких секретов, хорошо? – шепчет он мне в затылок.

– Больше никаких секретов, – повторяю я, надеясь, что на этот раз мне удастся сдержать слово.

Мы готовимся ко сну в тишине. Это дарит мне ощущение мягкой заботы, даже нежности. Этот человек любит меня. Эта истина доходит до меня в очередной потрясающий раз, когда я забираюсь в постель и обнимаю его, утыкаясь лицом в его грудь и стараясь сохранять дыхание ровным.

Последним – и до сих пор единственным – мужчиной, который лежал со мной на этой кровати, был Джейк.

Я нащупываю под одеялом руку Ноя, и наши пальцы сплетаются. Наши обручальные кольца трутся друг о друга.

– Ты в порядке? – чуть слышно спрашивает Ной.

– Буду в порядке, – отвечаю я, и он крепче сжимает меня в объятиях. От этого мне хочется плакать. Ной никогда не должен был оказаться в этой части моего мира, моей жизни. Я больше не могу сдерживать слезы, и они свободно катятся по моим щекам.

Я плачу по прежней Джастине.

Рождественская вечеринка: разделительная черта между моим «прежде» и моим «после».

Прежде Эвелин-мать

Весь последний месяц Эвелин занималась организацией рождественской вечеринки, устраиваемой фирмой мужа. Раз от раза это становилось все труднее, поскольку каждый год ожидалось, что мероприятие будет лучше предыдущего – больше и совершеннее. Ей не следовало удивляться, ведь именно эта склонность Джерарда к соперничеству позволила ему так далеко продвинуться в карьере, и теперь он владел собственной юридической фирмой с несколькими партнерами – не все из которых ей нравились. По мере того как росли ожидания, росли и последствия их невыполнения.

Последствия.

Она ненавидела, что ей приходится мыслить подобным образом, что вся ее жизнь рассматривается с точки зрения действий и реакций – Джерарда, а не ее собственных. Это было не то, на что она подписывалась, когда давала брачные обеты – «в горе и в радости». Конечно же, это совсем не то, что подразумевалось под этими словами. Никто не стал бы винить ее, если б она бросила мужа. Но все было гораздо сложнее.

Вначале она оправдывала его. Как этот мужчина, который так пылко любил ее, этот человек, благодаря которому она чувствовала себя живой... каким образом он превратился в кого-то совершенно иного? Нет, это было не совсем верно. Он не стал совершенно иным. Именно это ее и пугало. Он по-прежнему оставался очаровательным, ласковым, шумным и сногшибательным. Но со временем в нем проявились другие черты. Более жесткие и жестокие.

Наверняка с ним что-то случилось, раз он стал таким. В самом начале он вел себя с ней совсем по-другому. Что же изменилось? Ей отчаянно хотелось, чтобы на то была причина. Что-то иное – лишь бы дело было не в нем самом. Или не в ней, что еще хуже. А вдруг именно она стала причиной ненависти, которую ощущала в нем? Он не всегда был исполнен этой ненависти. Когда-то они любили друг друга...

В год, когда начались *последствия*, она исследовала все. Посттравматическое стрессовое расстройство, опухоль мозга,

депрессия, биполярное расстройство. В конце концов она смирилась с тем, что это была обычная жестокость. Нарциссизм.

Но прошло немало времени, прежде чем она призналась себе в этом; нелегко было принять на себя ответственность. Потому что именно это она и испытывала. Непонятное чувство вины – за то, что полюбила его. За то, что вышла за него замуж. За то, что разозлила его.

Когда он сделал ей предложение, она почувствовала себя счастливой. Это было самое беспечное «да» в мире. Никаких колебаний. Они были знакомы всего несколько месяцев, но их роман оказался стремительным, полным широких жестов и упоения чувствами.

Она даже не попыталась узнать человека, скрывающегося за харизмой и обаянием, пока не стало слишком поздно. «Ты вышла за меня замуж. Ты любишь меня». Говоря это, он целовал ее в шею. Впервые он сделал это в брачную ночь, и тогда это привело ее в восторг: как будто его возбуждал сам тот факт, что она желает его. Она чувствовала себя могущественной. Как наивно это было с ее стороны! Со временем это ощущение менялось, и теперь она понимала, что он обладает полной властью над ней, а она над ним – никакой. Это происходило медленно и постепенно. Но теперь, когда он так прикасался к ней и шептал эти слова в ямку у основания ее шеи, это лишь усиливало ее страх перед тем, что будет дальше.

Она сделала бы все, чтобы повернуть время вспять, но время было единственной вещью, которой она не могла управлять. Это была ее реальность. Возможно, она должна была предвидеть это. Но никогда не ждешь, что такое случится с тобой. Что человек, в которого ты влюбилась, окажется одним из тех монстров, о которых ты только слышала. Никогда не ждешь, что все будет выглядеть именно так – как в случае с Джерардом.

Это не был брак, полный ненависти. Бо́льшую часть времени Джерард оставался тем человеком, за которого она решила выйти замуж. Именно это и делало его таким опасным. На первых порах у нее был муж, которого она любила и который заставлял ее чувствовать себя любимой. Но потом он начал уничтожать ее, дюйм за дюймом. Виновата ли она в этом? Или же чувство вины, которое она испытывала, навязал ей Джерард? Может, он этого и хотел? Топтать ее чувство собственного достоинства до тех пор, пока она не начнет

винить себя? Эвелин запуталась в себе; боль и смятение настолько въелись в ее душу, что она перестала доверять собственным чувствам.

Когда она заставляла себя думать об этом, то задавалась вопросом: быть может, ее самоощущение полностью зависело от него? В момент знакомства с Джерардом она была одинока. И молода. Отец никогда не играл никакой роли в ее жизни, а мать впала в депрессию после его смерти. Эвелин в ту пору была еще ребенком; она оказалась предоставлена самой себе. Что бы она ни сделала, этого было недостаточно, и вся сила материнского горя, вся боль и гнев были направлены на нее.

Когда в ее мир вошел Джерард, все изменилось. Он заставил ее почувствовать себя желанной. Заставил ее почувствовать, будто в ней есть что-то, за что ее можно любить. Неужели все это было обманом? Способом заставить ее зависеть от него? Не только в материальном плане (потому что он, безусловно, обеспечил ее деньгами), но и в эмоциональном?

Однако в одном Эвелин не сомневалась: пока он имеет над ней власть, которую она не в силах свергнуть, она ни за что не позволит ему прикоснуться к своим детям.

К Макс и Джастине.

Они были для нее светом во тьме. Потому что иногда ее мир становился абсолютно черным, и ей казалось, что она находится в невероятно темном и длинном туннеле. И так несколько дней подряд. Мир вокруг нее продолжал существовать, но она не могла выбраться. Туман окутывал ее, а она могла только наблюдать.

Она знала, что они тоже это чувствуют. И считают ее плохой матерью. Но делала всё, что могла, – однако в некоторые дни ей хватало сил лишь на то, чтобы одеться. Они не знали, как тяжело ей было каждый день вставать с постели – только ради них.

И потому рождественская вечеринка в этом году была особенно важна для Эвелин – ведь Джерард впервые счел Джастину достаточно взрослой, чтобы она могла присоединиться к ним. Эвелин видела в этом шанс показать дочери, на что она способна – что она действительно полноценная личность.

Силу матери не нужно видеть, ее нужно только чувствовать, и Эвелин это знала. И жила этим. Но это не мешало ей радоваться

возможности продемонстрировать дочери, что она тоже может повлиять на ситуацию.

Эвелин в последний раз прошла по дому, проверяя, всё ли на месте; каждая комната сверкала и сияла. Рождественские елки – большие и маленькие – украшали почти каждый уголок. Но волшебство заключалось в мелочах: сырная доска в форме елки, стойка с горячим шоколадом в одном конце, бар с глинтвейном в другом. Она даже организовала в салоне стол для изготовления венков – для тех, кто захочет смастерить что-то на память и ненадолго побыть в тишине.

Эвелин сделала это – не шло и речи о том, что вечеринка может не удалась. От коллег и юристов до полицейских, бизнесменов и масонов (хотя зачастую их невозможно было отличить друг от друга – ведь масонов можно было встретить повсюду) – для всех должно было найтись занятие по душе. Неудивительно, что список гостей рос год от года. Включив свет в последней из комнат, она улыбнулась.

Все готово.

Глава 24

Я лежу на кровати и слушаю тиканье часов, висящих над ней. Этот звук, обычно почти неразличимый, сегодня громок, как барабан. С каждой секундой я понимаю, что приближаются похороны Макса, и это кажется движением к краю пропасти. Я не готова к прощанию.

Машина должна приехать через двадцать минут, но я не хочу шевелиться. Сажу на краю кровати, моя одежда свалена грудой, обнаженная кожа все еще сырая после очередного – слишком горячего и слишком долгого – душа. Руки тяжелы, в груди давит. У меня нет сил, чтобы одеться; все усилия уходят на то, чтобы дышать.

Вдох на счет «четыре», задержка дыхания на счет «пять», выдох – на счет «шесть».

Обычно этот счет помогает сосредоточиться, но сегодня утром это не срабатывает. Словно в старом кинофильме, поставленном на повтор, я вижу Макса: вот он смотрит на меня с записи камеры видеонаблюдения в «Синем орле»; вот он лежит мертвый, твердый как камень, поверх его расprostертого тела наброшена простыня; а затем перед моими глазами возникает лицо отца. И все начинается снова. Снова и снова.

Такое ощущение, что это физически сокрушает меня: душевная боль перерастает в реальную, осязаемую, физическую. Горло сжимается, дыхание учащается. Короткие вздохи становятся все труднее и труднее делать. Я слышу, как хриплю от усилий, как эти хрипы словно исходят откуда-то со стороны, а не из моего собственного горла. В груди разливается глубокая тягучая боль. Если бы такого не случилось раньше, я искренне решила бы, что умираю.

Но вместо этого пытаюсь помнить, что всё под контролем. Это пройдет.

Когда перед глазами появляются пляшущие блики света, я наконец понимаю, что все подходит к концу. Всплеск головокружения перед тем, как наступает облегчение. Глаз бури.

Я не всегда знаю, чем это вызвано, но уверена, что сегодняшняя паническая атака была спровоцирована тем, что я услышала, как Ной принимает душ в ванной комнате, – именно сегодня, когда мои

психологические барьеры подточены до предела. Я попыталась предложить ему воспользоваться другой ванной комнатой, но так и не смогла придумать убедительную причину. Муж просто рассмеялся. Но ведь он не знал, что звук *того самого* душа вернет меня в тот день, когда вода текла красным потоком и не останавливалась.

Когда уже чувствую, что худшее позади, я слышу, как выключается душ и открывается дверь. Появляется Ной, бросает взгляд на меня и грудку нетронутой одежды и осторожно начинает меня одевать.

– Ты справишься с тем, что будет сегодня. Я рядом с тобой.

И снова чувствую, как любовь к нему захлестывает меня, смешивается со страхом и превращается в гнев. Мне требуются все мои силы, чтобы не закричать на него: пусть он оставит меня в покое! Пусть покинет это место и ждет меня дома. Я не хочу, чтобы он был здесь, где прошлое грозит заразить его. Он должен стать моим «после». Если наш брак и жизнь, которую я с таким трудом строила для себя, рухнут, тогда зачем все это было нужно?

Была ли я когда-нибудь по-настоящему свободна?

Не может быть, чтобы все это было напрасно.

* * *

Пытаясь удержаться в «сейчас» и не позволить боли оторвать меня от реальности, я яростно чешу промежуток между большим и указательным пальцем. И наблюдаю за тем, как гроб приближается к алтарю. Его несут Джимми и еще трое друзей. Я узнаю их по сделанной на яхте фотографии, которую нашла в доме брата.

Мама не отпускает мою руку с тех пор, как мы погрузились в машину, чтобы ехать в церковь. Потерять брата мучительно больно, поэтому я даже не могу представить, каково это – потерять сына. Наша семья из четырех человек сократилась до двух. Я позволяю ей прижиматься ко мне, хотя обычно избегаю ее прикосновений, насколько это возможно.

«Это эмоциональный барьер, который выдает себя за физический», – поясняла Айя. Это не относилось к моему взаимодействию с мамой, я не говорила об этом с Айей – я не знаю,

как рассказать эту часть истории и умолчать обо всем остальном, так что лучше держать все под замком. Мы говорили об общей тенденции, которую нужно прорабатывать.

Ситуация возникла давным-давно; это было частью меня, сколько я себя помню, – то, как прикосновение чьей-то руки к моей коже вызывает жжение в горле. Я научилась с этим жить и уже неплохо понимаю, когда необходимо преодолеть этот барьер ради другого человека, однако мне приходится прилагать сознательные усилия, чтобы игнорировать физическую потребность отстраниться. Обычно я высчитываю время до того момента, когда, как мне кажется, проходит достаточно времени, чтобы я могла отодвинуться, не обидев человека.

Я неплохо знаю себя, чтобы понимать: сегодня один из тех случаев, когда нужно позволить другому человеку взять от меня то, что ему нужно. В тот день, когда моя мать хоронит своего сына, ей нужно держаться за дочь, хотя бы физически. Я могу позволить ей это.

В том, что касается моих трудностей с физической близостью, Джейк всегда стоял особняком от остальных – его прикосновения были приятны. А потом, спустя много лет, появился Ной, и я наконец-то нашла того, от кого мне никогда не хотелось отстраниться. Тот первый раз, когда он положил руку мне на бедро – и при этом у меня не сжалось горло, – стал для меня потрясением. Я смотрю на него и опускаю руку на его колено. Отчаянно желая прижаться к нему. Боясь, что его тоже отнимут.

Когда гроб ставят на постамент, я пытаюсь поймать взгляд Джимми, но он не смотрит в нашу сторону. Я удивлена. Я думала, что он хотя бы жестом поприветствует маму. Остальные друзья Макса кивают в знак уважения к семье погибшего.

Наблюдая за каждым движением Джимми, я вижу, как он занимает свое место по другую сторону прохода, а затем ожесточенно трет лицо руками. Вспоминаю его слова, сказанные возле полицейского участка: о чувстве вины за то, что его не было рядом с Максом, – и понимаю, что у каждого из нас свой крест. Ничто не бывает так просто, как кажется на первый взгляд. Возьмем, к примеру, нас с мамой: без сомнения, мы с ней любили Макса больше всех, кто присутствует в этом зале, и все же у нас у обеих есть свои тайны – в этом я абсолютно уверена.

И когда я окидываю взором этот зал, всех собравшихся попрощаться с Максом, я думаю о том, что город кишит масонами, и мне интересно, сколько еще тайн сокрыто в этом месте.

Я гадаю: интересно, кто из них убил моего брата?

Глава 25

Поминки по Максy проходят в «Синем орле», и я готова поспорить, что отдать дань уважения собралось больше половины города. Мой отец когда-то был столпом этого общества – в память о нем каждое лето устраивается благотворительный забег в дельте реки. Я задаюсь вопросом: сколько из присутствующих действительно знали Макса, а сколько просто пришли посмотреть на трагедию семьи Стоун?

Я стою у фуршетного стола. Это лучшее место для того, чтобы наблюдать за происходящим; большинство людей в тот или иной момент вечера устремляются к еде. Отсюда я вижу, как Ной мастерски управляется в зале. Он идеальный муж, но мне хотелось бы, чтобы он ушел. Я не хочу, чтобы он общался с этими людьми. Отсутствие контроля над происходящим вселяет в меня ужас.

Еще один плюс этого места в том, что мне хорошо видна дверь паба – и проходит совсем немного времени, прежде чем она открывается и в помещение врывается сержант Сорча Роуз. Не могу сказать, что я удивлена. Это маленький городок, и, учитывая обстоятельства, новый местный детектив должен проявить вежливость. Но я буду удивлена, если у нее нет других мотивов. Она, как и я, понимает, что, несмотря на отсутствие доказательств убийства, смерть Макса подозрительна. И что, когда совершается преступление, его, скорее всего, совершает кто-то из близких жертвы. Кто-то из присутствующих в этом зале.

Сразу же заметив меня, она подходит и говорит:

– Сочувствую вашей утрате.

– Спасибо.

Любезности, к счастью, позади, и мне не терпится услышать, что скажет Сорча. Но вместо этого она просто встает рядом со мной. Плечом к плечу. Наблюдает за обстановкой в комнате. Я не могу не улыбнуться. Мы составляем крайне диссонирующий дуэт.

– Есть новости от токсиколога? – спрашиваю я.

– Отчет еще не готов, но я говорила с ним сегодня утром. Боюсь, что уровень алкоголя в организме Макса был значительно превышен.

Ваш брат, без сомнения, был сильно пьян.

– Итак, каков вердикт? Он упал в реку пьяным и утонул?

– Улики определенно указывают на это. Как только отчет будет написан, я закрою дело.

Мы стоим так еще некоторое время, сохраняя молчание, а потом сержант произносит:

– Джастина, мы обе знаем, что улики всегда отражают только часть истории.

Я делаю долгий медленный вдох, не зная, какой должна быть моя реакция. Я рада, что кто-то еще согласен со мной и я не единственная, кто считает, будто в этой истории есть нечто большее, нежели просто несчастный случай по пьяни, – но также опасаясь сказать слишком много. Я знаю, что если она начнет задавать вопросы, то может никогда не остановиться.

– Поэтому я вновь спрашиваю вас, – продолжает Сорча, – что еще вы знаете? Все, что вы расскажете мне, может помочь сохранить это дело открытым. Но сейчас на меня давят, чтобы я закрыла его, и после этого я больше ничего не смогу сделать для вас и вашей семьи.

Хочу ли я, чтобы она закрыла дело Макса? Не уверена. Я хочу ответов. Мне *нужны* ответы. Макс мертв, и каждый раз, закрывая глаза, я вижу только его тело, лежащее на столе в том ужасном морге, холодное и изломанное. Но какова цена? Чем для этого придется пожертвовать? Макса не вернуть, какие бы истины я ни раскрыла.

– Дело в том, детектив-сержант, что есть только то, что есть. Некие истории. Пускай вы считаете, будто понимаете все, это никогда не будет правдой до конца. Мы обе это знаем.

– Согласна. Но поскольку я здесь совсем недавно, я решила разобраться в некоторых из этих *историй*, по вашему собственному выражению. И подумала, что, возможно, вы поможете мне узнать кое-что о вашей семье.

– О моей семье? – переспрашиваю я в недоумении. Неужели она действительно решила заговорить об этом? Здесь, в день похорон моего брата? Не могу понять, что это – гениальность или грубость. Думаю, и то и другое. Возможно, именно это и делает ее поступок настолько действенным.

Прежде чем кто-либо из нас успевает сказать что-то еще, рядом со мной возникает Джимми. Он наблюдал за нами? Такое ощущение, что

он защищает меня. Пытается от чего-то меня спасти.

– Сержант Роуз. – Он слегка наклоняет голову. – Я не хотел подслушивать, но разве сейчас подходящее время для таких вопросов? Любому понятно, что сейчас, в момент скорби, Джастина слишком уязвима. Возможно, она не в состоянии ясно мыслить. – Я ненавижу его за то, что он выставляет меня слабой, но в то же время соображаю, что это хитрый ход – ведь я до поры до времени хочу сохранить свои секреты. Поэтому я воздерживаюсь от возражений.

– Конечно. Мне не следовало поступать так сейчас. Я очень сочувствую вашей потере, Джастина. Возможно, я загляну к вам через несколько дней, и тогда мы сможем всё обсудить.

Когда она уходит, я благодарю Джимми за то, что он избавил меня от нее.

– Ей действительно не стоило сейчас с тобой разговаривать. Ты не в лучшем состоянии.

Осознание обрушивается на меня словно пощечина. Это был не просто хитрый ход со стороны Джимми. Он действительно считает, что я сейчас уязвима. Я не в форме. Чертов хам, кем он себя возомнил?

Я уже собираюсь дать ему резкий ответ, когда моя мать привстает со стула – господи, сколько же вина она выпила? – и от ее слов у меня по позвоночнику пробегает дрожь.

– Я хочу произнести тост, – говорит она, перекрывая общий шум, так громко, что я едва узнаю ее голос. Весь зал затихает. Мама находит меня глазами в толпе и, не отрывая от меня взгляда, начинает:

Бокалы за любимых поднимаем, За тех, кто здесь, за тех, кого нет с нами, Пока мы живы, будем обещать – Нам хватит мужества любить или прощать.

Я залпом осушаю свой бокал.

– Извини, мне нужно идти, – говорю Джимми и выхожу из паба. Все оставшиеся у меня силы уходят на то, чтобы не помчаться бегом.

Я не намерена прощать, и она тоже не должна этого делать.

Прежде Джастина

Поначалу Джастина нервничала, собираясь на вечеринку. Она годами сидела в своей спальне, мечтая о том, чтобы стать достаточно взрослой, дабы ей разрешили спуститься вниз, но теперь, когда это наконец произошло, чувствовала себя не в своей тарелке, думая о том, как ей завязать светскую беседу со всеми этими людьми, о которых с таким энтузиазмом рассказывал ее отец. Какой вклад она могла внести в его дело?

Когда часы пробили семь вечера, ей захотелось забраться под одеяло и читать книги, слушая шум вечеринки, доносящийся снизу, и воображая, каково это – участвовать в происходящем празднестве. Вместо этого Джастина разглядывала себя в зеркале, стоящем на столе. Она выглядела старше, чем обычно, с волосами, собранными в элегантный узел, с губами, накрашенными красной помадой, которую мама подарила ей накануне вечером.

...После первого стакана глинтвейна Джастина начала понемногу осваиваться в атмосфере вечеринки. Она была уверена, что, если б Джейк тоже был здесь, она получила бы еще больше удовольствия, но сегодня был день рождения его бабушки, и Джастина понимала, что это слишком важный праздник, чтобы его пропустить. Кроме того, будут и другие вечеринки в честь грядущего Рождества, а с ней сейчас Макс, вернувшийся домой на каникулы. Она наблюдала за ним из другого конца комнаты и надеялась, что тоже обретет такую же спокойную уверенность, когда поступит в университет.

– А это, – услышала она слова отца, прежде чем увидела его, – моя дочь Джастина.

Отец пробирался сквозь толпу, а за ним шел мужчина, который, как она знала, был одним из его компаньонов.

– Добрый вечер, Остин Макнил, приятно с вами познакомиться, – произнесла Джастина, и тот факт, что она уже знала, кто он такой, потешил его самолюбие. Типичная реакция. Макнил склонил голову набок, поднял брови, словно впечатлившись, и слегка кивнул.

– Очевидно, ты говоришь обо мне так же часто, как и я о тебе, – обратился он к Джерарду, прищурив глаза, и было в этом нечто, заставившее Джастину внутренне поежиться. В этом дружелюбии чувствовалась неискренность, словно в него подмешали яд.

«Держи друзей близко, а врагов еще ближе», – любил повторять ее отец. Однажды она спросила: «У тебя так много врагов?» – на что он ответил: «Дорогая моя девочка, у меня уж точно не так много друзей». А потом рассмеялся. Тогда Джастина ему не поверила: ее отец всегда был окружен людьми – их влекло к нему, как мотыльков к огню. В нем была харизма – да, именно так это и называлось.

Но сейчас, увидев его в компании Остина, Джастина задумалась, не были ли отцовские слова правдивы, и чем дольше она думала об этом, тем больше приходила к выводу, что в комнате царит некая странная атмосфера. Какая-то энергия, неуместная в гостиной, полной хороших друзей. От этой энергии, похожей на подземный гул, Джастине было не по себе, и, наблюдая за Остином, она поняла, что происходящее напоминает представление, выступление канатоходца, а энергия, которую она ощущала, была порождена мыслью о том, что все они стоят на краю обрыва и в любой момент могут сорваться. Но откуда могла возникнуть такая мысль? Какое падение им грозило?

– Не хочешь ли ты провести для меня экскурсию? – спросил Остин. – Говорят, здесь есть место, где можно сделать рождественский венок. Может быть, ты мне поможешь? Я бы хотел отвезти его своей жене.

Джастина посмотрела на отца, который заявил, что это отличная идея, а потом повернулся прочь в поисках нового собеседника.

– Конечно. Сюда, – произнесла она и повела Остина к выходу из гостиной.

Глава 26

Утром я вынуждена встать с постели, зная, что Отис уже едет на встречу со мной. Основная часть наших совместных дел ведется по телефону, но когда мы встречаемся, я всегда вспоминаю, насколько неприметным и заурядным он кажется внешне. Если кого-то и можно назвать идеальным примером поговорки «Не судите о книге по обложке», так это его. Это, несомненно, часть того, что делает его столь эффективным. Все всегда его недооценивают.

Я жду на улице, в дальнем ее конце, когда Отис подъедет; последнее, что мне сейчас нужно, – дать матери еще один повод для расспросов или, что еще хуже, для укоризненного молчания. Дверь «Лендровера» распахивается, и я проскальзываю внутрь.

– За Молдоном, в полях, есть тихая дорога, по которой обычно ходят только собачники, да и те сворачивают к аббатству Билей. Я припаркуюсь там, – говорит Отис, решительно перехватив инициативу.

Пока мы едем, я внимательно присматриваюсь к нему, выявляя мелкие детали: его рубашка тщательно выглажена, пусть даже и великовата, к тому же сшита из ткани не очень приятного кремового цвета. И хотя я уверена, что на нем те же самые кроссовки, в которых он был в прошлую нашу встречу, обувь выглядит совершенно новой.

Несмотря на первое впечатление, Отис – человек, который заботится о мелочах. Он, несомненно, уделяет им внимание. Интересно, не вписываются ли в тщательно продуманный план его осанка и сомнительный выбор одежды, но я, конечно, не из тех, кто судит по таким вещам.

Прошло десять месяцев с тех пор, как мы в последний раз общались лично. У него была ценная информация, которая помогла нам выиграть очень долгое и сложное дело о покушении на убийство, в расследовании которого я принимала участие. Тогда мы встречались в пабе, но сегодня, когда мы прячемся от посторонних глаз в его машине, все выглядит гораздо более конспиративно. Я знаю, что сейчас не самое подходящее время, но меня охватывает легкая дрожь, словно от предвкушения чего-то интересного.

Мы паркуемся в небольшом закоулке в конце дороги, и Отис отодвигает свое сиденье назад, а затем поворачивается ко мне.

– Ты знаешь, я люблю сложные задачи, но мне приходится соблюдать определенные рамки. Так что если вопросы, касающиеся проблем твоего брата, как-то связаны с делом об убийстве, от которого ты сейчас отстранена, то я должен знать, как именно. Выкладывай.

Я отодвигаю свое кресло, чтобы оно стояло параллельно его сиденью, и начинаю говорить. Рассказываю ему, что Брэд Финчли раньше носил имя Джейк Рейнольдс и что мы с Джейком начали встречаться, когда мне было семнадцать. Это больше, чем я могла бы поведать Чарльзу, но далее я излагаю Отису ту же историю, что и своему боссу, объясняя, что не видела Джейка восемнадцать лет и не ведала, что он сменил имя, поэтому не сразу узнала его и не сразу уловила связь, когда его дело попало ко мне в руки. Уверена, он уже в курсе всего этого, поэтому кратко объясняю суть дела и перехожу к тому, что его действительно интересует – есть ли, на мой взгляд, в этом некая связь с моим братом.

– В отчете говорится, что смерть Макса была несчастным случаем без признаков преступления. Но эти двое были самыми важными людьми в моей жизни, оба родом из маленького городка, где обычно не происходит ничего неординарного. И вот теперь один из них мертв, а другого обвиняют в убийстве двух человек. Я просто не могу отделаться от мысли, что между всем этим должна быть некая связь.

– Ты думаешь, что за смертью твоего брата тоже стоит Джейк?

– Ну нет, в том-то и штука. – Я делаю паузу, готовясь к признанию, а потом решаюсь: – Я вообще не уверена, что Джейк виновен в чем-либо.

Отис отвечает не сразу, но я вижу, что он обдумывает сказанное, давая себе время осознать смысл моих слов. Я впервые произношу эти слова вслух, и сейчас, когда они прозвучали, это сделало их более убедительными.

– Джейк невиновен. Я в этом уверена.

– Есть ли что-то, связывающее этих двоих? Причина, по которой кто-то мог захотеть причинить им вред? – спрашивает Отис через некоторое время.

– Насколько я знаю, нет. Джейк слишком долго не появлялся в нашей жизни.

– А что было до того, как он уехал? Что-нибудь важное случилось тогда?

– Нет, – отвечаю я. Впервые в жизни я лгу ему по-настоящему, и меня осеняет, что Отис был последним, кто оставался не затронутым моей ложью. Последний человек в моей жизни, которому я не лгала.

Я успокаиваю себя мыслью, что это всего лишь невинная ложь; то, что случилось *тогда*, никак не могло повлиять на Макса и Джейка. По крайней мере, не так, как повлияло на меня. Я вижу, что Отис все еще размышляет над этим, поэтому продолжаю, слегка понизив голос, – однако и этого достаточно, чтобы он понял, что я говорю серьезно:

– Отис, мне очень нужна твоя помощь в этом деле.

Мы встречаемся взглядами, и, судя по его быстрому морганию, моя мысль дошла до него. Это не угроза, а скорее напоминание о том, что мы всегда поддерживаем друг друга, когда нам требуется помощь; я была рядом с ним, когда ему нужен был кто-то, готовый рискнуть вслепую, а теперь я прошу его сделать то же самое для меня.

– Хорошо. Если ты считаешь, будто в его смерти есть нечто большее, чем сказано в полицейском отчете, давай поищем доказательства.

Я разминаю пальцы, сведенные напряжением, стараюсь расслабить ступни. Без помощи Отиса и тех ресурсов, которые есть в его распоряжении, я ни за что не смогу найти связь между смертью Макса и арестом Джейка. Хорошо, что он согласился. Но я также прекрасно понимаю: ставки стали еще выше. Я не имею права на небрежность.

– Ты лучше всех, – объявляю я, едва ли не бросаясь ему на шею. – Как продвигается расследование дела Рашнеллов? Против Джейка собрано множество улик, но в обвинении есть один пробел – мотив. Почему он их убил? Что связывает Джейка с мистером и миссис Рашнелл? Дело в том, что чем глубже я изучала дело, тем менее очевидной мне представлялась виновность Джейка. Это наш главный шанс выяснить, сделал он это или нет. Очень немногие люди убивают без мотивации, если только они не клинические психопаты – и это совсем не похоже на того Джейка, которого я знала.

«На того Джейка, которого я любила».

– Я пока не нашел никаких связей между Рашнеллами и Молдоном, но выясню, как они могут быть связаны с Джейком или Максом. И продолжу попытки взломать защитный пароль Макса. Он что-то спрятал под этим паролем, и со временем я узнаю, что именно.

Мою кожу покалывает, и когда я опускаю взгляд, то вижу мурашки, покрывающие мои руки. Я могла бы назвать это страхом, но в глубине души знаю, что это азарт. Я всегда любила рискованные ситуации. «Бей или беги». Ничто не может сравниться с этим. Это помогает сосредоточиться на деле, отвлечься от боли, вызванной смертью Макса.

«Ты не виновата. Ты этого не делала».

Я повторяю это про себя, как учила меня Айя, надеясь, что это неким образом станет правдой.

* * *

Я прошу Отиса выпустить меня из машины на том месте, где мы находимся. В моей крови пульсирует напряжение, требующее выхода, а лучший способ саморегуляции, который я нашла для себя за много лет, – это бег. Уже полдень, и, когда я выхожу на улицу, жара обрушивается на меня плотной стеной. Нормального дождя не было уже несколько месяцев, и в Лондоне каждый день проходят протесты против изменения климата. Лично я наслаждаюсь тем, как мне некомфортно. Это очищает – по одной бисеринке пота за раз.

Когда я поворачиваю на набережную, там уже полно народу. Местные жители стекаются сюда, чтобы насладиться прибрежным бризом. Мне тяжело видеть оживление, царящее здесь. Оно кажется мне неправильным, как будто весь город сейчас должен быть погружен в траур. Вместо этого мимо проносятся дети на скутерах, собаки лают на уток, а толпы людей стоят в очередях за мороженым.

Здесь есть на что посмотреть, и все же мое внимание привлекает именно он – Джимми, сидящий на ограде возле маминого дома. Интересно, как долго он меня ждет? Что ему нужно? Пока он не заметил, я поворачиваюсь и направляюсь в другую сторону. Я не собиралась бежать дальше поворота к дому, но сегодня мне не до

Джимми. После встречи с Отисом нужно подольше побыть наедине со своими мыслями, прежде чем снова надеть маску.

Я ускоряю бег. Но, по мере того как набираю скорость, ощущаю, как ухудшается мое самочувствие – вместо того, чтобы, как обычно, улучшаться. Сегодня я не могу чувствовать себя свободной, не могу обогнать боль. Чем дальше от набережной я убегаю, тем сильнее становится ощущение, будто я не одна. Оглядываюсь через плечо, но ничего – и никого – не замечаю. Продолжаю бежать. Быстрее. Лево-правой, лево-правой. Каждый удар подошвы по тротуару отдается в коленях. Доказательств нет, но ощущение не проходит, а я научилась доверять своим инстинктам. Лжет ли свидетель или он заслуживает доверия? Я рассуждаю про себя, что, возможно, на этот раз это дело просто в моем чувстве вины, боязни того, что меня поймают. Но сколько бы я ни бежала, сколько бы раз ни сворачивала, не могу избавиться от ощущения, будто за мной кто-то наблюдает.

Наконец я возвращаюсь в дом, и к этому моменту мои руки ослабевают настолько, что я с трудом открываю тяжелую входную дверь. На кухне обнаруживаю маму. Она сидит за столом, перед ней стоит стаканчик, все еще полный, а рядом – бутылка бурбона.

– Любимая выпивка Макса, – тихо говорит она, и уголки ее губ горестно подергиваются. – Хочешь?

Мне жарко, я вся вспотела и явно обезвожена. Последнее, что нужно сейчас моему организму, – это алкоголь.

– Конечно, – отвечаю я, и мама смотрит с таким облегчением, что мне становится интересно: может быть, она просто не могла заставить себя пить в одиночку? Как долго она сидела здесь и смотрела на эту бутылку?

Мама протягивает мне стакан, и мы переглядываемся, делая первый глоток. Бурбон обжигает; он слегка ослабляет напряжение, стекая по моему пищеводу.

– Я полагаю, ты собиралась уехать сегодня? – спрашивает мама, и по моему телу снова пробегает судорога боли.

– Нет! Мы только что потеряли Макса. Я еще не готова уехать. – Умалчиваю о том, что мне еще предстоит найти ответы, прежде чем я это сделаю. – Если ты не хочешь, чтобы я жила здесь, я перееду в отель.

Я чувствую, насколько резок мой тон, и пытаюсь запить его остатками бурбона. Когда снова смотрю на маму, то сразу же жалею о сказанном. Лицо у нее бледное, почти серое.

– Что за ужасные слова... Ты моя дочь. Конечно, я хочу, чтобы ты на какое-то время осталась здесь.

Я сдерживаю желание напомнить о том, что мама отправила меня жить к тете Кэрол всего через неделю после смерти отца. Тогда она не хотела, чтобы я оставалась здесь.

– Прости, я просто устала. Пойду проверю, как там Ной; он прислал сообщение, что плохо себя чувствует.

Когда я поворачиваюсь, мама ловит меня за локоть и говорит:

– Я просто хотела сказать – пожалуйста, не считай, будто ты обязана оставаться здесь ради меня. Ты можешь уехать, если тебе нужно.

Это застаёт меня врасплох, и я впервые задумываюсь, как много на самом деле известно моей тихой, незаметной маме.

Поднимаюсь на цыпочках по лестнице, зная, что Ной уже лег спать, несмотря на то что до вечера еще далеко. Меня удивляет, что он не шевелится, когда я со скрипом открываю дверь, – обычно, как я шучу, Ной спит вполглаза. Его дыхание кажется мне слишком затрудненным, и я решаю разбудить его, дабы убедиться, что с ним всё в порядке. Он переворачивается на другой бок и стонет.

– Так плохо?

– Плохо... – Он морщится.

– Я знаю, ты хочешь быть рядом со мной, но, честное слово, я в порядке. Думаю, тебе следует отправиться домой – нет ничего хуже, чем болеть в чужом доме. Я могу вызвать тебе такси.

– Ты не возражаешь, если я уеду?

Я качаю головой.

– А ты не против, если я останусь здесь еще ненадолго? Я знаю, тебе нужно в скором времени вернуться на работу...

Поверить не могу, что прошу разрешения остаться в этом доме – воспоминания наваливаются на меня отовсюду, куда бы я ни посмотрела, – но смерть Макса все изменила.

– Конечно. Тебе сейчас нужно побыть со своей мамой. Оставайся здесь столько, сколько тебе нужно. Со мной все будет в порядке.

Ной протягивает руку и сжимает мою ладонь. Меня пронзает чувство вины. Не только за то, что я покидаю его, но и за то, что солгала. Опять. Напоминаю себе, что да, я жена Ноя, но это не все, что я собой представляю. Я также криминальный адвокат, сестра Макса и... ну, я не уверена, кто я в отношении Джейка, но надеюсь, что скоро найду ответ.

– Если тебе станет хуже, позвони мне, я приеду, здесь не так далеко.

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. Я скоро буду дома, – заверяю я его, а может, и себя, прежде чем достать из-под кровати его чемодан, – и надеюсь, что это не выглядит так, будто мне не терпится, чтобы он уехал.

* * *

Я еле-еле успеваю спуститься вниз, прежде чем звонит мой телефон. Едва не сбрасываю звонок, даже не взглянув на экран. Я устала. Мне просто необходима передышка. Но годы работы в условиях конкуренции укоренили внутри потребность всегда быть наготове – по крайней мере, так говорит Айя. И даже сейчас, хотя мне до смерти хочется спрятаться от всех и всего и провести остаток дня за просмотром «нетфликсовского» сериала, я не могу удержаться от того, чтобы достать из кармана телефон и проверить, кто звонит.

Отис.

Что ж, быстро он...

– У тебя есть что-нибудь для меня? – спрашиваю я, вбегая в кабинет и хватая ручку. Срываю с нее зубами колпачок, свободной рукой раскрываю блокнот. Я в полной готовности.

Отис сообщает, что Рашнеллы недавно вернулись в Великобританию после одиннадцати лет, проведенных в Алгарви^[7]. Похоже, Марк Рашнелл стал там своего рода бизнесменом, создав несколько фирм, которые занимались покупкой и продажей недвижимости. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что за последние пять лет не один, а целых три объекта недвижимости, купленных им под вывесками разных компаний, стали жертвами

ужасных и непредвиденных пожаров — и все это, что самое главное, с дорогостоящими страховыми выплатами.

— Тебе удалось выяснить, проводилось ли в отношении него какое-либо расследование? Полиция когда-нибудь фиксировала эти пожары как подозрительные?

— Пока нет, но ты не хуже меня знаешь: когда находишь что-то подобное, это всегда лишь внешний слой того, чем занимаются эти люди. Может быть, ему показалось, что полиция начинает что-то подозревать, и они уехали, пока могли, и перебрались сюда. А может, он насолил неким людям и вернулся сюда вместе с женой, пытаясь скрыться от них... Рашнеллы не были особенно богаты, насколько я могу судить. А значит, деньги на покупку этих объектов им наверняка кто-то одолжил. Но самое странное, что мне пока не удалось выяснить, откуда взялись эти деньги.

— Возможно, эти же люди — то есть те, у кого они взяли деньги, — в конце концов и нашли их.

— Доказательств пока нет, но это зацепка, и можно толковать факты по-разному.

— Ты начинаешь говорить как юрист.

— Расцениваю это как комплимент.

— Это и есть комплимент. А что насчет связей между моей семьей и Рашнеллами? Я до сих пор не могу избавиться от ощущения чего-то знакомого, когда слышу их имена.

— Насколько я могу судить, никаких зацепок нет.

— Хорошо, тогда будем искать дальше...

Мы завершаем звонок, однако мне трудно сдержать волнение, и я чувствую, как во мне снова начинает пробуждаться энергия. Может быть, это *оно*? Может, это и есть та самая история, в которой нет ничего особо оригинального? Мелкий преступник, который сильно разозлил не самых подходящих людей и неудачно спрятался в пригороде Суррея. Может быть, Джейк за время своего отсутствия вляпался в какие-то собственные неприятности? Обычно я не ошибаюсь, но в этот раз допускаю мысль, что, быть может, сбилась с верного следа. Возможно, на самом деле ничто не связывает арест Джейка со смертью Макса. С нашей семьей. Со мной и моим прошлым.

Похоже, это шаг в правильном направлении. Я всегда спешу связать все плохое, все трагическое в своей жизни с той рождественской вечеринкой, но сейчас позволяю себе надеяться, что смерть Макса не имеет к ней никакого отношения. А если это никак не связано, то мне не нужно чувствовать себя виноватой в том, что я скрыла от детектива-сержанта Роуз сведения, касающиеся меня и только меня. Может быть, на этот раз вины на мне нет.

Глава 27

Всего через два дня после того, как мы похоронили Макса, и сразу после того, как такси Ноя скрылось за поворотом, к дому подъезжает сержант Роуз на своей «Шкоде». Она одета в сшитый на заказ черный костюм, и я удивляюсь, как она выдерживает такую жару. Неужели для нее настолько важно выглядеть подобающе? Не могу не задаться вопросом, не наблюдала ли она за домом все утро, выжидая удобного момента, чтобы встретиться со мной лицом к лицу.

Волк всегда знает, как выследить добычу.

Я подавляю панику и натягиваю на лицо безмятежную улыбку, представляя собой воплощенную непогрешимость.

– Заходите, – приглашаю я, проходя на кухню. – Могу я предложить вам кофе или чай?

– Не стоит, спасибо. – Границы очерчены, сообщение успешно принято. Это не светский визит. Мы больше не на одной стороне.

Занимаем места за столом. Я намеренно сажусь на тот стул, на котором сержант сидела в прошлый раз, когда мы собирались на этой кухне. Мы, люди, существа привычки, а значит, стремимся к порядку во всем, что делаем. Сегодня мне хочется немного нарушить этот порядок. Прежде чем она успевает что-то сказать, я сразу же перехожу к делу, застав ее врасплох своей готовностью.

– Полагаю, вы пришли спросить меня о той ночи, когда умер мой отец?

Эти психологические приемы не особо мощны, но лучшие специалисты своего дела научили меня: последовательное использование тонких действий, на которые невозможно ответить, часто является самым эффективным способом подорвать уверенность человека в себе.

– Верно. Как уже упоминала, я изучаю все крупные исторические события в городе, дабы составить представление об этом месте и людях, которые здесь живут. – Милая фраза, но я ни капли не верю, что она специально не подняла старые дела нашей семьи.

– Вы хотите от меня чего-то конкретного?

– Дело в том, что, как мне сказали, мой предшественник хорошо знал вашего отца – как, очевидно, и все офицеры, находившиеся на службе в ночь его смерти. Они тоже были знакомы – даже дружили – с вашей семьей. Я права?

– Думаю, да, – папу в городе очень любили.

– Я не знала Джерарда Стоуна и не знаю вашу семью. Можете ли вы рассказать мне о нем?

– Не понимаю, почему вам это так важно?

– Данные о личности, проверка биографии – это огромная часть работы по составлению истории жертвы. В данном случае у меня этого нет. Мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне заполнить этот пробел.

«Жертва». Я прокручиваю это слово в голове. Бывает ли кто-то просто жертвой?

– Папа был важным человеком. Он всячески помогал городу: давал деньги на общественные нужды, нанимал в свою фирму многих местных жителей. Он всегда делал все возможное для других людей. Думаю, тот факт, что в его честь проводится «грязевой забег», свидетельствует об этом, сержант Роуз.

Она улыбается, но похоже, мое описание ее не воодушевляет.

– Дело в том, что, по моему опыту, люди никогда не бывают абсолютно хорошими. Но о вашем отце – да и обо всей вашей семье – мне неизменно говорят лишь одно: какие вы все хорошие. Забавное слово, правда? «Хорошие». Это значит, что вы полностью соответствуете ожиданиям человека, который вас описывает, но кто знает, каковы были эти ожидания? Хороший друг, хороший начальник, хороший адвокат, хороший муж, хороший отец...

Я не могу избавиться от напряжения в плечах.

– Уверяю вас, он был именно таким – абсолютно хорошим.

Наступает короткая пауза, и ни одна из нас не отводит взгляд.

– Тогда, – произносит Сорча, – вам очень повезло, что у вас был такой отец.

– Спасибо. Это всё?

– Есть еще кое-что. Это не совсем вопрос – просто нечто, не дающее мне покоя.

Ну вот, началось... Я уже предвижу, о чем пойдет речь, и напрягаюсь.

– В отчете говорится, что машина вашего отца загорелась, причинив значительные повреждения телу. Повезло, что вообще удалось провести токсикологическое исследование. Если бы пожарная служба прибыла чуть позже, такой возможности могло бы и не представиться. Однако меня интересует, как и почему машина вообще загорелась. Видите ли, вопреки распространенному мнению, автомобили загораются довольно редко. Для этого необходимо, чтобы бензобак был сильно поврежден. Поэтому ситуация с пожаром в машине вашего отца действительно очень необычна. Да, повреждения бензобака в наличии, но, по сравнению с другими пожарами в машинах, последствия удара были не настолько сильны.

– Значит, вы пришли сюда, чтобы сказать, что моему отцу не повезло?

– Возможно. А может быть, есть и другое объяснение...

– Например?

– У вашего отца были враги?

Уже во второй раз сержант Роуз спрашивает, были ли у моей семьи враги. Первый раз это касалось Макса, а теперь – моего отца. Я вспоминаю похороны и то, как она пыталась связать смерть Макса с процессом по делу Джейка об убийстве. Очевидно, Сорча, как и я, не верит в совпадения. Любит искать закономерности. Пусть между этими событиями прошли годы, но я согласна с ней: здесь есть некая закономерность. Просто мы еще не нашли ее.

– Боюсь, мне будет очень трудно в это поверить.

– Хорошо, спасибо, что уделили мне время. – Она резко встает. – Я свяжусь с вами, если появится что-то еще.

– Что-нибудь еще? При всем уважении, сержант Роуз, дело моего отца закрыто, не так ли?

– Да, закрыто, – подтверждает она, – пока что. Но, Джастина, хочу предупредить... – И я понимаю, что она действительно хочет, чтобы я расслышала в ее дальнейших словах угрозу. – Хотя я и связана правилами и нормами, эти ограничения не распространяются на репортеров.

Она пытается внушить мне, что, пусть даже дело официально закрыто, у нее все еще есть другие ресурсы. Она все еще нарезает круги над моей головой.

Я плотно закрываю за сержантом Роуз входную дверь и обнаруживаю, что запираю ее и на ключ, и на цепочку. Детектив-сержант великолепна. Круче, чем я ожидала. Внезапно у меня возникает желание убедиться, что Ной все еще едет прочь от этого места, и я достаю свой телефон. Отслеживаю его путь в приложении «Найти друзей» и чувствую удовлетворение оттого, что метка на карте удаляется от Молдона.

Может, я и осталась здесь, но не потому, что не желала уехать вместе с ним. Совсем наоборот. Мне нужны ответы, чтобы я могла снова стать той Джастиной, на которой он женился. Я знаю, что чем меньше времени он проведет в Молдоне, тем больше вероятность того, что я смогу вернуться к нему, когда все это закончится. Я хочу этого больше всего на свете. Иначе для чего все это было нужно?

Макс. Джейк. Папа.

Это должно было быть ради чего-то.

Я повторяю это снова и снова. Достаю блокнот. Записываю. Обвожу кружком.

А может, и нет.

Но что, если я права? Что, если детектив-сержант Роуз правильно делает, когда сует свой нос в давнее дело отца? Что, если все случившееся с Максом и Джейком каким-то образом связано с папиной смертью?

Я пробираюсь в мамину спальню – холодные половицы липнут к подошвам ног – и открываю ту часть огромного гардероба, которая принадлежала отцу. Возможно, я знаю свою мать лучше, чем мне казалось. Отцовские вещи висят в гардеробе, их никто не трогал много лет.

Я закрываю глаза и вдыхаю их запах.

На дальней вешалке висит его темно-синий халат; я снимаю его с плечиков и медленно просовываю руки в рукава. Завязываю пояс спереди двойным узлом, как обычно делал отец. На нижней полке шкафа стоит его обувь, аккуратно выстроенная в ряд – он всегда ценил порядок, – и я нахожу его домашние тапочки и засовываю в них ноги. Чувствую, как сильно они стоптаны по папиной ступне – выступы и вмятины в самых неподходящих местах. Шаркающей походкой я

прохожу в кабинет и медленно выдвигаю правый верхний ящик. Если его одежда находится там, где он оставил ее восемнадцать лет назад, то я рассчитываю на то, что и сигары будут лежать там же, где и раньше.

Я роюсь в ящике, и мои руки нащупывают что-то холодное. Оно странной формы, и я вытаскиваю это на свет. Серебряная брошь. Ободок напоминает компас, а в центре – огромная буква G. Не могу представить, чтобы мой отец носил нечто подобное. Что это? Откуда она у него? Я кладу ее на стол перед собой и с усилием выдвигаю ящик до конца, намереваясь найти сигары, которые, как я знаю, должны храниться здесь.

На этот раз я их нахожу. Они погребены под грудой бумаг и хранятся в полированной деревянной коробке с золотистым замочком. Его священная собственность. Я кладу коробку в карман халата, наливаю себе бурбон и направляюсь в обзорную комнату на втором этаже, с видом на устье реки. Отсюда видна гавань, заполненная судами: промышленными рыболовецкими катерами и небольшими гребными лодками.

Я сажусь в его любимое кресло. Зажигаю сигару. Вдыхаю дым. Выпускаю дым. До того как вернуться сюда, я много лет не вспоминала о кораблях викингов и о воинах, высаживающихся на берег. Но сейчас, сидя здесь, я снова воображаю себе их.

Теперь мне очевидно: все сводится к отцу. И всегда сводилось.

Прежде Джастина

В салоне обнаружилась лишь одна парочка, которая, как подозревала Джастина, пришла сюда не для того, чтобы плести венки, – поскольку сразу после появления Джастины и Остина эти двое удалились прочь без венков в руках.

– Замечательно, – отметил Остин, но Джастина не совсем понимала, что именно его так впечатлило. Мама проделала огромную работу, но, в конце концов, это были просто листья, еловые ветки и украшения в мисках на столе.

– Хорошо, когда можно немного побыть в тишине и покое, не так ли? – сказал он, выдвигая стул и предлагая ей сесть. Джастина не хотела показаться невежливой; она знала, что Остин приносит фирме много денег и только что заполучил для них очередного крупного клиента. По словам ее отца, этот клиент поднимет фирму на новую высоту. Поэтому Джастина села, натянула платье на колени и придвинула стул поближе к столу. Она подумала о Максе, который так непринужденно общался с людьми в другой комнате – он называл это «налаживанием связей», – и отчаянно попыталась придумать, что сказать.

– Вам нравится вечеринка? – спросила Джастина, протянув руку к центру стола за лентой; чтобы дотянуться, слегка привстала со стула.

Она решила, что ей, должно быть, показалось, – однако его ладонь действительно прижалась к ее ягодице, едва та оторвалась от сиденья. Джастина ничего не сказала, не смогла придумать, что сказать, – в школе ее этому не учили – и быстро села. Слава богу, Остин убрал руку, и она попыталась подавить страх. Ее проклятое воображение неизменно приводило к неприятностям. Но затем без предупреждения, *без приглашения* он положил руку ей на колено.

Наступило молчание.

В глубине души Джастина понимала, что должна что-то сказать. Она пыталась отлепить язык от нёба, заставить себя сказать «нет», но не могла издать ни звука. Ни единого. «Бей или беги». Она всегда

считала эти слова верными. Но ни то ни другое здесь не годилось. Все, что она могла сделать, – замереть.

Почему рядом никого не оказалось?

Почему ее мама решила, будто это хорошая идея?

Никто не собирался делать эти дурацкие венки.

Спустя, казалось, целую вечность Остин убрал ладонь, и она решила, что все закончилось. Должно быть, он почувствовал, как напряглось ее тело под его рукой, и понял, что она не хочет того, чего хочет он. Что все это было одним сплошным недоразумением. Но тут он коснулся ее плеча, и если рука Джейка ощущалась так, будто ей там самое место, то ладонь Остина обожгла кожу. От него пахло виски и сигарами.

Джастина надеялась, что ее сейчас стошнит. Но она так и сидела неподвижно и ненавидела себя за это. Где же ее отвага? На проверку оказалось, что у нее нет ни капли смелости. Ее худшие опасения оправдались. Она была слабой, больше похожей на свою мать, чем на отца.

Джастина начала уплывать в забытие, осознавая лишь, что кожа немеет от его прикосновений, и только после того, как перестала чувствовать его зловонное дыхание, заметила, что он убрал руку. Ему помешала пара, с энтузиазмом распахнувшая дверь. В тот момент Джастина была им безмерно признательна.

Они были примерно возраста ее родителей, но гораздо менее эффектные. У женщины оказались длинные волосы мышастро-русого цвета – наверное, они были волнистыми, но она так и не научилась их укладывать, – а мужчина был тощим, жилистым, в очках и с усами. Они напоминали выходцев из комедий семидесятых. Тем не менее сегодня они выступили в роли спасителей: Джастина воспользовалась шансом и выскочила за дверь, лихорадочно разыскивая Макса. Она заметила его в другом конце гостиной и, орудуя плечами и локтями, протиснулась вперед – ей было плевать, что из-за нее какая-то старушка пролила свое вино.

– Макс, – позвала Джастина, но он проигнорировал ее, явно смущенный такой настойчивостью. – Макс, – повторила она, на этот раз громче. Она практически кричала, но ей уже не под силу было сдерживаться.

Шум привлек внимание, и в гостиной стало заметно тише, все взгляды устремились на них. В дверях возник Остин, и ей пришло в голову, что, возможно, он специально загораживает дверь.

– Что случилось? – спросил Макс, едва повернувшись, чтобы взглянуть на нее. Хорошо. Она знала, что может на него рассчитывать. Что он, лишь посмотрев на нее, поверит – она говорит правду. Конечно, нелепо, что эта мысль пришла ей в голову едва ли не в первую очередь. Не «не могу поверить, что со мной такое случилось», а «поверят ли люди, что со мной такое случилось». От замены всего нескольких слов смысл фразы становился совершенно иным.

– Остин... – Она не успела закончить фразу, когда по комнате разнесся голос отца. Он появился в дверном проеме рядом с Остином, и Джастина задалась вопросом: что этот ядовитый гад уже успел ему рассказать?

– Я бы хотел поговорить с тобой наверху, будь так любезна. Сейчас же, – приказал отец. И было в его тоне что-то напоминающее яд Остина Макнила: слова были вполне доброжелательными, они сопровождались улыбкой, но при этом в них сквозила угроза.

«Я только что сорвалась с обрыва», – поняла Джастина, поднимаясь вслед за отцом по лестнице.

Глава 28

Корабельный гудок возвращает меня в реальность, и я вдруг остро осознаю, что на улице все еще белый день, а я сижу здесь в халате и тапочках и курю сигару. И не просто в халате – в старом халате моего покойного отца. Это невероятно далеко от продвижения по карьерной лестнице в судебной палате. Как же быстро и как низко я скатилась!

Делаю еще одну затяжку. Держу дым во рту, пока не начинаю кашлять. У меня есть соблазн просидеть здесь до заката, выкурив все сигары в коробке, но перед моим мысленным взором постоянно встает одна и та же картина: лицо Макса скрывается под волнами, утаскивающими его вниз, вниз, вниз... Боролся ли он? Сопrotивлялся ли? Я здесь не для того, чтобы тоже утонуть. Максу нужно, чтобы я выплыла.

Поэтому – вместо того чтобы и дальше наносить вред своим легким – я достаю телефон и пишу Айе сообщение, спрашивая, есть ли у нее сегодня свободное время, чтобы принять меня. Она моментально отвечает, что у нее как раз сейчас есть окно и можно провести сеанс, если я свободна. Надо отдать ей должное, она работает эффективно. Может быть, даже слишком эффективно – мне все же хотелось бы еще некоторое время поваляться в кровати, упиваясь страданиями. Но нет, Айя, как обычно, вытягивает меня из темноты на свет быстрее, чем я оказываюсь готова.

Я заставляю себя сообщить ей, что буду через десять минут, и скидываю с плеч отцовский халат. Возвращаю его имущество на законные места, стараясь положить и развесить все точно так же, как было, – как будто он в любую минуту может прийти и разгневаться, обнаружив, что я рылась в его вещах.

* * *

– Ты в порядке? Случилось что-нибудь еще? – спрашивает Айя, и я вспоминаю, как она задавала мне тот же вопрос всего несколько месяцев назад. Тогда я соврала, ответив, что ничего не случилось, хотя

на самом деле разговоры Ноя о рождении ребенка и слова Макса о том, что мне нужно вернуться домой, уже взбаламутили мое прошлое. Оно уже тогда начало просачиваться в настоящее, заставляя меня снова и снова сомневаться во всем.

– Не то чтобы случилось, но сержант-детектив местной полиции постоянно задает мне вопросы о той ночи, когда умер папа, и теперь я не могу отделаться от мысли, что, возможно, все это как-то связано. Смерть Макса, смерть папы, даже арест Джейка.

– Понятно. И почему ты считаешь, будто нужно копать в этом направлении? Не считая навязчивости детектива, конечно.

– Потому что я сумасшедшая.

– Мы не употребляем это слово, – напоминает Айя, поджав губы.

– Извини. Если честно, я не знаю. Я чувствую себя бесполезной, но в то же время мне кажется, что сержант может быть права. Я что-то упускаю. – Придерживаю язык, напоминая себе, что нужно действовать осторожно. Трудно соблюдать подобный баланс: быть открытой и честной и в то же время оберегать тайны.

– Что ж, наш мозг очень хорошо умеет подавлять воспоминания. Возможно, эта ситуация что-то затрагивает в твоей памяти. Что-то, что тебе тяжело вспоминать. Прояви доброту и терпение к себе. Если в прошлом действительно что-то есть, то после должных усилий оно вспомнится.

Я улыбаюсь. Это очень великодушно с ее стороны – относиться ко мне с таким пониманием. Вот бы в мире было побольше людей, подобных Айе!

– Ты хочешь это сделать? – спрашивает она, и я предполагаю, что это означает, хочу ли я приложить «должные усилия»? Хочу ли я проверить, действительно ли в глубине моей души таится нечто, достойное внимания? Я могла бы сказать ей, что это, несомненно, правда, но рассказ о моих тайнах не приблизит меня к раскрытию секретов Макса. А я здесь именно ради них. Поэтому отвечаю:

– Конечно, – и прикладываю сознательное усилие к тому, чтобы выпрямить руки, сложенные на груди. Я должна показать, что готова.

– Отлично. Ты сказала о Максе, Джейке и своем отце, но не упомянула маму. Ты говорила с ней о чем-нибудь из этого? Спросила, какого мнения она о вопросах сержанта-детектива?

– Нет, – отрывисто произношу я. Ладно, возможно, я не готова.

– Почему? Как ты думаешь, за что ты на нее так зла?

– За все. За все, что было в моем детстве. За то, что мама была такой слабой. Она постоянно отгораживалась от нас. Постоянно осуждала нас. – Не знаю почему, но на этот раз я ловлю себя на том, что не могу остановиться, мой голос становится все громче и громче с каждой новой фразой, с каждой названной причиной. Я открыла шлюзы, и теперь поток льется наружу. – Я виню ее.

– В чем?

Я знаю, что для Айи это прозвучит полной бессмыслицей. Я опустила слишком много подробностей. Но я не могу больше держать это в себе. Я виню свою мать в смерти отца, и не только в этом.

– В том, что не защитила меня. – Я забегаю вперед и знаю это, но мой мозг работает слишком быстро.

– От Остина? – спрашивает Айя, и я мотаю головой. – Тогда от кого?

– От моего отца. – Осознав только что сказанное, я поднимаю глаза и вижу на лице Айи выражение, которое никогда ранее не фиксировала. Она в замешательстве.

Я совершила свою первую крупную ошибку.

Некоторое время мы молча смотрим друг на друга, пока обе пытаемся осознать случившееся сейчас. А потом Айя вновь берет инициативу в свои руки. Неизменно профессионально.

– Почему тебя нужно было защищать от твоего отца, Джастина? – мягко спрашивает она.

Я щиплю себя за бедра.

– Почему бы тебе снова не поведать мне о последнем своем разговоре с отцом? – предлагает Айя, в очередной раз доказывая, что ее услуги психотерапевта стоят каждого пенни, заплаченного за них.

– Мне пора, – говорю я и прерываю связь, пока она – или я – не сказала еще что-нибудь.

Очень часто пациенты психотерапевта скрывают правду о себе в начале интенсивной терапии. Это часть процесса: надо разрушить стены, чтобы обнажить то, что они якобы защищают.

Айя однажды сказала мне: выявить, где скрывается ложь, так же важно, как и узнать правду. Нужно выяснить, о чем лжет пациент, и понять, почему он лжет, – чтобы определить, какие части его личности

нуждаются в исцелении. Какие части прошлого слишком болезненны, чтобы он мог хотя бы признать в этом.

Но проблема в том, что этот процесс у нас с Айей идет уже шесть лет. У меня больше не должно было остаться секретов.

И уж точно не должно было остаться таких секретов, которые я не стала бы раскрывать.

Прежде Джастина

– Это моя вина, – произнес отец Джастины, когда они оказались в ее спальне и за ними плотно закрылась дверь. Его тон был ровным, и то, что он взял ответственность на себя, немного смягчило боль. Джастина позволила себе опуститься на кровать.

– Я думал, ты достаточно взрослая, чтобы присоединиться к нам сегодня вечером, но, очевидно, я ошибался, – продолжил он, и Джастине потребовалось несколько секунд, чтобы осознать смысл его слов. Если б он только позволил ей все объяснить, ведь наверняка он просто неправильно понял...

– Но, папа, он...

– Никаких «но», Джастина. Остин – мой друг. Он хороший человек. Как бы ты ни расценивала случившееся, я уверен, что ты неправильно все поняла. Это моя вина. Ты все еще слишком молода.

«Скорее друг фирмы».

– Я отлично понимаю, что произошло, папа. – Если б только она могла сделать так, чтобы он выслушал ее, позволил ей сказать ему правду, тогда – она была в этом уверена – он пошел бы туда и воздал Остину Макнилу по заслугам. В конце концов, он был ее отцом. А она – его дочерью.

– Джастина. – Голос Джерарда изменился, в нем больше не сквозил скрытый яд – теперь этот яд сделался явным. Выражение его лица, обычно обаятельное и открытое, стало похожим на оскал. И в этот момент, когда Джастина сидела и смотрела на нависшего над ней отца, она полностью утратила дар речи. Она знала этот тон. Она слышала его сквозь стены, но никогда прежде он не был направлен на нее.

– Если тебе нельзя доверять, то мне придется взять дело в свои руки, – прошипел отец, окидывая взглядом комнату и открывая гардероб. Тот самый, который он заказал для нее на шестнадцатилетие. Когда отец повернулся к ней снова, его взгляд был иным – в нем как будто читалось наслаждение. Джастине предстояло запомнить этот миг

на долгие годы. — Запомни, Джастина: я не хотел так поступать, но ты заставила меня стать *именно таким* отцом.

Она не понимала, что он имеет в виду. Что она заставила его сделать? Зачем он открыл гардероб? Он хочет, чтобы она переоделась в другое платье? Ну и ладно, все равно эта чертова вечеринка для нее уже завершилась...

— Входи, — потребовал отец.

— Войти?

— Ты не расслышала, что я сказал? Входи в шкаф. — Его голос звучал резко и отрывисто.

Джастина желала, чтобы песнопения викингов наполнили ее душу отвагой, но, как ни старалась, не могла их услышать. Не могла отыскать слов. Вместо этого она встала и подошла к гардеробу. Молча наблюдала за тем, как отец закрывает дверь, и слушала, как он со скрежетом придвигает снаружи кресло, блокируя ручку. Молча внимала, как его шаги направляются к выходу из комнаты.

Лишь убедившись, что он спустился вниз, она сползла по стене и обхватила руками колени.

Крепко обняла их, уткнувшись лицом в платье.

И наконец позволила себе заплакать.

Глава 29

Вся река пришла в движение. Масса тел, ползущих, извивающихся, цепляющихся друг за друга. Свистят свистки, толпы людей радостно кричат, машины сигналият. Все жители нашего города и даже соседних поселков приехали посмотреть на ежегодный «грязевой забег», который теперь проводится в честь моего отца и моего брата.

Несмотря на то что это мероприятие посвящено их памяти, не чувствуется никакой скорби. Да, по всей набережной развешаны плакаты с их фотографиями, но сегодняшнее событие – скорее праздник города и сбор денег на благотворительность. Это вызывает у меня не только физическую дурноту, но и ощущение, будто со мной что-то не так. Будто мои собственные воспоминания и переживания не могут быть реальностью – словно мой разум обманывает меня, а весь остальной город прав, чувствуя этого человека. Моего отца. А я не права.

Мне поручили работать на регистрационной стойке, записывать всех желающих в следующую волну и раздавать им номера участников, которые нужно аккуратно приколоть к выбранному ими костюму. Некоторые пришли в рванье, другие – в спортивной одежде (на мой взгляд, это слишком серьезное отношение), но большинство воспользовались возможностью нарядиться в маскарадные костюмы – за лучший костюм полагается полуторалитровая бутылка шампанского.

На мой взгляд, немного иронично раздавать алкоголь в память уже не об одном, а о двух людях, чья смерть была связана с повышенным содержанием алкоголя в крови. Тем не менее алкоголь, похоже, всегда востребован. Пока что сегодня самым ярким выступлением оказалась инициатива группы подростков, которые связали себя вместе, чтобы походить на ямайскую команду бобслеистов из фильма «Крутые виражи». Я сделала с ними селфи и отправила его Ною как доказательство того, что я неплохо держусь; ведь сегодня – очищающее (хотя физически скорее пачкающее) празднование в честь Макса и папы.

Вся цель забега – как можно быстрее добраться до другого берега речного русла по густой грязи. Пятьсот метров вряд ли можно назвать длинной дистанцией, но к концу забега по этой грязи, которая больше похожа на зыбучие пески, можно подумать, что участники гонки пробежали марафон. Макс был бы в восторге – ведь, если я правильно помню, это он придумал устроить такое мероприятие. Это шанс ощутить свободу; эта гонка дает взрослым возможность вести себя как дети, скользящие по грязи на животе.

Все сегодня такое яркое и радостное... Смех разносится по набережной со всех сторон. Я смотрю на рекламную растяжку, висящую между двумя деревьями напротив моего поста, на увеличенное до огромного размера лицо моего отца, и мне хочется прямо сейчас сесть в машину и поехать домой к Ною. Моя кожа кажется стянутой, как будто я сама только что выбралась из русла илистой реки и сейчас грязь сохнет на солнце и идет трещинами. Я понимаю, что мое волнение вызвано неуверенностью. Я не знаю, что будет дальше и как много уже известно сержанту Роуз.

Это чувство лишь усиливается, когда я вижу этого человека. Он журналист, это очевидно: в руках у него блокнот и карандаш, он энергично вертит головой туда-сюда. Он стоит рядом с пожилой парой – я знаю их, это мистер и миссис Грин, они жили через дорогу от родного дома Джейка. Они всё еще на этом свете? Я думала, они уже давно умерли. Но больше всего меня пугает то, что они смотрят прямо на меня. Оказавшись в фокусе внимания, я улыбаюсь и машу рукой. «Будь приветлива. Чем больше ты кому-то нравишься, тем больше он тебе доверяет». Слова отца крутятся у меня в голове.

Я с облегчением вижу, как отставшие участники нынешней волны забега добираются до половины пути, и благодарна, что у меня есть обязанности; надеюсь, это отпугнет журналиста. Я начинаю выкликать людей из очереди, выстроившейся передо мной, чтобы они подготовились к участию в следующей волне. К счастью, это последний забег на сегодня. После этого начнут играть музыкальные группы, и вся набережная до конца вечера превратится в фестивальную площадку; в этот момент мне следует уйти – и поскорее.

Очередь сдвигается по направлению к моей стойке, и я замечаю знакомое лицо. Это барменша из «Синего орла». Я улыбаюсь ей и

вижу, как ее глаза наполняются паникой, когда она узнаёт меня. Пытаюсь выдать регистрационный номер напыщенному и самоуверенному мужчине в костюме Тора, несомненно считающему, будто он выглядит сексуально – это не так, он выглядит как задрот, – и при этом не свожу с нее глаз. Она поворачивается к парню, в компании которого я видела ее и раньше, и по ее судорожным жестам понятно, что она на взводе. Жаль, что все остальные не могут заткнуться – тогда я смогла бы расслышать, что говорит барменша. Но она стоит в очереди слишком далеко от меня.

– Эй, где мой номер? – требует фальшивый Тор с явным нетерпением в голосе. Хамло. Тем не менее я извиняюсь и нагибаюсь, чтобы достать его номер из ящика под стойкой. Когда снова поднимаю глаза, барменши уже нет в очереди. Я отчаянно ищу ее взглядом, но она из тех, кому слишком просто затеряться в толпе.

Я вспоминаю, как она отреагировала, когда я протянула ей листок с номером своего телефона, – и то, как она вцепилась ногтями в собственную шею. Жаль, что у меня нет с собой блокнота. Нужно не забыть снова разыскать ее и выяснить, почему она так упорно избегает меня. Что еще ей известно?

Как раз в тот момент, когда я отпускаю последних бегунов и их провожают к стартовому берегу, из-за поворота появляются оставшиеся на ногах участники предыдущего забега – они возвращаются с другого берега реки, сплошь в синяках, крови и с ног до головы покрытые густой грязью. Джимми, выделяющийся на фоне толпы, шагает чуть ли не первым. Конечно, он оказался одним из самых быстрых бегунов. Его рыжий парик покрыт бурыми полосами и слипся крупными клоками. Я не могу удержаться от смеха, когда он направляется ко мне, ухмыляясь.

– Неужели было так весело? – спрашиваю я.

– Безусловно. Тебе стоит как-нибудь попробовать. – Он трясет головой, склонив ее на сторону, как будто у него в ухе застряла грязь.

– Нет, спасибо, я пас.

– Как хочешь. Но тебе может оказаться полезным время от времени давать себе волю.

Грубо, но, наверное, это правда. Я не умею расслабляться и веселиться. И никогда не умела – пока в моей жизни не появился Джейк. И уж точно я оказалась не способна на это после его ухода. Я

боюсь, что, если сброшу с себя все лишнее, уже никогда не смогу натянуть эти покровы снова.

Останусь нагой, и все увидят меня.

Осудят меня.

Нет, я так не могу.

– Но у меня есть один вопрос. – Я надеюсь, что он хотя бы скажет мне имя барменши.

– У тебя всегда есть какой-нибудь вопрос, ничего другого я и не ждал. – В его голосе нет досады, скорее он звучит понимающе. Словно Джимми давно известно, что я постоянно задаю вопросы, и ему это нравится.

– Не люблю разочаровывать. – Я вздрагиваю. Неужели я сейчас флиртую с ним?

– Хорошо, но сначала мне нужно принять душ. Я едва слышу тебя из-за этой грязи в ушах... Может, закончишь сейчас свои дела и мы поболтаем у меня дома – позже, когда я приведу себя в порядок?

Я соглашаюсь – мне годится любой предлог, лишь бы сбежать от плакатов с лицами Макса и отца, смотрящими на меня сверху вниз, – и встаю, чтобы уйти, пока он набрасывает на измазанные грязью плечи полотенце.

Глава 30

Книжный шкаф Джимми украшают фотографии – его и Макса. На полках стоят книги с громкими именами авторов и в твердых переплетах – такие книги обычно читают серьезные люди. Я слегка удивляюсь, но уговариваю себя не быть столь предвзятой. То, что Джимми выглядит человеком, который все делает сам и управляет собственным пабом, не означает, будто он не интересуется литературой. Я напоминаю себе, что все мы полны сюрпризов. Если б Джимми знал обо мне всю подноготную, вряд ли он захотел бы мне помочь. А если бы Ной знал? Я отмахиваюсь от этой мысли. Отбрасываю эту вероятность. Ной никогда не узнает.

В углу комнаты стоит старый, но красивый проигрыватель, а рядом с ним целый шкаф, отведенный под коллекцию пластинок. Они выстроились на полках от пола до потолка, и разноцветные края конвертов создают своеобразный гобелен, который притягивает взгляд.

Я слышу, что наверху все еще включен душ, и пробегаю пальцами по конвертам с пластинками, пока не нахожу нужный мне альбом: «Parachutes» группы Coldplay. «Yellow» была любимой песней Макса, сколько я себя помню. В то лето, которое мы провели втроем – я, Макс и Джейк, – мы почти каждый вечер, сидя у воды, слушали ее на портативном CD-плеере Макса. Это стало почти ритуалом, означающим переход от дня к ночи. Я осторожно вынимаю пластинку из конверта, заинтересованная тем, что это специальное издание с полупрозрачным желтым винилом, и ставлю ее в проигрыватель. Опускаю иглу, как когда-то учил меня папа. Наслаждаюсь тихим потрескиванием в динамиках и, когда музыка заполняет гостиную, закрываю глаза.

Я снова вижу лицо Макса, который оживленно смеется над чем-то – скорее всего, надо мной и Джейком, – и чувствую, как солнце обжигает плечи. Но затем, по мере того как музыка набирает обороты, образ тускнеет и превращается в шквал других воспоминаний: лицо отца, весь день наблюдавшее за мной на набережной с плаката длиной шесть футов и шириной три фута; лицо Макса, которое теперь красуется на таком же плакате рядом с ним.

Я хочу оставаться сильной, но, когда песня подходит к концу и музыка затихает, мне кажется, что она забирает с собой все оставшиеся у меня силы. Я всегда избегала «грязевых забегов» именно по этой причине – мероприятие, проводимое в честь отца, мне слишком сложно переварить. Даже спустя столько лет терапии я еще не готова к этому. И теперь изображение Макса пари́т с ним вровень, как будто они буквально скроены по одной мерке. Но Макс был совсем не похож на отца. Я хочу сорвать эти плакаты. Разорвать. Сжечь.

Слышу скрип двери и осознаю, что позади меня кто-то есть. Медленно открываю глаза.

– Макс любил эту песню, – говорит Джимми со слабой и грустной улыбкой и проходит мимо меня, чтобы поставить ее снова.

Я киваю, но больше не концентрируюсь на музыке. Джимми стоит в нескольких футах от меня, вокруг его талии обернуто белое полотенце. Он все еще мокрый после душа.

Когда он делает шаг мне навстречу, я понимаю, что так ничего и не сказала.

Джимми уже на расстоянии прикосновения, и я понимаю, что должна отойти назад. Я люблю Ноя. Я его жена, а он – мой муж. *В горе и в радости*. Это были обеты, которые мы дали друг другу, и я их приносила искренне.

Но я вижу тоску в глазах Джимми. Это свидетельствует о том, что он страдает так же, как и я. Что этот день был тяжелым не только для меня, но и для него. И мне приходит в голову, что если мы будем действовать заодно, если я смогу избавить его от этой боли, то, возможно, и он сможет избавить меня от моей.

Не задумываясь, я целую его. Крепко и напористо. Это не нежность и не любовь. Это жажда. Это боль. А мне нужно почувствовать что-то иное. Что-то, кроме непреходящей ярости, кипящей в моих жилах. Джимми прикусывает мою губу и прижимает меня к стене, давая понять, что ему это тоже нужно.

Я больше не вспоминаю о Ное. По крайней мере, в ближайший час или около того. У меня всегда хорошо получалось вытеснять из мыслей правду.

Мы лежим на полу в гостиной, и Джимми снова ставит «Yellow». Интересно, это своего рода признание того, что случившееся между нами было вызвано лишь нашей скорбью?

– Как насчет ужина? – спрашиваю я, ведя пальцем по его груди.

– Ну ты и мастер манипуляций! – Это шутка, но что-то внутри меня встает на место. Как будто что-то было сломано, но теперь починилось. Он прав. Я великолепна в своем деле – я выдающийся юрист по уголовным делам. Мне поручили дело о двойном убийстве в качестве первой моей крупной задачи лишь по той причине, что я достаточно хороша. И хотя я больше не занимаюсь этим делом, у меня по-прежнему имеются все необходимые навыки, чтобы докопаться до истины и выяснить, как связаны между собой арест Джейка и смерть Макса. У меня нет доказательств – *пока* нет, – но я чувствую эту связь. Что еще важнее, я должна сдержать обещание, данное брату: «Я заставлю того, кто сделал это с тобой, поплатиться».

Глава 31

На следующее утро я выхожу из дома Джимми, а в кармане у меня лежит листок бумаги с именем и адресом барменши. Элис Майерс. Она живет неподалеку, что неудивительно, и, убедившись, что уже не слишком рано для визита, я решаю сделать небольшой крюк.

Ее дом – старая викторианская террасная постройка с красивыми большими эркерами по фасаду. Типичный стиль для Молдона: изначально эти дома строились по принципу «две комнаты внизу, две спальни наверху», но потом их расширили с тыльной стороны, так что теперь в глубину они больше, чем в ширину. Изящный дверной проем обрамлен аркой, а окна из витражного стекла образуют полукруг над белой входной дверью. Это причудливо – нет, даже более того, это прекрасно.

Я звоню в дверь, но ответа нет. Делаю вторую попытку, но из дома по-прежнему не доносится ни звука. Странное ощущение. Я уверена, что видела кого-то в верхнем окне, когда подходила к двери.

Отступаю назад и прохожу чуть дальше по дорожке, чтобы снова посмотреть на окно второго этажа. Ладонью прикрываю глаза от солнца. Несмотря на ранний час, солнце светит ярко, а значит, будет еще один знойный день. В окне никого нет, но я обычно хорошо подмечаю мелкие подробности и уверена, что движение мне не привиделось. Неужели Элис Майерс заметила мое появление и решила не открывать дверь? Если я права, то нужно выяснить почему.

Еще раз пытаюсь позвонить в дверь, но дом остается до жути безжизненным. Я сдаюсь и направляюсь к маминому дому. В конце улицы вижу женщину с собакой, идущую мне навстречу. Сначала я ее не узнаю, но по мере приближения она начинает широко улыбаться мне. Я напрягаю мозг, стараясь хотя бы что-то вспомнить о ней.

– Джастина? – Она прямо-таки лучится приветливостью. – Это действительно ты? Боже мой, как ты выросла! – Женщина стоит прямо передо мной, и я вспоминаю: она, по-моему, работала в местной библиотеке.

– Миссис Хикс?

– Да, это я, дорогая... О, как замечательно видеть тебя снова! Твоя мама, должно быть, рада, что ты с ней рядом, особенно сейчас... Мне так жаль, милая моя! Такие чудовищно тяжелые новости о Максе! Это потрясло весь город, ты же знаешь... – Я удерживаюсь от того, чтобы закатить глаза, – это преувеличение перечеркивает ее деланую искренность. – А как поживает твоя мама? – Она поднимает брови, словно собирается заговорщицки посплетничать со мной о моей собственной матери. – Все еще встречается с тем милым мужчиной? О, я уже не помню его имени, но он был не местный... Надеюсь, что они еще вместе. Твоя мама – хорошая женщина. Она заслуживает счастья после всего, что ей пришлось пережить.

У меня от этих слов перехватывает дыхание. Я приучила себя к тому, чтобы никакая новая информация не стала для меня неожиданностью – *никогда не показывай оппоненту в суде, что ты не знаешь некую подробность дела*, – но даже мне трудно воспринять это спокойно.

– Простите, с каким мужчиной? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

– О боже... Мне не следовало ничего говорить. Я, наверное, переступила границу дозволенного... Просто они выглядели такими милыми! Может быть, это была даже не Эвелин... У меня просто ужасное зрение.

И прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово, она торопливо уходит, оставляя мне больше вопросов, чем ответов. «Выглядели милыми»? Я никогда не видела, чтобы мама выглядела милой с кем-либо, даже со своими собственными детьми. И уж точно никогда – с папой, пока он был жив.

Мама поделилась со мной воспоминаниями лишь однажды, когда я была ребенком – еще даже не подростком, – и, полагаю, в тот летний день она выпила слишком много вина. Она рассказала мне, что вышла замуж за моего отца, будучи захвачена водоворотом бурной любви. Оказалось, что до свадьбы они были знакомы всего шесть недель. Мама сказала, что это были самые лучшие, самые живительные шесть недель за всю ее жизнь. А потом затянулась сигаретой, посмотрела мне прямо в глаза и предупредила, чтобы я никогда в жизни не вздумала выйти замуж.

В то время это произвело на меня сильное впечатление, но не из-за ее предупреждения, а из-за того, что она поведала, как до брака они просто не могли оторваться друг от друга – и, честно говоря, это вызвало у меня отвращение.

Я спешу домой и, переходя на бег, снова думаю о том, какими словами миссис Хикс отозвалась о моей маме.

«Твоя мама – хорошая женщина».

Что это вообще значит? Что значит «хорошая женщина»? Что бы это ни было, «хорошая» – это уж точно не то слово, которое я отнесла бы к своей матери...

Прежде Джастина

Глаза Джастины привыкли к темноте, царящей внутри гардероба, и девушка даже ухитрилась свернуть несколько джемперов так, чтобы получилась импровизированная подушка. Гардероб был больше обычного; встроен в угол комнаты, по всей длине проходит перекладина для плечиков, внутри достаточно места, чтобы пройтись вдоль этой перекладины, выбирая наряд на день. В нем не было ничего выдающегося – ничего похожего на настоящие шкафы-купе или гардеробные комнаты, которые Джастина видела по телевизору, – но все же она была очень рада, когда в свой шестнадцатый день рождения вернулась домой и обнаружила, что часть ее спальни отделена под шкаф для одежды. Она и представить себе не могла, что однажды этот гардероб станет ее тюрьмой...

Джастина не знала, сколько времени прошло, но шум вечеринки все еще доносился с первого этажа, когда она услышала, как дверь спальни с шорохом отворилась и половицы скрипнули под легкими шагами. Напрягая слух, Джастина проследила за перемещениями этого звука и сообразила: кто бы там ни был, сейчас он сидит на ее кровати, скорее всего лицом к гардеробу, в котором она свернулась калачиком. Запертая, как зверек в клетке... Этот человек не мог не увидеть кресло, стоящее снаружи и блокирующее ручку.

– Я здесь, – позвала она. Но ответа не последовало. Она снова напрягла слух и убедилась, что слышит чье-то присутствие по ту сторону двери гардероба.

– Это Джастина. Выпусти меня.

И снова этот «кто-то» не шелохнулся. Не пришел на помощь.

– Пожалуйста, пожалуйста, просто выпусти меня. – На этот раз она по-настоящему умоляла освободить ее, но никто так и не отозвался.

Кто это был? Кто сидел там и игнорировал ее просьбы о помощи?

Черт, подумала она, а что, если это *он*? Остин Макнил? Пришел закончить начатое... Наслаждается ее мучениями...

Джастина пошарила по полу, пытаясь найти что-нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия, и нащупала пару обуви на шпильках. Судя по шелковистому материалу верхней части, это были ее красные туфли. Одну Джастина бросила на пол, а вторую прижала к груди. На всякий случай.

Никто по-прежнему не приближался к ней. Из-под двери гардероба не выползала ничья тень. Кто бы это ни был, все это время он оставался на ее кровати. Джастина закрыла глаза и попыталась прислушаться к доносящимся снаружи звукам, чтобы найти хоть какую-то зацепку. Почему этот человек не поможет ей?

Джастина пришла к выводу, что по ту сторону дверцы гардероба на ее кровати сидит женщина – об этом свидетельствовали легкие шаги по скрипучим половицам. Джастина с изумлением отметила, что женщина тихо плачет – в этом не могло быть сомнений. Девушку охватило облегчение.

И тут на нее обрушилось понимание, таящее в себе угрозу – не такую, какую могло бы означать присутствие Остина, но тем не менее угрозу. Джастина затаила дыхание и вслушалась в происходящее снаружи, напрягая слух, напрягая все силы. Да, она не ошиблась. Теплая волна облегчения отхлынула так же стремительно, как и пришла.

Женщина, которая оставила ее взаперти в гардеробе – и, возможно, даже караулила ее, – была ее матерью.

Глава 32

Я бегу к маминому дому и врываюсь в переднюю дверь, охваченная вихрем эмоций. Прошло восемнадцать лет, и до приезда сюда я открыто признавала – даже втайне гордилась этим фактом, – что у меня больше нет отношений с матерью. По крайней мере, близких – точно нет. Мы общались формально и по минимуму – вежливо, без эмоций. На ужинах по случаю дней рождения и семейных сборищах, организованных Максом, наши разговоры никогда не выходили за рамки светской беседы.

Я не хотела делиться с мамой подробностями своей новой жизни – жизни, на которую она меня обрекла. Я не желала доставлять ей удовольствие, сообщая о том, что все сложилось настолько хорошо. И она никогда не спрашивала. Так почему же мне сейчас так тяжело узнавать, что она скрывала от меня свои новые отношения? Меня это не должно беспокоить. И все же в том, что у мамы снова есть отношения, есть что-то странное и сложное.

Кто этот мужчина?

Как мама живет с ним?

Счастлива ли она?

В этих вопросах есть что-то эгоистичное; если быть до конца честной с собой, я даже не знаю, какие ответы хотела бы получить. Как ужасно с моей стороны, ведь я ее дочь! Мне хотелось бы думать, что я восстала из пепла, чтобы найти Ноя и выйти за него замуж. Сделала достойную уважения карьеру – вопреки всем трудностям. Хотелось бы думать, что я счастлива. Но первая моя реакция на известие о том, что у мамы появился новый мужчина, – это злость. Злость на то, что она живет дальше, а я по-прежнему сломлена. Что ей удалось найти собственное счастье, в то время как мое счастье было отнято у меня всего за один вечер.

Возможно, именно осознание того, как я на самом деле отношусь к своей жизни, бьет по мне сильнее, чем тот факт, что у мамы есть отношения. Пребывание в родном доме быстро рушит тот образ, который я тщательно создавала для себя последние годы, сдирает слои краски, которые я наносила неделю за неделей вместе с Айей, – пока я

снова не превращаюсь в ту Джастину, которой была раньше. Девушка, которую я так старательно пыталась забыть, воскресла.

И хотя это небезопасно, но, возможно, это может стать моей силой. Я знаю о прежней Джастине то, чего не знает никто другой. Самое главное, я знаю, на что она способна. Возможно, настал тот момент, когда больше не нужно отвергать ее. Новая Джастина уже в достаточной степени сломлена; возможно, мне просто пора принять это и перестать убегать, прекратить попытки притвориться кем-то другим.

С того момента, когда я оказалась здесь, мне было трудно удерживать эту маску; я знала это заранее и именно поэтому до сих пор ни разу не возвращалась в родной город. Но Джейк находится под судом за убийство двух человек, а Макс мертв. Все это было не в моей власти, и теперь я вернулась домой, нравится мне это или нет. Лишь только увидев фотографию Джейка в материалах дела, я поняла, что ничто и никогда уже не будет прежним. Даже я.

Из кухни доносится негромкое звучание «Классики FM». Мама всегда включала музыку, когда затевала большую уборку, и, судя по всему, с тех пор ничего не изменилось. Мне следовало бы зайти к ней, расспросить ее подробнее о той жизни, которую она теперь ведет. Может быть, она расскажет мне об этом новом мужчине и попытается навести мосты через пропасти, которые все еще разделяют нас... Я знаю, что именно так и должна поступить, – и все же не могу заставить себя хоть на дюйм приблизиться к ней.

Может, он был на похоронах, а я не знала?

Нет, я не готова это услышать. Вместо этого направляюсь прямо в кабинет наверху. Дверь захлопывается за мной, и пульсирующая в основании шеи боль свидетельствует о том, что я просрочила прием обезболивающего. Вчерашняя ночная эскапада нарушила весь мой распорядок дня, и это уже дает о себе знать. Я знаю, это нездоровая привычка, и не могу отрицать, что она усилилась после возвращения сюда, однако говорю себе, что сейчас не время для самобичеваний. Мне просто нужно выжить, выяснить, что случилось с Максом, выяснить, действительно ли Джейк виновен в убийстве, а потом я смогу вернуться домой. К Ною, моему мужу. К тому, чем я была раньше.

Паника сковывает тело, когда до меня доходит, насколько сильно я сожалею о прошлой ночи с Джимми. Всего несколько недель назад я была счастливой замужней женщиной, криминальным юристом в преддверии самого крупного дела в моей карьере... А теперь я – неверная жена, чья профессиональная репутация наверняка безвозвратно испорчена. И ради чего?

Сначала было лишь немного крови.

Потом – лужа.

Вскоре мне стало казаться, что я в ней тону.

Глава 33

Направляясь домой, в Лондон, я пытаюсь воспроизвести то же ощущение, которое испытала на подъездах к Молдону, – на этот раз в обратном порядке. Я хочу, чтобы каждый поворот дороги, каждый оборот колес вновь укрывал меня надежной броней – по мере того, как я отъезжаю все дальше и дальше. Но это не работает. Кажется несправедливым, что эта магия действует только в одну сторону: когда я ехала в Молдон, моя защита слетала с меня слой за слоем, но сейчас, когда я уезжаю, чуда не случается. Часть меня остается в Молдоне; я втайне чувствую это, словно покалывание под кожей.

Сегодня вечером Шарлотта празднует свой день рождения, и хотя я знаю: все поймут, если я не приду, – однако ради того, чтобы остаться в здравом уме, я должна покрепче ухватиться за свою здешнюю жизнь... если вообще смогу обрести ее заново после того, как все это закончится. Шарлотта живет южнее нас, в Ричмонде, где дома настолько красивы, насколько и предполагает их цена. Никто не покупает дом за два миллиона фунтов, чтобы впоследствии радоваться тому, насколько убого тот выглядит внутри.

Выложенные плиткой портики, лестничные пролеты, полы из настоящего дерева, из-за которых приходится снимать обувь на каблуках у самой двери, и шикарные большие зеркала, расставленные в самых неожиданных местах. Это, несомненно, роскошный дом, созданный для идеальных людей. Длинные ноги, классически строго и в то же время соблазнительно прикрытые великолепно сшитой одеждой, светлые волосы, высушенные феном, ногти со свежим маникюром.

Когда-то и я обитала в этом мире – когда после работы снимала мантию и парик, – и вот сейчас нервничаю, стоя на крыльце и чувствуя себя совершенно не на своем месте. Отец Шарлотты был очень богат, и хотя моя семья в Молдоне считалась зажиточной и уважаемой, по сравнению с тем образом жизни, который вела моя кузина в Лондоне, это было не так уж и заметно. Живя с Шарлоттой, я научилась подстраиваться под нее. Сглаживать грани собственной личности.

Конечно, я и сейчас выгляжу соответствующе. На мне черное шелковое платье средней длины с рюшами по подолу и скромным разрезом до бедра; этот наряд я дополнила туфлями на каблуках и изящным золотым ожерельем с голубым топазом – Ной купил мне его в прошлом году на четвертую годовщину нашей свадьбы. «Да, все верно, я выгляжу соответствующе», – успокаиваю я себя, и когда Шарлотта открывает дверь, я не забываю сверкнуть белоснежной улыбкой, воскликнуть «привет!» и расцеловать ее в обе щеки воздушным поцелуем. Она приглашает меня в дом, как будто я могу по праву войти в него. Но я-то знаю истину.

Такое обильное кровотечение должно было сопровождаться криками.

* * *

Нет, мне здесь не место. Я могу выглядеть соответствующе, могу вести себя достойно и держаться изящно, но это всего лишь маскарад. Я похоронила настоящую себя, спрятав от посторонних глаз. Мне нравится новая версия меня, но сейчас, вернувшись из Молдона, я сталкиваюсь с реальностью – а она заключается в том, что я никогда не принадлежала этому месту.

Прежняя Джастина – хотя, возможно, правильнее было бы сказать «настоящая я» – более хаотична не только с точки зрения стиля, но и с точки зрения душевного равновесия. Мои эмоции, мои мысли, то, как я вижу мир... Он не черно-белый. Это вихрь красок. Пестрый. Громкий. Тот, другой, мир, который мы с Ноем создали для себя, – с нашим чистым домом и богатыми гламурными друзьями, – слишком сдержанный. Слишком упорядоченный. Где же размытые грани? Вместе с этим приходит понимание того, что я не должна показывать собственные *размытые грани*. Я должна оставаться идеальной.

Я устала.

Шарлотта заключает меня в объятия, полные неподдельной теплоты, и от этой искренности мне почти хочется плакать. Здесь живут такие хорошие люди! Конечно, они слишком богаты, но никто не может отрицать, что при этом они добры и щедры.

– Я так рада, что ты смогла прийти! Мы очень скучали по тебе, особенно учитывая все, что выпало на твою долю за последнее время... Ты ведь знаешь, что мы тебя любим, правда?

– Знаю и благодарна за это. – Я любезно улыбаюсь. – Но сегодня твой день рождения, и я принесла вино, – добавляю я, пытаюсь сменить тему. Если мне придется весь вечер говорить о себе, я не выдержу.

– О-о-о, шабли... Спасибо, дорогая, – воркует Шарлотта, унося бутылку на кухню, и я следую за ней. Я немного побаиваюсь того, что будет, когда я снова увижу Ноя. Я заставляю себя быть той нормальной, предсказуемой женщиной, на которой он женился. Молюсь, чтобы он не смог с первого же взгляда понять, что я ему изменила. Прошла неделя с тех пор, как я ночевала у Джимми, но горячее чувство вины все еще саднит во мне и жжет мою кожу.

Не знаю, может быть, мне это только кажется, но атмосфера в комнате словно меняется, когда я вхожу туда. Ной и Роб явно беседовали о чем-то, но внезапно замолчали, как только увидели меня. Правильно, мои соотечественники не знают, как себя вести, когда у кого-то горе. Повисает короткая, но заметная пауза, а потом Ной направляется ко мне. Я легонько касаюсь губами его губ. Изнутри меня по-прежнему обжигает осознание своей вины. Роб подходит следом, громко восклицая, как он рад меня видеть и как сожалеет о моей потере.

Я впираюсь ногтем в складку между большим и указательным пальцем и раздираю застарелый струп. Ной по-прежнему стоит рядом со мной. Мне кажется неловким то расстояние, на котором мы держимся. Я знаю, что эта неловкость мне просто мерещится, однако заставляю себя взять его за руку, надеясь придать ему уверенности. Напомнить себе и ему, что мы реальны – он и я. Чувство вины заставляет меня острее ощущать его прикосновение, и хочется отдернуть руку. Я заставляю себя не делать этого. Знаю, я настолько была поглощена своим прошлым, что совершила множество ошибок. Мне нужно напомнить себе, что мой мир – здесь. Я принадлежу *этому* миру, Ной принадлежит мне, а я – ему.

– Итак, дамы и господа, – хлопнув в ладоши, объявляет Роб, как всегда исполненный энергии. – Время для игры, – певуче декламирует он.

Мы дружно выпускаем стон, но лишь ради пущего драматизма. Мы любим игры на вечеринках. Наша дружба с Шарлоттой и Робом завязалась именно благодаря этому. «Старое доброе развлечение для среднего класса», – однажды поддразнил меня Джейк, когда я предложила сыграть в «Монополию». Воспоминание пронзает меня, и на миг я замираю на месте, в то время как Ной пытается увлечь меня в сторону гостиной. Его рука выskalъзывает из моих пальцев, и он уходит вперед.

– Серьезно? Мы не играли в это с тех пор, как нам было по двадцать лет, – слышу я возглас Шарлотты из другой комнаты.

– И на что ты хочешь подбить нас сегодня? – старательно, с усмешкой произношу я, когда вслед за Ноем прохожу в дверь гостиной.

– Он хочет, чтобы мы сыграли в «Я никогда». – Шарлотта закатывает глаза, но я вижу, что эта перспектива отчасти возбуждает ее. Есть что-то манящее в том, чтобы снова почувствовать себя молодыми. Для них это ностальгия – желание пережить те годы, когда они были полны безрассудства и наивности. Я запомнила те годы совсем иначе. Во время обучения в университете я пила не для того, чтобы расслабиться и повеселиться. Вместо этого я пила и делала вид, будто веселюсь, – для того чтобы забыться.

– Я буду первым. Помните, вы должны выпить, если когда-то делали то, о чем будет сказано. Итак, я никогда не танцевал на столе в костюме с золотыми блестками, – говорит Роб, и Ной делает глоток из своего бокала, а мы все смеемся, вспоминая особенно веселую новогоднюю ночь в ту пору, когда нам было немного за двадцать.

– Моя очередь, – продолжает Ной, вытирая капли вина с губ. – Я никогда не раздевался догола на поле для гольфа.

Мы с Шарлоттой переглядываемся, подняв брови, и, когда она отпивает из своего бокала, я делаю вид, будто делаю то же самое, – мне сегодня предстоит вести машину, и я стараюсь, чтобы мой бокал оставался полным как можно дольше. Но мы как-то раз сделали именно то, о чем упомянул Ной, проспорив парням пари, поэтому я должна показать, будто пью. И тут все смотрят на меня, и я понимаю, что теперь моя очередь. У меня пересыхает во рту, на меня вдруг накатывает страх перед публичным выступлением. Я не могу вспомнить ничего. По крайней мере, ничего подходящего для игры.

– Я никогда... – Делаю паузу. На лбу выступает испарина. Я чувствую, как кровь приливает к моим щекам. – Никогда не изменяла мужу.

Слова слетают с языка прежде, чем я успеваю проглотить их. Все смотрят на меня, а я заставляю себя поставить бокал к себе на колени – так, чтобы он не упал. Что я натворила? Вот что делает с человеком чувство вины... Оно бурлит внутри. Ждет удобного случая, чтобы перелиться через край.

– Думаю, нам нужно отдохнуть от выпивки – все согласны? – вопрошает Роб с преувеличенным энтузиазмом, и я благодарна ему за это.

– Извините, я запаниковала. – Старательно усмехаюсь и не смотрю на Ноя, хотя чувствую его взгляд на себе.

– Может, сыграем во что-нибудь другое? – вмешивается Шарлотта. – В «Угадай кто»? Пойду принесу блокноты и ручки.

Она выходит из комнаты прежде, чем кто-либо успевает возразить, и меня охватывает облегчение. Не могу даже вспомнить, случалось ли такое, чтобы мы собрались по случаю чьего-нибудь дня рождения и не сыграли в эту игру. Ее привычность – и то, настолько прочно она вошла в мою жизнь «после», – кажется мне приятной и безопасной. Я позволяю себе немного расслабиться. Возможно, сегодня мы все-таки повеселимся.

* * *

Я снова вхожу в нормальный ритм – и к концу вечера то и дело касаюсь ладони Ноя, даже не задумываясь об этом. Неловкость, царившая в первое время после моего приезда, рассеялась. Ной ведет себя так же, как всегда, и на короткое время я позволяю себе насладиться этим, прежде чем чувство вины снова настигает меня. Он смотрит на меня, сверкает белыми зубами, смеясь над очередной шуткой Роба – честно говоря, тот шутит без умолку, – и я привлекаю мужа к себе, чтобы поцеловать.

Это застает его врасплох: ведь мы пять лет в браке и уже давно перестали демонстрировать свою привязанность на людях. Правда, наедине я тоже давно не целовала его так – дольше, чем и мне, и ему

хотелось бы признать. Ной улыбается и снова склоняется ко мне. Он определенно в некотором подпитии.

– Ладно, голубки, пора бы вам в гнездышко, – говорит Шарлотта, и я чувствую странную гордость за нас.

– Ой да, как раз пора бы... Спасибо большое за прием. – Я бросаю взгляд на часы. Два часа ночи. Возвращение действительно оказалось приятным, как ни странно.

– Не говори глупостей, дорогая. Я всегда рада тебя видеть. Просто позаботься получше о себе, ладно? – отвечает она, заставляя меня задуматься: возможно, сегодня вечером я держалась не настолько непринужденно, как хотелось бы.

Мне кажется, что она видит меня насквозь, и я дергаю Ноя за руку, практически таща его за собой к двери. Шарлотта и Роб стоят обнявшись и машут нам вслед, пока мы рука об руку идем к моей машине. Уверена, что для любого прохожего мы четверо являем просто наглядную картину счастья.

Меня всегда веселило и изумляло то, насколько обманчивым может быть внешнее впечатление.

Будучи «трезвым водителем», я доставляю нас домой, и всю дорогу мы обсуждаем друг с другом, как прошел вечер; переживаем каждый забавный момент, снова смеемся над шутками Роба, комментируем мягкость Шарлотты. Я чувствую, что мы горды собой. Что мы оба волновались перед началом этого вечера, учитывая все случившееся, а теперь хотим порадоваться успеху. Ной, несомненно, переживал из-за моей ранимости, а я – из-за своей вины.

Когда мы подъезжаем к нашему жилищу, ужас, ставший таким привычным, снова пробирает меня, и я уже не хочу заходить в этот дом. Сегодня вечером меня поразило, насколько идеальна та жизнь, которую мы построили для себя здесь. Она слишком идеальна. Я боюсь, что, войдя в эти стены, уже никогда не захочу их покидать.

Проблема в том, что я знаю – я должна это сделать. Должна закончить то, что начала. Ради Макса. Ведь он заслуживает ответов. Нельзя, чтобы его смерть оказалась напрасной – с ярлыком пьяницы, который просто налепили на него. И ради меня. Мне нужно продолжать, чтобы вернуть контроль над ситуацией и отделаться от акул, нарезающих круги рядом со мной. От сержанта Сорчи Роуз.

Сидя здесь, при свете луны, озаряющей профиль Ноя, я осознаю, как много могу потерять. Сейчас, после чудесного вечера с нашими друзьями, с моим мужем, глядя на наш прекрасный дом, я в полной мере понимаю, как глубоко могу пасть. И как глубоко уже пала. Но я не хочу сдаваться.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мы с Ноем спали вместе, но когда он протягивает руку к дверце машины, я останавливаю его. Мягко кладу руку ему на грудь и жду, пока он взглянет на меня, а затем преодолеваю расстояние между креслами и оказываюсь на нем верхом. Мы не занимались сексом в машине с тех пор, как обручились, – и вообще не занимались сексом с того момента, как Ной заговорил о создании семьи. Мне казалось, что это решение потребует от меня жертвы, на которую я еще не была готова. Но сегодня вечером я ощущаю невероятную усталость оттого, что всегда все контролирую. Все всегда тщательно планирую. И поэтому ослабляю контроль.

Я чувствую, как тело Ноя напрягается подо мной, и он слегка отстраняет меня назад.

– С чего это ты вдруг? – спрашивает он.

Я вижу, что ему нравится происходящее, но одновременно Ной обескуражен тем, насколько подобное поведение несвойственно нам. Я не отвечаю ему, не желая осквернять этот момент еще большей ложью, и вместо этого тянусь к рычагу, чтобы откинуть спинку его кресла. Он больше не задает вопросов и просто задирает вверх мое шелковое платье.

Ной – мой муж. У меня не осталось другой семьи. Моя мать не в счет. Она приняла решение восемнадцать лет назад, и за это я не могу ее простить. Это был ее выбор, не мой, но у меня есть власть сделать хотя бы одно – я не оставлю своего мужа. Что это за жена, которая изменяет своему мужу? Что это за мать, которая бросает свою дочь?

Прежде

Эвелин-мать

Два часа и тридцать восемь минут. Именно столько времени Эвелин просидела на краю кровати дочери, слушая собственные всхлипывания и не сводя глаз с гардероба. Звуки вечеринки внизу то и дело усиливались, и в такие моменты она позволяла себе плакать чуть громче, надеясь, что Джастина не расслышит это сквозь шум.

Когда Эвелин поняла, что Джерард запер Джастину в шкафу, она почувствовала, как обрывается последняя ниточка ее любви к нему. Ее удивило, что она продержалась так долго, – однако в этом всегда заключалась часть его силы. Баланс между страхом и любовью, нежностью и болью – тонкий принцип... Но в конце концов он ошибся, и она почувствовала, что ее связь с ним разорвана окончательно.

Она сидела и плакала, размышляя о том, что делать дальше. Как лучше защитить Джастину. Эвелин боялась того, чем все обернется, если выпустить дочь на свободу. Она потеряет контроль над ситуацией. По крайней мере, пока Джастина оставалась в гардеробе, она знала, где находится ее дочь и что пока она в безопасности.

Эвелин следила за тем, как открывается и закрывается парадная дверь дома, каждый раз пытаясь определить, сколько гостей осталось внизу; она напрягала мозг, чтобы вспомнить, кто с кем пришел, пока на первом этаже не стихли разговоры и резко не выключилась музыка.

Тишина.

В тишине все всегда кажется хуже.

Эвелин крепко сжала руки. Часть ее души желала, чтобы Макс поднялся наверх и стал свидетелем происходящего. Другая часть надеялась, что он этого не сделает. Она годами защищала своих детей. Пыталась скрыть от них все худшие стороны Джерарда – свой собственный секрет, – и вот Джастина заперта в гардеробе...

Она потерпела неудачу.

Теперь у Джастины не было возможности вернуться к тому, что было прежде. Эвелин слишком хорошо знала, что это изменит ее – ее жизнь, ее душу. А как же Макс? Она слышала, как Джерард сказал ему,

что Джастина ушла искать Джейка. Да, возможно, для Макса еще оставалась хоть капля надежды...

Эвелин встала и тихонько прошла в ванную комнату Джестины, где промыла глаза холодной водой и приложила к губам влажную салфетку, считая до десяти. Слегка пощипала себя за щеки, чтобы вернуть им цвет, изобразила перед зеркалом улыбку. Затем тихо вышла и направилась вниз. Хорошо отлаженная схема.

– Я пойду найду Джастину и проверю, всё ли с ней в порядке! – крикнул Макс с лестницы.

– Отличная идея, милый, – проворковала Эвелин, сохраняя ровный тон. Отчаянно надеясь, что он не почувствует, будто что-то не так.

– Нынче вечером ты был молодцом. – Джерард громко хлопнул Макса по спине, заставив Эвелин сжать кулаки. – Я горжусь тобой, сынок. А теперь иди, пусть ночь для тебя продолжается. Ты молод и свободен. Наслаждайся этим. – Слово «свободен» больно кольнуло ее слух. Было ли оно сказано намеренно? Была ли это нарочитая жестокость? Знал ли Джерард, что Эвелин сидела там все это время, наблюдая и зная, что у Джестины отняли свободу?

– Спасибо. Мама прекрасно все подготовила. Отличная вечеринка, настоящий триумф...

Макс усмехнулся, открыл дверь и зашагал по подъездной дорожке, ни разу не оглянувшись. Эвелин закрыла глаза, надеясь, что его улыбка навсегда останется в ее памяти такой же яркой, как сейчас. Женщина позволила себе на секунду расслабиться, осознав, что Макс благополучно покинул дом; дышать стало немного легче.

Хотя бы на мгновение...

Облегчение длилось все то время, пока она смотрела, как он уходит по тропинке и исчезает из виду. Как только дверь закрылась, стало еще хуже, чем прежде. Макс был единственным шансом Джестины, а теперь он ушел. Осталась только она, Эвелин, зная, чем это может обернуться. Она взвесила все возможные варианты, прикидывая, как лучше поступить. Дети еще никогда не видели эту сторону жизни. Она многим пожертвовала, дабы обеспечить это. И это оставило шрамы на ее теле.

Джерард использовал Джастину и Макса против нее на протяжении многих лет, швыряясь угрозами, когда бывал в подпитии.

Он решил, что они – ее слабое место. Но не понимал, что все обстоит как раз наоборот. Джастина и Макс всегда были ее силой. Любовь к ним была единственной вещью, которая не давала Эвелин полностью попасть под его власть. Благодаря им все эти годы крошечная частица ее души оставалась живой, несмотря на все попытки Джерарда растоптать жену окончательно. Сделать ее исключительно своей.

Важнее всего сейчас было попытаться разрядить обстановку. Да, Джерард запер Джастину, но Эвелин знала, что все может стать гораздо хуже, если действовать неосторожно. Она понимала, что если вмешается в происходящее, если влезет в конфликт Джерарда и Джастины – и выступит против Джерарда, – то он сделает все возможное, чтобы победить. Поэтому она молча смотрела на него – монстра, которого когда-то любила. Она позволила себе в последний раз представить его тем молодым человеком, который много лет назад сел в поезд вместе с ней, – а затем перестала сопротивляться ненависти, позволила этому чувству окончательно завладеть ее душой и ушла на кухню.

Она рассчитывала на то, что он сочтет ее слабой, и это заставит его ликовать. Ему не следовало знать, что ей потребовалась каждая капля силы, чтобы просто сдвинуться с места и уйти из комнаты дочери.

Эвелин надеялась, что если Джерард посчитает, будто в этот вечер достаточно потешил свое самолюбие, он будет более мягким с Джастиной. Заставив тело повиноваться разуму, женщина села за кухонный стол, уронила голову на руки – и впервые в жизни стала молиться.

Глава 34

Утром меня будит прикосновение Ноя. Сначала я в панике распахиваю глаза. «Я в ловушке...» Чувствую желание вырваться, но затем осознаю окружающую обстановку. Я дома, с мужем. Это наша спальня. Нижняя часть стен отделана серыми панелями по всему периметру, а на этот паркетный пол мы в свое время потратили кучу денег. Стены украшены картинами в традиционном деревенском стиле. Возможно, такой декор больше подходит для дачного домика, чем для таунхауса в Южном Лондоне, но мне нравится.

Именно здесь, в этой комнате, Ной попросил меня выйти за него замуж. Он сделал предложение в первую же ночь, когда мы переехали в этот дом. В комнате не было ничего, кроме матраса на полу, и именно на этом месте мы пообещали друг другу, что будем строить здесь совместную жизнь. Что сделаем этот дом нашим. И нам это удалось. Эта мысль причиняет физическую боль.

Мне всегда казалось, что самое страшное чувство в мире – это счастье. Если ты счастлив, это лишь доказывает, как много тебе предстоит потерять. А я знаю, что такое потерять *всё*. Я никогда не верила в то, что мне суждено быть счастливой, и вот я снова доказываю это – я разрушаю то, что приносит мне счастье. Может быть, я способна испытывать его лишь мимолетно...

Может быть, это все, чего я заслуживаю.

– Доброе утро, – раздается сонный шепот Ноя.

Я понимаю, что мне предстоит сделать выбор. Теперь, когда я снова здесь, я могу просто остаться. Я уже поступала так раньше и знаю, что смогу поступить так снова. Это искушение. Я могла бы вечно лежать здесь в объятиях мужа и не снимать эту привычную маску. Но это именно она. Маска. Если последние несколько недель и заставили меня что-то понять, так это то, что никогда не было ни «старой», ни «новой» Джастины. Я всегда была такой, как есть. Неизменно одна и та же Джастина. Я просто маскировалась.

Если я хочу по-настоящему принадлежать себе в этой жизни с Ноем, то мне нужно найти способ избавиться от прошлого. А это

значит, что нужны ответы. Я не получу их, если не вернусь в Молдон. Я должна сделать это для себя и, что еще важнее, для Макса.

Мне еще предстоит решить, что я буду делать с этими истинами и что именно мне придется рассказать. Но без ответов я не смогу контролировать ситуацию. А сержанта Роуз нельзя недооценивать. Информация – это сила. Сколько ей известно? Мне нужно быть уверенной, что я всегда остаюсь на шаг впереди. Остаюсь сильнейшей.

«Сила – это всё», – говорил папа.

Я переворачиваюсь на другой бок, обнимая Ноя, смотрю ему в лицо и нежно целую его, словно пытаюсь впитать его – его облик, его ощущение. В первый раз мне было легче уезжать, потому что он был в Париже. Сейчас сложнее – ведь мне известно наверняка, что я уезжаю, чтобы столкнуться с прошлым, от которого предпочла бы бежать дальше.

– Мне нужно ехать, – говорю я.

– Уже? – стонет Ной, но я вижу, что он не сердится. Он все еще считает меня заботливой дочерью, которая присматривает за убитой горем матерью. – Я надеялся, что мы сможем хотя бы позавтракать в нашем любимом кафе... – Он игриво улыбается, и желание остаться становится таким непреодолимым, что мне кажется: если я не уйду прямо в эту минуту, то не уйду никогда.

– Прости. Я скоро вернусь домой. – Приподнимаю его руку и выбираюсь из-под нее.

– Хорошо, но позволь мне хотя бы приготовить тебе завтрак в дорогу.

«Этот мужчина заслуживает чего-то лучшего, нежели я».

В голове всплывают воспоминания о Джимми – и на меня снова накатывает чувство вины.

– Можешь принести мне шорты из гардероба? – спрашивает Ной, и я замираю. Я не могу этого сделать. С ужасом понимаю, что не могу заставить себя открыть шкаф, и мне хочется рухнуть на пол прямо здесь, в нашей спальне. Это случилось. То, от чего я надеялась защититься. Мое прошлое последовало за мной сюда.

– Прости, но я не могу задержаться ни на минуту. Мне действительно нужно уехать немедленно. – Я даже не пытаюсь подавить свою панику.

– Всё в порядке? Что случилось?

– Мне просто нужно поскорее вернуться к маме. Прости, – лгу я. – Я скоро буду дома. Обещаю.

Наклоняюсь над кроватью, чтобы поцеловать его на прощание. На сей раз я обещаю не кому-то другому – я слишком хорошо знаю, как легко нарушаю такие обещания, – а себе самой.

Я снова и снова даю себе это обещание, когда в очередной раз удаляюсь от мужа и нашего дома. Прочь из города, который когда-то сулил мне столько перспектив в плане карьеры. Теперь всё иначе.

Глава 35

Снова оказавшись в мамином доме, я не могу удержаться от того, чтобы не отыскать ее в интернете.

Кристина Лэнг.

У нее прямые светлые волосы, явно крашеные, и взгляд, выдающий немалые амбиции; теперь у нее есть шанс реализовать их, раз уж ей поручили дело Брэда Финчли.

Я смотрю на ее биографию и снимок, размещенные на сайте адвокатской палаты. Видимо, учитывая обстоятельства, все дело пришлось передать в другую – конкурирующую – палату. Еще один удар по моей репутации. Я уверена, что видела ее на каких-то мероприятиях, но в профессиональном плане наши пути никогда не пересекались.

Я опускаю взгляд на свои облезлые ногти, которые снова начала грызть. Еще только четыре часа дня, а я уже одета в спортивные штаны и мешковатую пижамную куртку. Если я больше не юрист, то зачем мне выглядеть им? Я делаю глоток кофе и понимаю, что он остыл.

Я знаю, что она ни в чем не виновата. Я даже прекрасно понимаю, что если кто и виноват, так это я. И все же я не могу отделаться от ощущения, что эта женщина, эта Кристина Лэнг, с безупречным макияжем и в строгом костюме, украла мою жизнь. Наверняка она живет в таком же лондонском таунхаусе, как и мой, и дома ее ждет партнер... в то время как я, сбежавшая сегодня утром от мужа, живу у матери. Боюсь собственного шкафа.

Кофе, даже горячий и свежесваренный, уже не помогает, но когда я достаю бутылку бурбона из серванта, где привыкла ее хранить, то по непривычной легкости понимаю, что она пуста.

Я остаюсь в спортивных штанах, но делаю усилие и переодеваюсь из пижамной куртки в топик на бретельках. Беглый взгляд в зеркало говорит мне, что мой внешний вид едва ли соответствует общественным нормам, но это не страшно. Затем я беру ключи от дома и отправляюсь в паб. Я предпочла бы избегать встреч с Джимми как можно дольше, но не в ущерб выпивке. Некоторые вещи слишком

важны, и сейчас бурбон со льдом – единственное, что имеет хоть малейший шанс облегчить мою мучительную головную боль.

* * *

Телевизор на стене «Синего орла» резко переключается на другой канал, и я вижу новостную программу; в центре экрана маячит изображение тощей женщины, глаза у нее заплаканные. Надпись внизу гласит: «Сестра убитого Марка Рашнелла обращается к общественности с просьбой о предоставлении информации».

– Самое главное – добиться обвинительного приговора, – произносит женщина, – и чем больше у нас будет сведений, тем выше вероятность этого.

Она говорит так, будто вина Джейка не вызывает сомнений – будто оправдательный приговор будет просто ошибкой системы правосудия, а не доказательством его невиновности.

Я допиваю то, что осталось в моем стакане.

Три порции бурбона. Именно столько потребовалось, чтобы пульсация в моем затылке утихла, а на смену ей пришло опьянение, которое обострило мою язвительность и притупило все остальное – за что я особенно благодарна сейчас, слушая, как горе сестры Марка растекается с экрана по пабу.

Мой телефон вибрирует – пришло сообщение от Ноя.

Мне грустно, что ты не со мной. Ты так спешила сегодня утром... Надеюсь, у тебя все хорошо?

Я знаю, что действую под влиянием выпивки, которая обнажает ту сторону моей личности, которую я обычно скрываю от него, – но практически молниеносно набираю ответ и нажимаю «отправить», прежде чем успеваю обдумать ситуацию.

Тебе грустно? А как насчет меня? К твоему сведению, нет, у меня не всё в порядке.

Я смотрю на экран. Мне очень стыдно за свою грубость – я знаю, что он пытался быть вежливым, – но также немного горжусь собой. Сегодня вечером я не собираюсь притворяться идеальной. Идеальной Джастиной, неизменно такой, какой меня хотят видеть все остальные.

Засовываю телефон в сумку и отодвигаю пустой стакан, указывая на другой. Нынче вечером меня обслуживает парень, судя по виду – чуть старше двадцати. Я не видела его прежде. Он колеблется, и я саркастическим тоном произношу:

– Будьте так любезны.

Прежде чем он успевает ответить, из двери по ту сторону стойки выходит Джимми, одаривает бармена взглядом, который даже я не могу не заметить, и парень проскальзывает мимо него, явно благодарный за то, что избавился от меня.

– Прятался от меня, да? – Я не уверена, шучу я или кокетничаю.

– Вовсе нет, – отзывается он. – Хотя могу то же самое сказать о тебе.

– Я ведь сижу в твоём пабе, не так ли? – Я ненавижу себя.

– Да. Но я уверен, что причиной тому скорее выпивка, которую здесь продают, чем моя персона.

Я не утруждаю себя ответом. Этот человек может быть сообразительным, если захочет.

– За счет заведения, – говорит Джимми, наливая в стакан чистой воды и придвигая его ко мне по столешнице.

– Это вода из-под крана.

– Вода из-под крана с фантастическим лаймом. – Он ухмыляется, опускает в мой стакан немного свеженарезанного лайма, и я изо всех сил стараюсь выглядеть абсолютно не впечатленной. – Осмелюсь спросить, с чего это ты вдруг так?

– С чего? Как будто ты уже не придумал тысячу причин, по которым я могу пожелать напиться в баре до отключки...

– Тогда почему именно сейчас? И не говори, что из-за меня. Я знаю, что это не связано с тем, что мы сделали. Я не настолько самоуверен.

«Почему именно сейчас?»

Как будто все, что мы думаем или чувствуем, должно иметь четкое начало и конец... Джимми не знает об утреннем приеме парацетамола. Я перешла с двух таблеток в день на три, прежде чем

решила, что лучше переключиться на кодеин, – убеждая себя, будто разумнее принимать меньшее количество таблеток. Можно подумать, сила воздействия не так важна, как количество препарата. Я словно превратилась в лебедя. Скольжу по поверхности, а под ней – бурное течение.

– Я действительно хочу выпить еще, – резко заявляю я.

– Скажи мне, в чем дело, и, может быть, я принесу тебе выпивку.

– Ты не имеешь права так поступать. Я – клиент.

– Ты в моем пабе.

Туше'.

– Ты действительно хочешь знать? Дело во всем. В моем браке. В моей карьере. В моем брате. В моей матери. В Кристине Лэнг.

– В Кристине Лэнг?

Я понимаю, что никогда не говорила Джимми о своей работе над делом Джейка, и тут меня осеняет: это козырь, который я все еще держу в рукаве и который способен сыграть в этом городе. Я действительно знаю многое, а люди даже не подозревают, что я когда-либо была посвящена в это. Я видела материалы дела. Я читала показания свидетелей.

«Власть – это всё. А информация – это власть».

– Она крадет мою карьеру, – говорю я, стараясь не выдать слишком много. – Так что, выпьем?

– Боюсь, что нет. У тебя уже язык заплетается, Джастина.

– Это не твоя забота – присматривать за мной. – Я явно произношу это слишком громко, слишком решительно, и пара, сидящая рядом со мной, невольно переглядывается. Меня это не волнует. Пусть глазают. Я и так уже стала посмешищем в судебных палатах, так пусть и здесь повторится то же самое.

– Джастина... – Его голос звучит ниже, серьезнее. – Я не собираюсь обслуживать тебя, но я удостоверюсь, что ты благополучно доберешься до дома.

– Прекрасно. – Конечно, ничего прекрасного в этом нет, но что мне остается делать? Перелезть через стойку и налить себе этой чертовой выпивки? Заманчиво... – Элис сегодня работает? Я ее не видела, но, опять же, ты прятался от меня целый вечер. Может, и она тоже...

Опираюсь подбородком на барную стойку и тереблю волосы. Боже, я пьяна...

– Во-первых, я не прятался от тебя, я только что закончил подведение итогов дня. А во-вторых, ты как-то слишком заинтересовалась Элис. Почему ты спрашиваешь о ней?

– Я задаю вопросы. Это моя работа, забыл? Даже когда я пьяна.

Джимми негромко смеется, и я радуюсь, что он не слишком сердит на меня, несмотря на отказ налить мне еще выпивки.

– Она тоже спрашивала о тебе. Что за история с этим связана? – Он говорит совершенно беззаботно, но в моей голове всплывают воспоминания.

«Наш администратор, Джимми Фэлкон».

Пальцы Элис, судорожно вцепившиеся в ее собственную шею.

– Нет никакой истории. – Я стараюсь, чтобы это не прозвучало слишком вызывающе.

– Даже пьяная, ты не можешь пройти мимо, Джастина Стоун.

– Я всегда была лучшей, – резко отвечаю я, и использование прошедшего времени не остается незамеченным.

– Пойдем, – велит Джимми, протискиваясь через дверцу стойки. – Доставим тебя домой. – Он стоит рядом со мной. Это самое близкое расстояние с того момента, как мы переспали, и это вызывает сложные и неприятные ощущения. Не могу поверить, что поставила свой брак под угрозу. Я люблю Ноя. Я хочу провести с ним всю оставшуюся жизнь – ту жизнь, которую мы построили для себя. Но не могу отрицать, что меня тянет к Джимми. Эти двое мужчин олицетворяют разные стороны меня: Джимми – путь в мое прошлое, а Ной – мое будущее.

– Нет. – Это звучит резко и грубо, но мне нужно, чтобы он прислушался ко мне. – Я прекрасно справлюсь сама.

– Ты пья...

– Я сказала «нет»! Я вполне способна позаботиться о себе сама. Я не нуждаюсь в тебе, – говорю я. А потом подаюсь ближе и говорю, понизив голос, чтобы меня мог услышать только он: – Я не хочу тебя.

Оставив Джимми стоять на месте, я стремительной – хотя на самом деле скорее шаткой – походкой покидаю паб. Даже в разгар лета ночью в Молдоне холодает, и я жалею, что не взяла с собой куртку.

Обхватываю свое туловище руками и направляюсь в сторону маминого дома. Я до сих пор не могу назвать его родным домом.

В переулках темнее, чем на ночных улицах Лондона. Меньше машин, меньше фонарей, и я ускоряю шаг. Тени играют со мной в пятнашки, и каждый раз, когда на улице появляется одинокая машина, я отступаю подальше от дороги, как будто водитель, проезжая мимо, может затащить меня в свою машину. Я уверена, что это просто сказывается дух последних недель, но ощущение, будто я не одна, снова давит мне на плечи.

Я напоминаю себе, что не в первый раз сталкиваюсь с насилием, неизбежным при моей работе. Именно поэтому я приучила себя к тому, что лучше сразу погружаться в самые страшные моменты дела, а не откладывать их на потом. Я все равно не смогу от них убежать. То бесчувствие, о котором говорят другие юристы, да и журналисты тоже, – то, которое наступает от слишком частого соприкосновения с тьмой, – еще не затронуло меня. Я по-прежнему ощущаю все. Всю эту боль.

Айя как-то спросила меня, не проецирую ли я на судебные дела собственную боль. Травма, подобно газу, всегда найдет путь наружу, если он есть. Она неизменно заставляет все обстоятельства казаться чем-то личным. «Может, я просто очень впечатлительный человек? И мои чувства острее, чем у других?» – отозвалась я. В ответ на это она выразительно сцепила руки на коленях и задала следующий вопрос. Однако в данном случае границы, несомненно, оказались размыты: смерть и тьма, связанные с моей работой, стали личными. Слишком личными.

Снова оглядываюсь через плечо, уже, наверное, в четвертый раз с момента выхода из паба, но все, что я вижу позади себя, – это сплошная чернота. Впереди, в пятидесяти метрах от дороги, ярко светят огни полицейского участка, и я перехожу на бег.

Я продолжаю бежать, когда она возникает прямо передо мной. Не думаю, что это намеренный психологический прием: судя по виду, она, так же как и я, сильно удивлена тем, что мы едва не столкнулись.

– Джастина, – произносит она.

– Сержант Роуз. – Я тяжело дышу и остро осознаю, что от меня исходит сильный запах алкоголя.

– Вы направляетесь домой?

Я киваю, хватая ртом воздух и пытаюсь выровнять дыхание.

Она смотрит на меня сверху вниз, между нами возникает стена молчания. Я чувствую, что всякая надежда на совместную работу рассеялась. Мы больше не можем создать видимость сотрудничества. То, как она смотрит на меня, говорит о том, что игра, в которую мы играли, закончилась. Мы перешли на следующий уровень.

– Я работаю допоздна. В этом городе бывают интересные дела. – Сержант указывает на стопку папок, зажатых у нее под мышкой.

– Верно. – Я снова киваю, полагая, что она имеет в виду дело моего отца.

– Да, верно, – вторит Сорча, но не делает ни малейшего движения, чтобы уйти. Мы так и стоим друг против друга, никто из нас не хочет отступать.

– А, это вы, сержант Роуз, – раздается голос, в котором я узнаю голос Джимми, а потом и он сам возникает из темноты.

Похоже, в этом городе у людей есть привычка скрываться в тени, а потом появляться, когда их меньше всего ждешь. Это придает всему местечку некую непредсказуемость. Мне вспоминается откровение Джимми о том, что город кишит масонами. Неужели это всегда было здешней особенностью? Почему Молдон всегда ощущался таким замкнутым? Городом, полным тайн? Внезапно это кажется мне очень важным, и я упрекаю себя за то, что в свое время не задала побольше вопросов. Надеюсь, когда я протрезвею, не забуду заняться этим.

Пока же я поворачиваюсь к Джимми. Он преследовал меня? А как насчет того дня, когда я пыталась убежать от своих мыслей? Тогда это тоже был он? И на похоронах он поспешил прийти мне на помощь. Он следит за мной? Не слишком ли пристально? Или я вижу закономерности там, где их нет? В любом случае психологический эффект нарушен, и сержант Роуз натянуто улыбается, слегка кивая нам обоим, а затем направляется дальше.

Как только сержант скрывается из виду, я начинаю яростно шипеть на Джимми за то, что он последовал за мной. Мне не нужна нянька. Тем более такая, которая таится в темноте, внушая мне, будто я схожу с ума. Остаток пути мы проделываем в молчании, и я стараюсь идти чуть впереди его хотя бы на шаг, чтобы продемонстрировать свою точку зрения.

Только когда мы достигаем входной двери, я снова обращаюсь к нему:

– Этого не будет. Мы не можем так поступить. Ясно? Если причина в этом, то, пожалуйста, прекрати. Я и так чувствую себя виноватой. Я замужем. Я люблю Ноя. – Не знаю почему, но, произнося эти три слова вслух возле маминого дома, который просто-таки пропитан воспоминаниями о наших отношениях с Джейком, я чувствую себя виноватой. Но Джейк был давно, а сейчас я борюсь за сохранение своего брака.

– Знаю. Причина не в этом, честное слово. Я просто хотел убедиться, что ты добралась до дома в целости и сохранности. – Голос у него мягкий, в нем нет и следа обиды или злости. Я искренне верю, что он говорит серьезно. – Что случилось, то случилось. Мы не можем изменить этот факт. Я не жалею о том, что оно произошло. Нам обоим было больно, Джастина, не будь слишком строга к себе. Но я согласен, это больше не повторится.

– Спасибо.

Джимми почти незаметно кивает, а затем разворачивается и уходит в ночную тьму. Я просила его об этом, знаю, но, вставляя ключ в замок входной двери дома, в который я когда-то поклялась никогда не возвращаться, чувствую себя невероятно одинокой.

Не знаю, чем вызвано это чувство. Возможно, дело в том, что дом кажется слишком большим теперь, когда в нем остались только мы с мамой – отсутствие папы и Макса слишком заметно. А может, в ощущении, будто у меня ничего не осталось. Кристина Лэнг сейчас олицетворяет всё, чем я стремилась стать. Всё, что я потеряла. Я снова стала той, кем была когда-то. Я с трудом переставляю ноги, одну за другой, пока не оказываюсь перед платяным шкафом в своей спальне – тем самым гардеробом, который я не могу заставить себя открыть. Сползаю вниз по его стенке и обхватываю руками колени, как и много лет назад, – только на этот раз я нахожусь по правильную сторону его двери, а не заперта внутри.

Прежде Джастина

Чем дольше Джастина сидела, запертая в шкафу, тем сильнее это меняло ее. Они с Максом выросли, зная, какую власть над человеком имеет одиночество. Насколько опаснее кажется все окружающее. Именно поэтому в детстве они всегда предпочитали прятаться под лестницей вместе, когда крики матери становились слишком громкими, чтобы их можно было игнорировать. Макс притворился, будто это игра в прятки, а Джастина соглашалась. Еще в детстве она знала: это помогает им обоим продолжать жить в воображаемом мире, который построил для них Макс.

На этот раз рядом с ней не было Макса, который придумывал истории и игры, чтобы скрыть правду. Она осталась одна, и ей пришлось смириться с этим.

К тому моменту, когда отец отодвинул кресло и распахнул дверь гардероба, Джастину едва можно было узнать. Желание отваги не просто пришло к ней, оно заполонило ее и больше не поддавалось контролю. Она превратилась не в викинга, бьющего в барабан, а в сам барабан.

Девушка поднялась с пола и посмотрела на отца, который стоял и курил сигару. Он не был крупным мужчиной, но от него исходила энергия, которая придавала ему особенную значительность. Его зеленый бархатный пиджак болтался на плечах слишком свободно, а на лбу выступил пот – вероятно, от выпитого виски.

– Как ты посмел? – спросила Джастина, удивив даже саму себя. – Я твоя дочь.

В голосе ее звучала уверенность и сознание своей правоты, но внутренне ее трясло. Он сломал ее. Покинул ее. Как он мог так поступить с ней? Он ведь ее родной отец!

– Вот именно. Я не могу допустить, чтобы моя дочь распространяла ложные слухи о моем самом ценном компаньоне. Ты знаешь, чем это может обернуться для нас? Ты сегодня едва не разрушила всю нашу семью. – Он говорил тихо, бесстрастно, как будто

не разбил сегодня вдребезги весь мир Джастины, и это только сильнее бесило ее.

– Это не ложные слухи.

– Все можно трактовать по-разному, Джастина; когда-нибудь ты это поймешь.

– И сексуальное домогательство, да?

Они по-прежнему стояли лицом друг к другу. Смотрели друг на друга в упор. Как в бою. Он должен был защитить ее. Почему он этого не сделал? Она хотела заставить его прозреть. Возможно, это по-прежнему оставалось всего лишь одним сплошным недоразумением.

– Он тебя поцеловал?

– Нет.

– Он заставлял тебя трогать его?

– Нет.

– Он тебя изнасиловал?

Джастина заметила, что он даже не вздрогнул, когда задал этот вопрос, и это потрясло ее до глубины души. Как бессердечно это прозвучало из уст ее собственного отца! Она знала, что он может быть жестоким, она слышала это сквозь стены, но никогда прежде эта жестокость не была направлена на нее.

– Нет.

– Ну, тогда... – Он ухмыльнулся. – Да, я бы сказал, что это можно трактовать по-разному.

Значит, это вовсе не недоразумение.

Джерард отвернулся от нее и направился к двери. Это всё? Он не собирался узнать ее версию событий? Видеть, как он уходит прочь, было просто невыносимо. Неужели он снова собирается бросить ее? Почему он не стал защищать ее?

Джастина почувствовала себя маленькой. Очень маленькой. Как она могла так мало значить для собственного отца? Она не смогла удержаться от того, чтобы бросить ему вызов. По крайней мере, ссора была лучше, чем его уход. Ощущать себя отвергнутой, как будто ее боли на самом деле не существует, было намного хуже. Как будто она просто выдумала то, что произошло, и об этом даже нет смысла говорить.

Поэтому она постаралась уязвить его посильнее. Что угодно, лишь бы получить ответную реакцию. Лишь бы он не ушел.

– А как насчет того, чтобы бить жену? Это тоже можно трактовать по-разному?

Едва эти слова слетели с ее языка, она пожалела об этом.

Джерард развернулся и быстрыми шагами направился к ней. Его грудь ходила ходуном, ярость переполняла все его существо. Он больше не ухмылялся. Лишь по его глазам она поняла, что зашла слишком далеко. Они сделались невероятно темными.

До нее дошло, что он не намерен останавливаться.

Не в этот раз.

Джастина осознала, что для него это уже не просто игра, о победе в которой он будет рассказывать, ухмыляясь и попыхивая сигарой. Она зашла слишком далеко. Она должна была позволить ему победить.

Словно в замедленной съемке, Джастина наблюдала за тем, как отец отводит руку назад. Он все время смотрел на нее в упор, не стесняясь того, что бьет свою дочь. Сила удара застала Джастину врасплох, хотя она видела этот удар заранее. Боль была яростной, жгучей. Щека горела. Тысячи иголок пронзили кожу.

Джастина задышалась, ее глаза наполнились слезами. Но потом она заставила себя снова выпрямиться во весь рост и усилием воли загнала слезы обратно внутрь. В конце концов, она была Стоун, а значение этой фамилии – «камень». Но, поднимаясь на ноги и прижимая руку к щеке, она задалась вопросом: теперь, когда черта перейдена, остановится ли он когда-нибудь? Роль, которую он играл прежде, – роль отца-героя – ушла безвозвратно. Сегодня вечером отец отказался от этой роли. Сможет ли он полностью вжиться в новую роль? В роль злодея, ранее скрытую за закрытыми дверями, в роль, которую он играл только для ее матери?

На мгновение они замерли, наблюдая друг за другом.

Разрыв во времени. Будет ли это молчание знаменовать собой пропасть между «до» и «после»? Оба инстинктивно понимали: что бы ни случилось сейчас, это решит всё. Кто сделает первый шаг? Куда они двинутся дальше?

После секундной паузы Джерард спокойно вынул изо рта сигару, которая так и висела между его губами. Джастина поняла, что он решил стать злодеем. Что пощечина была только началом.

Она видела круглые ожоги на теле матери, в тех местах, которые легко скрыть, – но от детей ничего не утаишь. Они слишком

чувствительны, слишком малы, слишком наблюдательны. Взрослые забывают, каково это: быть настолько причастным окружающему миру, когда тебя ничто не отвлекает – ни работа, ни обязанности, отрывающие тебя от переживания текущего момента. Дети впитывают всё как губки. Взрослые слепы и невосприимчивы.

Ее родители считали, будто действуют умно, но Макс и Джастина играли в прятки не просто так. Они знали, когда лучше убраться подальше. Спрятаться там, где не видно и не слышно боли матери. Жестокости отца.

Нет, Джастина не позволит ему обжечь и ее.

Она выронила туфлю на шпильке, которую все еще сжимала в руке, и толкнула его. Сильно и резко. Она была небольшого роста, но вложила в этот толчок всю свою силу. Она не собиралась допустить, чтобы он сделал ее такой же, какой стала ее мать.

* * *

Джастина видела, как он рухнул, – это случилось прямо у нее на глазах. Его голова ударилась о край ее стола и дернулась назад. И кровь.

Она не ожидала крови.

Все произошло так быстро... Она хотела лишь нанести удар первой. Дать ему понять, что она – не ее мать, что она не будет молчать. Она будет бороться.

Она не собиралась его убивать.

Глава 36

Птенец. Или больной ребенок. Именно их напоминает мне мама, когда на следующий день, в пять часов утра, забирается ко мне в кровать. Я не очень крупная женщина, обычно меня считают даже худощавой, но рядом с похожим на скелет тельцем моей матери я кажусь просто огромной. Я лежу, не понимая, чего она от меня хочет.

Даже когда еще жила здесь, я не знала, как реагировать, когда она приходила ко мне, такая вот крошечная и сломленная. Это происходило редко, и, насколько я могу судить, ее визиты случались через день или два после того, как я отмечала, как сгущается атмосфера в доме. Об этом никогда не говорили вслух, и мама тоже молчала, но рано утром она проскальзывала в мою комнату и лежала некоторое время в тишине, а затем принималась за обычные ежедневные дела – так, словно ничего не произошло.

Сейчас я думаю: не предавала ли я ее тем, что молчала? Но я была ребенком. Не следовало ожидать, что я заговорю первой или смогу подобрать нужные слова.

Теперь у меня нет оправдания. Я больше не ребенок, и у меня достаточно опыта, чтобы отыскать необходимые слова. И все же... я веду себя так же, как вела тогда, – неловко молчу, лежа на спине. Возможно, она думала, будто своим молчанием защищает меня. Но я чувствовала лишь, что меня используют. Играют мною, точно шариком на резинке. Оставляют в темноте, а спустя несколько часов вынуждают притворяться, будто жизнь полна солнца и ярких красок.

– Я мешаю тебе спать? – Голос у нее хриловатый, и мне кажется, что от него по комнате разносится эхо. Я не ожидала, что она заговорит со мной.

– Нет, всё в порядке, – лгу я. Конечно же, она мешает мне спать. Я начинаю чувствовать, как гнев распространяется по моему телу горячей волной, начиная с пальцев ног. Как я дошла до этого, почему я снова здесь, в этом доме, в этом городе?

– Мне все равно нужно вставать, – заявляю я, беззастенчиво откидывая одеяло. Мама не спрашивает, куда я собралась, и не двигается с места.

Я ненавижу этот дом. Ненавижу то, что молчание здесь используется против тебя точно так же, как слова. Я часто применяю этот прием в зале суда: не говорить вообще ничего. Это действует на удивление эффективно, сильнее любой угрозы. Но в родном доме таким приемам не место.

Натягиваю на себя мягкое платье, поднятое с пола, и, не успев придумать план действий, оказываюсь за рулем машины – хотя не имею ни малейшего представления о том, куда собираюсь направиться. Все, что я знаю, – это то, что мне нужно убраться прочь: из этого города, из этого дома, из этой спальни, от этого гардероба. От моей матери.

* * *

Не могу сказать точно, в какой момент этого слепого бегства мне пришла в голову столь глупая идея – но в итоге я сижу в кафе напротив офиса Кристины Лэнг и даже не знаю, появится ли она сегодня вообще или нет. Я способна распознать подобные грубые приемы слежки. Просто обычно не занимаюсь этим сама.

Сегодня я должна была явиться в суд. Но вот уже десять часов утра, а я вместо этого сижу здесь, заказав пару круассанов и не имея никакого плана относительно того, что делать дальше. Но раз уж я здесь, решаю отправить Отису сообщение и спросить, нет ли новостей насчет того, как продвигается дело Джейка. Я знаю, что прошу слишком многого – если его поймают на том, что он сует нос в дела других юристов, никто больше не станет с ним работать. Я разминаю шею и лезу в сумку за обезболивающим.

Что ты хочешь узнать?

Я улыбаюсь. До сих пор он ни разу меня не подводил. Слушание все ближе, а я не могу отделаться от мыслей о Джейке. Какие оправдания он сможет привести? Если честно, не знаю, почему я так заиклилась на этом. Я в курсе: даже если он действительно совершил эти убийства, ему, скорее всего, посоветуют не признавать себя виновным. Но все-таки мне кажется, что если он заявит о своей

невиновности, это станет подтверждением моей правоты. Свидетельством того, что Джейк не убивал Марка и Беверли Рашнелл.

В ожидании новостей от Отиса и появления Кристины я пытаюсь отвлечься, ища в интернете сведения про масонов. Чего еще я не знаю о своем отце? В результатах поиска выпадает статья о том, что между разными масонскими ложами существуют условные рукопожатия, и я не могу удержаться от смеха. Оказывается, руки пожимают по-разному, в зависимости от положения человека в ложе. Именно такая хрень была по душе моему отцу. Все, что угодно, лишь бы он мог почувствовать себя важной птицей. Масонское братство строго охраняет свои тайны, и даже расширенный поиск ничего не дает. На каждом сайте мне пересказывают одну и ту же информацию. Еще один факт, который мне удастся выяснить, – существует ряд предметов, символизирующих определенные духовные ценности; квадрат и компас используются как символы морали и этики. Смехотворна сама мысль о том, что мой отец придерживался какой-либо морали, кроме той, что приносила пользу ему лично, – а значит, его принадлежность к Братству была просто фарсом. Однако это описание что-то задевает в моей памяти, и я зримо представляю себе странную брошь, которую нашла в отцовском ящике. Ободок в виде компаса, буква G посередине – теперь понятно, что это такое... Я читаю дальше: оказывается, буква G должна напоминать масонам о том, что все их действия совершаются *в присутствии Бога*^[8], великого архитектора Вселенной. Наверное, это должно придать благородства их деяниям? Напомнить им, что они несут ответственность лично перед Господом? Если так, то я могу подтвердить: в том, что касается моего отца, эта стратегия с треском провалилась.

Проходит пара часов, прежде чем я вижу ее. Она одета в элегантный черный костюм, волосы ее блестят. Да и вся она просто сияет, и это неудивительно – должно быть, с того момента, как ей поручили дело Джейка, в ее крови неустанно кипит адреналин. Как для меня этот процесс должен был стать важной ступенькой в карьере, так и Кристину он обещает продвинуть на пару шагов по этой лестнице. Это заметно по ее походке. Она жаждет этого продвижения.

Я выхожу из кафе – прежде чем успеваю спохватиться. Иду за ней следом, но не настолько близко, чтобы она могла засечь меня. Я не профессионал в этой игре, но, к счастью для меня, в Лондоне не так уж

сложно оставаться незамеченным: все настолько привыкли заниматься своими делами, не замечая окружающих, что не ожидают пристального внимания со стороны других людей.

Судя по темпу ее походки, городскому чемоданчику на колесиках, который она держит в руке, и направлению ее движения, мы держим путь в Саутуаркский королевский суд – я готова поставить на это все свое жалованье. Чем больше поворотов мы минуем, тем отчетливее я представляю себе пункт назначения. Чувствую, как поднимается мое настроение. Мне предстоит увидеть ее в работе. Боже, надеюсь, она не настолько хороша, как я...

Я знаю, что умна, и верю в себя, но одновременно с этим я всегда чувствовала себя ужасной недотепой. Мне казалось, что я успешна, просто не могу не быть успешной, но при этом я неизменно нуждалась в том, чтобы другие люди говорили мне, что я достаточно хороша. Мое эго хрупкое. Слишком хрупкое, чтобы я могла без горечи наблюдать за тем, как кто-то другой блистает, ведя важное судебное дело, которое прежде было поручено мне.

* * *

Я занимаю место в дальнем конце зала, готовая поспешно уйти, если замечу кого-то, кто может меня узнать – хотя я не уверена, что сейчас смогла бы узнать сама себя. Я не помню, когда в последний раз мыла волосы, а на измятом платье спереди виднеется пятно от красного вина.

Кристина, надо отдать ей должное, умеет произвести впечатление. Изящная, уравновешенная и, осмелюсь сказать, немного пугающая. Слушается апелляция на вынесенный ранее приговор по поводу вооруженного ограбления, и процесс только начинает набирать обороты, когда у меня в кармане вибрирует телефон.

Отис. Черт... Неужели я действительно зашла слишком далеко?

Выскальзываю из зала суда, надеясь не привлечь к себе ничье внимание. Оказавшись в коридоре, отвечаю на звонок.

– Зря я тебя попросила, – сразу же признаю я, но он не обращает на это внимания и начинает увлеченно рассказывать, что взломал сложную шифровальную программу, защищающую лэптоп Макса.

– Там куча всякой ерунды – обычная фигня, которую можно найти на жестком диске у любого человека, – но я прочесал его несколько раз и, кажется, кое-что нашел.

– Потрясающе.

– Не слишком-то радуйся. Поначалу мне не бросалось в глаза ничего необычного, но потом я нашел два документа. В обоих были сохранены реквизиты банковского счета. Один был явно на имя Макса. Я проверил его, и ничего странного там нет. Но второй был оформлен на ООО под названием «Маленькая трастовая компания». Все мои поиски не дали никаких сведений о связи Макса с этой компанией. Тебе что-нибудь известно о ней? Или о том, чем он мог торговать под этой вывеской?

– Понятия не имею. Макс никогда не говорил мне о каком-либо побочном бизнесе.

– Хорошо. Я попробую что-нибудь найти. Известно, что отследить ООО нелегко, но я сделаю все, что смогу.

– Тебе удалось найти только документ с банковскими реквизитами? Мы пока не знаем, кто стоит за этой компанией и для чего она была создана.

– Знаю. Я же говорил тебе, это немного. Но мы можем предположить, что шифровальная программа была установлена не просто так, и это единственная зацепка, которая у меня есть. Если б это была публичная компания, в которую он вкладывал деньги, я бы рассчитывал найти подробности довольно быстро. Но до сих пор ничего не обнаружено.

– А как насчет удаленных файлов?

– Я просмотрел и их. Ничего интересного.

– Хорошо, тогда давай выясним, принадлежала ли эта компания Максу или же он просто перечислял ей деньги.

«Маленькая трастовая компания»... Звучит вполне безобидно, но я не могу отделаться от мысли, что это очень похоже на проявление извращенного чувства юмора, присущего моей семье. Когда что-то на первый взгляд представляется милым и безобидным, а на деле оказывается намеренным обманом.

В памяти всплывает мудрый совет моего отца относительно того, как стать успешным адвокатом. Даже спустя столько лет я не могу избавиться от отцовского призрака. Это и плохо, и хорошо... «Всегда

ищи во всем двойной смысл. Люди могут не врать в открытую, но это не значит, что они не скрывают правду. Нужно научиться читать между строк».

Я снова думаю о названии компании. Оно составлено довольно хитро. Люди часто называют счета «трастами», а использование слова «маленький» придает невинный и очаровательный вид, как будто за ним скрывается пользователь сайта «Итси», продающий самодельный декор в стиле «буржуазный шик». Но если рассматривать фразу «маленький траст» целиком, она вызывает куда более серьезную обеспокоенность. Суровая, малоприятная правда, замаскированная под слащавость. Да, это действительно звучит очень по-стоуновски.

– Я еще посмотрел, нет ли там письма, – сообщает Отис.

– Письма?

– Ну да, прощального. Просто чтобы исключить возможность того, что Макс намеренно прыгнул в воду.

– Не может быть никакого письма, – жестко возражаю я. Да как он смеет?! Но я знаю, что Отис просто делает свою работу, не желая упустить что-нибудь.

– Я знаю. И ты права. Я не нашел ничего. Но, Джастина, ты же знаешь, что отсутствие письма не может полностью исключить самоубийство.

Он прав, но в голове у меня царит хаос. Мысли крутятся слишком быстро. Я знаю, что это происходит из-за упоминания о письме. Не о том письме, про которое он говорит, а о другом. Первом письме, которое я получила много лет назад, в свой восемнадцатый день рождения...

Джастина!

С восемнадцатым днем рождения тебя! Я не очень хорошо умею выражать мысли, знаю, но ты заслуживаешь всего самого лучшего, так что я стараюсь! Благодаря тебе Молдон стал просторнее. До встречи с тобой моя жизнь была тесной, а теперь, вместо того чтобы чувствовать себя загнанным в узкие рамки, я с нетерпением жду будущего, поскольку знаю, что в нем будешь ты.

Я знаю, ты тоже считаешь, будто завязла здесь, но это не так.

Твои крылья сильнее, чем ты думаешь. Ты совершишь великие дела, и я жду не дожусь, когда смогу увидеть, как ты их совершишь. Или помочь тебе – если ты позволишь! И я не имею в виду, что ты

будешь выполнять требования своих родителей. Я знаю, именно из-за них ты чувствуешь себя запертой в клетке, и, серьезно, я понимаю. Моя семья не похожа на твою, но мы оба ощущаем себя втиснутыми в рамки. От тебя ожидают, что ты будешь заниматься большими делами, а я – маленькими. Но ты уже преодолеваешь это. Ты уже изменила мою жизнь, и я знаю, что ты изменишь жизнь и других людей.

Я люблю тебя, Джастина Стоун. Я никогда не перестану любить тебя. Несмотря ни на что. Вот каким должен быть этот подарок... Мое обещание тебе, что, пока я жив, где бы я ни был, я буду любить тебя всем сердцем и защищать.

Джейк xxx

– Джастина? Ты еще на связи? – Громкий голос Отиса возвращает меня в реальность.

– Да, извини. У меня возникла одна идея... Ну, не столько идея, сколько мысль о том, что мне очень пригодилась бы твоя помощь.

– Еще одно одолжение? – ухмыляется он.

– Да ладно, кто их считает...

– А это легально? – спрашивает Отис. И я знаю – он все еще на нервах по поводу того, что я продолжаю лезть в дело Джейка после того, как меня официально отстранили. Это соглашение об обмене услугами между нами не совсем фикция – в конце концов, именно с этого началось наше сотрудничество.

Я колеблюсь.

– Не очень. Но мне просто нужна еще одна пара глаз. Больше ничего, обещаю. Всю грязную работу буду делать я.

С другого конца провода доносится стон.

– Ты невозможна, Джастина Стоун. Ты знаешь это?

– Знаю. А ты лучший. И уж это точно.

Он смеется. Перед тем как завершить звонок, я даю Отису четкие инструкции: выяснить, к какому часу Кристина Лэнг должна явиться в суд через три дня, и быть готовым встретиться со мной в Лондоне. Ведь суть писем в том, что они обладают огромной силой. По какой-то непонятной причине люди охотнее раскрываются в них. Выдают свое истинное «я».

Думаю, и для меня настало время написать письмо. Я не намерена раскрывать свои секреты – нет, я не забыла о том, что на самом деле

стоит на кону, — но, возможно, мне удастся выманить эти секреты кое у кого другого.

Все эти годы я наивно — возможно, даже самонадеянно — полагала, будто лишь мне одной известна тайная правда о той ночи, когда погиб мой отец. Но если смерть Макса и арест Джейка неким образом связаны с теми событиями, значит, я ошибалась. Значит, тайну хранит еще кое-кто другой...

Слишком поздно выяснять, что скрывал Макс, но как насчет Джейка? Что такого известно ему о ночи с шестнадцатого на семнадцатое декабря, чего не знаю я?

Прежде

Джейк-любовник

Впервые за несколько недель дождь прекратился. Зато резкое похолодание грозило превратить дороги в «ледяные ловушки смерти», как любила драматически выражаться мама Джейка. Она всегда драматизировала. Это была ее отличительная черта.

Единственным положительным моментом было то, что этот драматизм преображал будничные события в захватывающие истории. Небольшое падение превращалось в едва ли не смертельный инцидент, а внезапное улучшение самочувствия после простуды – в чудесное выздоровление. Ничего скучного или обыденного. Например, сегодня вечером, когда бабушка собралась задуть свечи (к ее огорчению, не восемьдесят восемь), мама воскликнула: «Не подходи слишком близко!» – видимо, опасаясь, что бабушкины волосы, сбрызнутые лаком, могут загореться.

Это была отличная вечеринка, но бабушке пора было ехать домой, и Джейку поручили довести ее до такси в целости и сохранности. Когда он помогал ей забраться в машину, его телефон завибрировал. Лишь через несколько минут, когда такси отъехало, он увидел, что у него три пропущенных звонка от Джастины.

Джейк сразу же перезвонил ей.

– У тебя всё в порядке?

– Нет. Я... я...

– Алло? Ты на связи? – Голос ее звучал как-то не так. Он не мог понять, плачет она или это просто треск в трубке.

– Он мертв.

– Мертв?

– Да.

– Кто?

– Я его убила.

Джейк замер на месте и проверил свой телефон, дабы удостовериться, что он точно набрал правильный номер. Голос не был похож на голос Джастины, и она говорила какую-то бессмыслицу, но это точно был ее номер.

– Кого? Кого ты убила? О чем ты?

– Моего отца. Я не хотела. Я просто толкнула его. Он собирался сделать мне больно, клянусь, поэтому я толкнула его, и он упал. Боже мой, я действительно убила его... Джейк, помоги мне.

– Ты уверена? Он не просто... не знаю... потерял сознание или что-то в этом роде?

Конечно же, это просто не могло быть реальностью.

– Уверена. Тут всюду кровь... О боже, это так ужасно! Он упал и ударился головой об угол моего стола. Должно быть, удар пришелся неудачно...

– С тобой есть кто-нибудь еще? Где твоя мама?

– Макс ушел, а маму я не слышу. Наверное, она рано легла спать. Обычно она так делает, когда папа напивается... Джейк, пожалуйста, помоги мне.

Три минуты. Именно столько времени ему понадобилось, чтобы усадить бабушку в такси, помахать на прощание и перезвонить Джастине. Сейчас Джейк жалел, что не понимал, насколько ценными были эти лишние три минуты, которые он сам себе подарил. Три минуты, которые он выиграл, прежде чем его жизнь перевернулась безвозвратно.

Джейк еще не до конца осознал, что она сделала, но у них не было времени. Сработал инстинкт. Он понимал, что чем дольше они будут тянуть время, тем меньше у него шансов все исправить. Он не знал всех подробностей, но серьезность произошедшего была очевидна: Джерард мертв, и Джастина считает, что это она его убила.

Джейк уже слышал подобные истории. Его мать, везде видящая признаки катастрофы, неизменно напоминала о них перед ночными гулянками, предупреждая, чтобы он не лез в неприятности. О том, как один удар может изменить твою жизнь – либо кто-то оборвет ее, либо ты проведешь остаток жизни за решеткой. Джейк всегда прислушивался к ее словам и был внимателен, избегал неприятностей и тех мест, где они могли возникнуть, и никогда не демонстрировал комплекс героя.

Он все еще стоял на тротуаре у паба, когда понял, что больше не чувствует холода. Слишком много адреналина бурлило в его худощавом теле.

«Джейк, помоги мне...»

Но что он должен был сделать?

Он любил Джастину, но настолько ли сильно?

Джейк запустил пальцы в волосы и попытался успокоиться. Ему нужно было думать четко и быстро. Либо Джастина должна прямо сейчас сознаться в том, что произошло, и это действительно был несчастный случай при самообороне, либо они должны сплести совсем другую историю, в которой Джастина вообще не толкала бы Джерарда. Прежде всего, нужно было понять, с чем они имеют дело.

Он должен пойти к ней.

Отчасти Джейк все еще надеялся, что она ошиблась и Джерарда нужно всего лишь обрызгать водой, чтобы он пришел в себя, а завтра они будут смеяться над этим.

Другая часть его разума уже рисовала Джерарда Стоуна мертвым на полу в спальне Джастины.

* * *

Все оказалось хуже, гораздо хуже, чем Джейк мог себе представить. Джерард лежал в луже свернувшейся крови, постепенно пропитывающей половицы. Цветочные обои, которые Джастина выбрала несколько недель назад, на одной стене были забрызганы кровью.

Джейк увидел, что Джерард действительно ударился головой об угол, как и описывала Джастина. Углы были с острыми металлическими кромками – Джастина как-то сказала ему, что это хипстерский шик, – и тот угол, который находился ближе всего к голове Джерарда, все еще был испачкан кровью. От этого зрелища к горлу Джейка подкатила тошнота. Он никогда раньше не видел столько крови. Заставил себя присмотреться, чтобы разглядеть, откуда ее столько натекло. На правой стороне черепа Джерарда, у самого виска, зияла смертельная рана.

– Джастина? – шепотом позвал он. Где же она? – Эй? – Из ванной комнаты доносился шум воды. – Ты там?

Ответа по-прежнему не было, и Джейк толкнул дверь.

Джастина скорчилась под душем, прижавшись спиной к стене. На ней все еще было красное праздничное платье, которое теперь

промокло насквозь. Ее глаза казались пустыми, словно у загнанного зверька.

– Все хорошо. Все будет хорошо, – сказал Джейк, протянул руку, чтобы выключить воду, и опустился рядом с Джастиной на мокрый пол.

– Помоги мне, – прошептала она, ее голос был едва слышен, и Джейк почувствовал, как ответственность, возложенная на него любовью к ней, разрывает его сердце. Он был готов на все ради этой девушки, но теперь, увидев Джерарда, понял, что их возможности ограничены.

– Ты должна рассказать полиции, что случилось, – произнес Джейк как можно ласковее. Она резко обернулась к нему, на ее лице отразились страх и шок. – Это был несчастный случай. Тебе поверят.

Джастина помотала головой.

– А что, если не поверят? Посмотри на него! Он мертв, Джейк. Он действительно мертв. И здесь так много крови! Почему так много крови после обычного падения? – Ее начало трясти.

– Я знаю, я видел. Но все будет хорошо. – Джейк действительно не ожидал, что будет столько крови. Он знал, что травмы головы могут быть смертельными, но не был готов к тому, что сцена будет выглядеть столь ужасно.

– Я не могу попасть в тюрьму. Не могу.

– И не попадешь.

– Ты не знаешь этого наверняка. Ты не можешь обещать, что полицейские мне поверят. Это выглядит скверно. Очень скверно.

– Да. Но они наверняка уже видели подобные травмы. Что, если мы скажем, что он упал? Ты просто скроешь, что толкнула его. Ты сможешь это сделать, если полиция спросит тебя?

– Но почему он мог упасть? Что мне рассказать им? – Паника в ее голосе усилилась.

– Потому что он был пьян, например. У вас была вечеринка, и я уверен, что он, видимо, выпил слишком много.

– Но мне придется солгать. Солгать полиции...

– Это почти что и не ложь. Давай потренируемся. Расскажи мне, что произошло, но только скажи, что он упал.

– Я не могу... я действительно боюсь, что не смогу это сделать.

– Посмотри на меня. Ты можешь все, Джастина Стоун, я знаю. Либо ты скажешь, что толкнула его, либо скажешь, что он упал. Это наши единственные варианты. Это очень тяжелый стол. А такие углы следовало бы запретить. Тебе поверят.

Джастина снова повернулась к нему, как он и просил. С ее волос капала вода, на щеках виднелись следы туши.

– А что, если есть другой способ? – тихо спросила она.

– Какой другой способ? Что ты хочешь сделать?

– Мы вообще не скажем полиции. Мы... как-нибудь скроем это.

Джейк прислонился головой к стене, слегка стукнулся об нее и закрыл глаза. Джастина не переставала удивлять его.

Сможет ли он это сделать?

Должен ли?

Как?

Джастина так много хотела сделать в жизни... Не то что он. У него не было подобных амбиций. Его не воспитывали с таким же чувством уверенности в себе – Макс и Джастине всегда твердили, что они могут добиться в жизни всего, чего захотят. Черт, она даже хотела стать юристом. Чтобы помогать привлекать к ответственности плохих парней. И она была права: ничего нельзя было гарантировать. Рассказывать полиции рискованно. Конечно, ей страшно – и ему тоже. И Джастина была права, когда сказала, что все выглядит скверно.

Что, если ей не поверят?

«Помоги мне...»

Он любил ее. Он действительно безумно любил ее.

Все эти «а что, если» стали казаться слишком серьезными.

«Не будь влюбленным дураком», – предупреждала его мама. Неужели она имела в виду именно это? Что любовь может сделать человека глупцом? Ведь он, уже соглашаясь помочь Джастине, знал, что потом пожалеет об этом...

* * *

Джейк отправил ее прочь. Если они собираются сделать это, то лучше, чтобы Джастину видели в другом месте. Он предложил ей присоединиться к его родственникам в «Синем орле». Хотя вечеринка

в честь дня рождения его бабушки уже официально закончилась, хозяин заведения любил устраивать посиделки «только для своих» в выходные дни, и в пабе было полно людей, которые продолжали праздновать даже после закрытия.

Оставалось только решить, что делать дальше.

Он не учел, насколько тяжелым окажется Джерард и как много крови придется убирать. Она впиталась в ковер, забрызгала стол и книжную полку. Весь пол был усыпан осколками стекла от упавшего зеркала, которое раньше стояло на столе.

Это было совсем не похоже на то, что Джейк видел по телевизору. О чем он только думал? Ему ни за что не справиться с этим в одиночку. Его руки дрожали, когда он достал телефон и позвонил Макс.

– Отлично, приятель, мне как раз нужно с тобой поговорить. Джастина с тобой? – произнес Макс, взяв трубку.

– Нет, но мне очень нужна твоя помощь, – прошептал Джейк, хотя в комнате больше никого не было.

– Моя помощь? Я немного пьян, приятель, и не уверен, что сумею помочь, но могу попытаться... Где ты?

– Трудно объяснить. Я у тебя дома. Ты можешь прийти побыстрее? И постарайся никому не попадаться на глаза.

– Не попадаться на глаза? О чем ты говоришь?

– Просто поверь мне. Я серьезно. Приходи сюда как можно быстрее и так, чтобы тебя никто не видел.

– Ты меня пугаешь... С Джестиной всё в порядке?

– Да. Или, по крайней мере, будет в порядке. Твой отец пытался причинить ей боль, а она его толкнула. Он... твой отец... он... – Но Джейк не мог заставить себя сказать Макс по телефону, что Джерард мертв. – Твой отец сильно пострадал.

– Ублюдок, – прошипел Макс.

Прежде Джейк не замечал за ним такого тона. Вспышка неподдельной ярости. Джейк не считал, что во время телефонного разговора стоит задавать лишние вопросы, но не мог не отметить: Макс сразу принял вероятность того, что Джерард причинил Джестине боль. Джейк снова вспомнил о том вечере, когда они праздновали грядущее возвращение Макса в университет. Тогда Эвелин сидела

отдельно от остальных, и в воздухе витало что-то такое, чему он не мог найти объяснения. Может, это был страх?

– Я приду как можно быстрее, – сказал Макс и тут же повесил трубку.

* * *

Джейк ждал его на площадке перед спальней. Последние десять минут он пытался придумать, как рассказать Макс о случившемся.

– Макс, твой отец... – снова прошептал он, боясь разбудить Эвелин, но Макс оборвал его. Джейк был уверен, что по его лицу видно, насколько все плохо. Честно говоря, он не понимал, как до сих пор держится на ногах.

– Дай-ка я сам посмотрю, – попросил Макс, протискиваясь мимо Джейка в комнату Джастины.

На мгновение Джейк застыл на месте. Он представлял себе множество вариантов реакции Макса на случившееся, но даже вообразить не мог подобных холодности и бесстрастия, которые тот проявил на деле. Что происходит?

Джейк вслед за Максом вошел в комнату и увидел, как тот молча склоняется над телом Джерарда. До этого Джейк уже начал наводить порядок, но масштабы случившегося все еще были очевидны.

– До этого он запер ее в гардеробе, – произнес Джейк в слабой попытке объяснить.

– *Что* он сделал?

– Она так сказала. А потом... Ну, он... – Как сказать другу, что его отец ударил его сестру?

– Он, мать его за ногу, ударил ее, да?

Джейк кивнул, испытывая некоторое облегчение оттого, что Макс высказал это вслух вместо него.

– Он собирался ударить ее еще раз, а она его толкнула. Он неловко упал и ударился головой о стол. Прямо виском. Боже, Макс... Мне так жаль...

– Твою мать. Сволочь. Чертов ублюдок. – Макс был зол, более того, в ярости, но Джейк заметил: его ничуть не удивило, что его отец мог ударить Джастину. Казалось, он больше злится на Джерарда, чем

печалится о его смерти. Неужели эта ненависть жила в нем изначально?

– Где она? – спросил Макс.

– Я велел ей уйти. Она была в ужасном состоянии.

– Хорошо, и что теперь? Звонить в полицию? А если они ей не поверят?

– Знаю. Думаю, это слишком рискованно. Но у меня есть идея, – сказал Джейк.

Конечно, это был не совсем его план – перед тем как уйти, Джастина внесла несколько предложений, – однако он считал, что это может сработать, если действовать осторожно.

* * *

Они быстро и тихо перенесли труп в машину Джерарда и положили на заднее сиденье. Джейк мог поклясться, что физически ощущает, как кровь циркулирует в его жилах. Никогда раньше он не испытывал подобного страха – и все это время боялся, что Эвелин проснется и поймает их с поличным.

Макс настоял на том, чтобы вести отцовскую машину, сказав, что так он привлечет меньше внимания, если вдруг их увидят, и они направились по извилистым узким проселкам, ведущим прочь от города. Эти дороги и в лучшие времена были опасны, но был один заведомо сложный поворот, по одну сторону от которого склон холма, густо поросший старыми деревьями, круто уходил вниз.

Пока они ехали, Джейк вспомнил, как его мама всегда описывала происшествие в их гостиной, где он в пять лет ударился головой о ее новый кофейный столик: «Мой мальчик едва не погиб!» Может, они переборщили? Возможно, им стоило просто обратиться в полицию и рассказать правду... Но было уже слишком поздно: тело Джерарда лежало на заднем сиденье, Макс вел машину, а Джейк прятался в багажнике. Нет, пути назад больше не было.

Джейк не знал, как Максуду удалось сохранить достаточно хладнокровия, чтобы вспомнить о том, что им понадобятся перчатки, и захватить их из кухни. На перчатках был рисунок из желтых маргариток, и можно было решить, что они понадобились парням,

чтобы помыть машину перед Рождеством... а не спустить ее под откос и разбить о деревья с мертвым телом внутри.

Пока Макс стирал с машины лишние следы, Джейк перетащил Джерарда на водительское сиденье. Он устроил мертвеца так, чтобы его вес давил на педаль газа, и в процессе поймал себя на том, что извиняется перед Джерардом. Затем пристегнул тело и ослабил крышку бензобака. Просто для большей надежности. Не должно было остаться никаких сомнений, что Стоун-старший погиб в аварии. Джейк надеялся, что это сработает – однажды он видел такое в кино.

На счет «три» Макс, все еще не снимая перчатки с маргаритками, отпустил ручной тормоз, и они молча пронаблюдали, как машина съезжает с дороги и быстро набирает скорость. Вскоре она укатилась так далеко вниз по склону холма, что они уже не могли разглядеть ее в кромешной тьме.

На мгновение Джейк запаниковал: а если ничего не выйдет? Что, если машина не взорвется, как было запланировано? Сможет ли полиция определить, что травма головы была получена Джерардом не в результате аварии? Что, если стремительный спуск с холма и удары о деревья не причинили достаточного вреда? Однажды Джейк проезжал мимо места аварии, где ветка насквозь пробила водительское сиденье. Это был бы лучший вариант исхода. А как насчет худшего? Что, если машина проскочила мимо ряда деревьев?

Вдруг раздался громкий удар, и впереди заплясали языки огня – и это принесло Джейку странное чувство облегчения. Вскоре ночное небо окрасилось в цвет пламени, и он постарался прогнать мысль о том, что ветер несет с собой запах горячей плоти.

Некоторое время они стояли на обочине дороги и смотрели, как горит труп Джерарда. Они сделали это, они *действительно* сделали это. Облегчение от того, что все получилось, быстро сменилось ужасом. Что, если этого окажется недостаточно? Джейку захотелось бежать вниз по склону и проверить, но он понимал, что это слишком рискованно. Нужно было возвращаться назад, в город, пока еще темно. Странное чувство – когда тебе хочется бежать к месту катастрофы из желания удостовериться, что она достаточно разрушительна, а не из стремления помочь человеку, попавшему в беду. «В кого ты превратился, Джейк Рейнольдс?»

Охватившее его чувство вины стало почти невыносимым. Он уже собрался попросить прощения у Макса – в конце концов, это был его отец, – как вдруг тот произнес:

– Я думаю, тебе лучше уехать из города. И не возвращаться.

– Извини, что?!

– Джастина не сможет жить, чувствуя, что над ней висит тень всего этого. Она ведь не знает, что я здесь, верно? Но она позвонила тебе. Она не сможет больше смотреть на тебя, не вспоминая о том, что сделала – и что сделал ты. О том, что она заставила тебя это сделать. Ты действительно хочешь защитить ее? Я думаю, тебе следует уехать.

Уехать от Джестины? Неужели Макс прав? Джейк смотрел на горящую машину с запертым внутри телом Джерарда и понимал, что ничто уже не будет прежним, даже если он решит остаться. До появления Джестины он отчаянно стремился сбежать из Молдона. Она была единственным, что удерживало его здесь. А теперь? Джейк не знал, как им жить дальше, оставаясь друг для друга постоянным напоминанием о том, что они совершили. Она убила отца, а он покрывал ее... Но ее преступление хотя бы было случайным, а он намеренно предал тело Джерарда огню.

Внезапно Джейку захотелось бежать прочь и не останавливаться. Макс тоже считает, что так будет лучше для Джестины? Значит, Джейк может притвориться перед самим собой, будто не бросает ее. Он защищает ее.

Да, утром он сразу же уедет.

Но куда?

У него были кузены в Шотландии. Он скажет родителям, что просто спонтанно решил поехать к ним. В Глазго. Там он и останется. Где угодно, только не в Молдоне.

Что, черт возьми, он натворил?

Глава 37

Сегодня я приехала в Лондон на сеанс к Айе. После сеанса планирую встретиться с Отисом – хотя ему не обязательно знать, что я хожу к психотерапевту. Я опасаясь, что это усложнит ситуацию. Он должен продолжать верить, будто я крепкая. Прочная. Стабильная.

Я уже начала скучать по комфорту мягкого кремового дивана Айи, по шторам, ниспадающим идеально симметричными складками, и по аромату расслабляющей лавандовой свечи. За последние годы эта комната видела самые худшие мои качества. Я уверена, что без нее я просто выгорела бы. Только благодаря Айе и воздействию этой комнаты я живу той жизнью, которая у меня есть – или была до недавнего времени. Жизнью, в которой я считала себя счастливой, защищенной и успешной.

Айя сидит в кресле, которого я раньше не видела. Я и в лучшие времена не очень хорошо принимаю перемены, но это кресло кажется мне особенно весомым знаком; оно как будто символизирует, что все остальное, с чем я ассоциирую свою жизнь здесь, скоро изменится. Я продолжаю смотреть на него. Оно уродливо. Скорее напоминает кресло в приемной врача, чем сиденье, предназначенное для того, чтобы опуститься на него и расслабиться.

– Тебя это беспокоит? – спрашивает Айя.

– Что меня беспокоит?

– Кресло.

– Немного, – признаю я. – Жизнь непредсказуема. Непредсказуемы и мои чувства. Но я всегда знала, чего ожидать от этого места. Я не думала, будто что-то изменится.

– Хорошо, я хочу, чтобы ты как следует подумала, прежде чем отвечать: на тебя влияют перемены или тот факт, что ты не контролируешь эти перемены?

Я понимаю, что эти сеансы работают только в том случае, если я максимально откровенна, и хотя есть вещи, которые я не могу рассказать Айе, я хочу исправить те части себя, которые все еще сломаны.

– Дело в том, что я не контролирую их, – определяюсь я с ответом.

– Трудно отказаться от контроля. Передать ключи от машины кому-то другому. Может быть, мы поговорим об этом подробнее, если ты не против? Я бы хотела попробовать кое-что.

Я киваю. Я всегда немного настороженно отношусь к упражнениям, которые придумывает Айя. Обычно они кажутся гораздо менее значимыми, чем есть на самом деле, и я понимаю, что именно в такие моменты я, скорее всего, могу раскрыться слишком сильно.

– Отлично. А теперь представь, что ты за рулем этой машины, ключи от которой есть только у тебя. Ты можешь ехать куда захочешь. Увидеть кого захочешь. Куда бы ты поехала? Ты контролируешь ситуацию, не забывай. Время и расстояние здесь не играют никакой роли. Самое главное – и я хочу, чтобы ты поняла, что это ключевой момент в работе, – все ожидания, связанные с этим человеком или местом, исчезли. Есть только ты и эта машина. Возможно всё.

Куда угодно. К кому угодно. Шанс начать все сначала. На самом деле она дает мне возможность стереть прошлое. Даже изменить его. Если я захочу.

Куда бы я отправилась?

С кем бы я встретилась?

Только когда я чувствую, как слезы катятся по моим губам и стекают по подбородку, я осознаю, что плачу.

– Домой, – отвечаю я. – Я бы поехала домой.

Впервые за восемнадцать лет я назвала дом, в котором выросла, именно *домом*.

* * *

Остаток нашего сеанса с Айей прошел по более предсказуемому сценарию. Мы затронули старые темы и довели до конца разговор о том, как справиться с горем, и о том, как оно может проявляться. К окончанию часа я чувствовала себя восстановившейся. Я снова обрела контроль. Не только над своими эмоциями, но и над Айей. Иногда я его упускаю. Она слишком ловка, хотя обычно мне удается ее подловить. Она заставляет меня быть начеку. Возможно, это и есть истинная причина, по которой я продолжаю приходить сюда.

Я размышляю над этим, произнося одними губами слово «дом», и замечаю Отиса. Я думала, что он начнет расспрашивать о том, чем мы сегодня должны заняться, но у него есть свои новости, которыми он хочет поделиться прежде всего.

Пока мы идем, он рассказывает мне, что Беверли Рашнелл тоже хранила свои секреты. По словам Отиса, за два месяца до убийства она наняла частного детектива по имени Грант Аспинолл, чтобы тот следил за ее мужем. И что самое интересное: она подозревала, что у ее мужа была любовная связь на стороне.

Вот с этим я могу работать. Любовная размолвка – история старая, как время. Любовь, ревность, примирение, убийство... Они идут рука об руку. Я вспоминаю материалы дела и тот факт, что время смерти обеих жертв укладывается в пятнадцатиминутный промежуток. Неизвестно, кто погиб первым. В голове проносятся всевозможные варианты, и я обнаруживаю, что мне даже жаль Кристину Лэнг.

Подобная история – ярость, подпитываемая вожделением, – это то, что гарантированно вызовет сочувствие у присяжных. А если защита докопается до этих сведений, то Джейк может просто сорваться с крючка. Может быть забавно. Сделала ли это любовница, пришедшая отомстить? Муж, разъяренный выяснением отношений, а затем охваченный чувством вины? Или, что еще интереснее, отвергнутая возлюбленная, желающая покончить со всем этим? Это также хорошо согласуется со свидетельскими показаниями соседки, утверждавшей, будто отношения между супругами были напряженными.

– Известно, была Беверли права в своих подозрениях или нет? Была ли у него другая женщина?

– Я ее пока не обнаружил, – отвечает Отис, – но не исключая, что такой тип, как Марк, и в этом тоже окажется жуликоватым ублюдком.

Слюна у меня во рту становится густой, но я стараюсь не реагировать на это. Я вспоминаю слова сержанта Сорчи Роуз о том, что никто не может быть абсолютно хорошим, и пытаюсь утешиться этим. Если никто не может быть абсолютно хорошим, то, конечно, он не может быть и абсолютно плохим. Переспав с Джимми, я совершила ошибку. Я всего лишь человек. Но это не значит, будто я заслуживаю того, чтобы вся моя жизнь рухнула у меня на глазах. Или, если взять Марка Беверли, он не заслуживает того, чтобы быть застреленным.

К счастью, от ответа меня спасает то, что мы останавливаемся возле адвокатской палаты, где работает Кристина Лэнг.

– Ты уверен, что твои сведения точны? Она действительно сейчас в суде? – спрашиваю я.

– Мои сведения всегда точны, большое спасибо за доверие.

– Хорошо. Тогда увидимся здесь, постараюсь управиться поскорее. Только не просмотрю ее, хорошо?

Он утвердительно кивает, заверяя, что мне не о чем беспокоиться, но затем произносит «удачи» – и это, как мне кажется, нивелирует его внешнюю уверенность.

Тем не менее мы уже зашли слишком далеко, поэтому я поворачиваюсь на каблуках, расправляю плечи и демонстрирую всю непринужденность, на которую способна. Напоминаю себе, что я обучена искусству манипулирования. Это мой мир.

На предшествовавшем этой встрече сеансе с Айей на мне не было туфель на невысоких каблуках. Не было и черной юбки-карандаша с приталенным жакетом – в них я переоделась перед тем, как отправиться сюда. Айя знает, что я в так называемом отпуске по личным проблемам, а значит, у меня не должно быть абсолютно никаких причин одеваться как юрист. Но если я собираюсь провернуть дело, если я действительно собираюсь пробраться в офис Кристины и порыться в досье Джейка, дабы найти то, что нужно, то мне, конечно же, потребуется слиться с обстановкой.

Решительно направляюсь к входу и улыбаюсь – как я надеюсь, одновременно скромно и обольстительно. Смотрю слегка свысока на пожилого мужчину, который подошел к двери, закрытой на электронный замок, чуть раньше меня. Это срабатывает. Он говорит «здравствуйте» и улыбается, открывая передо мной дверь. Признаться, сейчас я себя ненавижу. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер. К тому же если б подобные люди не были такими старыми ловеласами, они на это не повелись бы. «Он сам виноват», – говорю я себе, чтобы не чувствовать раскаяния. Я просто играю по их правилам.

К счастью, сегодня в палате многолюдно. Офисные помещения наполнены шумом – повсюду шелестят бумаги, люди деловито снуют между столами, звонят телефоны. Хорошо. Все слишком увлечены своими делами, чтобы заметить меня.

Я медленно прохожу через помещение, читая имена на каждом из боковых кабинетов, пока не вижу нужное мне. Кристина Лэнг. Кабинет представляет собой стеклянный «аквариум», и я понимаю: чтобы перевернуть это дело, нужно действовать быстро. Еще раз проверяю телефон, убеждаюсь, что предупреждений от Отиса нет, и только после этого проскальзываю в кабинет Кристины и плотно закрываю за собой дверь.

Выдвигаю первый попавшийся ящик и с радостью вижу, что Кристина так же тщательно следит за организацией и ведением документации, как и я. Именно на это я и рассчитывала. Невозможно подняться высоко, будучи неряхой. Папки расположены в алфавитном порядке, и я быстро нахожу «Финчли, Б.». Мои руки потеют. Я представляла себе, что буду двигаться ровно и спокойно, быстро перелистывая страницы. Но на самом деле я все время нервно дергаю пальцами и путаюсь в них.

В конце концов я нахожу то, что ищу: Роман-роуд, 110, Летчуэрт. Это адрес, по которому поселился Джейк на период освобождения под залог. Быстро фотографирую этот адрес и отправляю Отису. Я не верю, что смогу запомнить его, – а ведь у нас только один шанс. А потом я покидаю кабинет. Пот струйками стекает по спине.

Открываю дверь, выхожу на свежий воздух, и меня охватывает восторг от только что сделанного. Боже, это было весело... Я подлетаю к Отису, который смотрит на меня, подняв брови.

– Что-то шустро ты управилась, а? – замечает он.

– Конечно. – Я торопливо достаю из сумки конверт, в котором лежит мое письмо. – Как ты его передашь?

– У него на лодыжке браслет с маячком, к тому же ему назначен комендантский час, но формально условия позволяют ему выходить из дома после наступления темноты, если он не покидает границы определенного участка. Каждую пятницу его приятель уходит играть в покер, так что сегодня подозреваемый останется дома один. Я сам доставлю письмо. Ему разрешено получать корреспонденцию – главное, чтобы он был уверен, что его ответ не будет перехвачен или прочитан кем-то еще, кроме тебя. Ты дала ему два дня на то, чтобы ответить, так?

– Верно.

– Хорошо. Впереди ночь перед вывозом мусора, так что он сможет использовать это как предлог, чтобы выйти к контейнерам после наступления темноты и оставить там письмо для меня. Вдоль бокового въезда растут деревья, и я уверен, что смогу незаметно подобраться к контейнерам, чтобы забрать ответ. Никто даже не узнает, что он отправлял письмо.

– Ты лучший. Спасибо. И удачи, – говорю я, передавая письмо. Важно, чтобы Джейк чувствовал себя в безопасности и мог рассказать правду.

– Пожалуйста, – отвечает Отис, и это дежурное слово в его устах звучит уверенно. Утешительно. Он говорит искренне. Я не могу выразить, насколько признательна за то, что еще остался хоть один человек, которому я могу доверять. Вместо этого я коротко обнимаю его – впервые за все эти годы, и, хотя он напрягается и слегка краснеет, я понимаю, что это много для него значит.

С этим мы расстаемся и расходимся в разные стороны: я – в Молдон, а он – на Роман-роуд, 110, чтобы дожидаться наступления темноты, а затем вручить письмо.

Дорогой Джейк!

Не стану лгать и утверждать, будто мне легко подобрать слова. У меня ужасно много вопросов. Надеюсь, у тебя все хорошо – хотя, наверное, это нелепое выражение... Я не могу поверить, что спустя столько лет снова нашла тебя. Какое-то время я сомневалась, жив ли ты вообще. Ты провернул свое исчезновение просто потрясающе!

Надеюсь, ты не против, что я с тобой связалась. Учитывая, что ты легально сменил имя, чтобы скрыться от меня, полагаю, вряд ли ты ждал и желал получить от меня весточку, но ты когда-то помог мне, и я задаюсь вопросом – могу ли я помочь тебе сейчас? Я просто хочу знать правду. Ты, наверное, не знаешь, но я работаю юристом по уголовным делам и знаю, что без тебя я вряд ли смогла бы этого достичь. Позволь мне помочь тебе.

Ты действительно сделал то, в чем тебя обвиняют? Как такое могло случиться?

Еще я подумала – ты должен узнать, что Макс мертв. Его тело выловили в море у берегов Мерси. Полиция сочла, что в его смерти нет ничего подозрительного, но я не могу отделаться от мысли, что они что-то упускают. Что я что-то упускаю.

Я просмотрела записи с камер видеонаблюдения, Джейк. Я знаю, что ты встречался с Максом в «Синем орле». О чем вы спорили? Ты знаешь, из-за чего он мог умереть? У него были проблемы? Или у вас обоих?

Если ты решишь ответить (а я действительно хотела бы получить от тебя ответ), то через два дня – после наступления темноты, но до двух часов ночи – оставь письмо под мусорным баком. У меня есть знакомый, который сможет забрать его незаметно. Никто никогда не узнает, что ты написал это письмо, и только я прочитаю его. Обещаю. Пожалуйста, доверься мне снова.

Твоя Джастина

Глава 38

Я вижу ее, как только выезжаю на улицу, ведущую к маминому дому. Она сидит на ограждении у кромки воды напротив нашего дома. Несмотря на жару, капюшон ее худи накинут на голову.

– Ждете меня? – спрашиваю я, устраиваясь рядом с ней, и Элис Майерс кивает, хотя я замечаю, что она избегает смотреть на меня, как будто все еще не уверена, правильная ли это идея – прийти сюда.

Сегодня черное устье реки особенно завораживает. Как может что-то настолько прекрасное быть настолько смертоносным? Эта вода погубила моего брата.

– Хотите зайти в дом?

– Нет, я ненадолго.

– Всё в порядке? Вам нужна помощь?

Элис качает головой. Я понятия не имею, что она собирается сообщить, но интуиция подсказывает: это предназначено только для моих ушей. Оглядываясь по сторонам, не видно ли где-нибудь сержанта Роуз. Я не параноик, но мне не нравится отсутствие контроля, а в том, как сидит Элис – сгорбившись и явно нервничая, – есть нечто, заставляющее ощущать, будто вот-вот произойдет событие, способное выбить меня из равновесия.

– У меня тоже есть брат, – начинает Элис, и от ее слов у меня по спине бегут мурашки. – Я просто подумала, что должна рассказать вам; вдруг это важно...

– Что рассказать? – Меня раздражает неуместное, ломкое отчаяние, звучащее в моем голосе. По опыту многолетней работы со свидетелями я знаю, как важно не спугнуть ее, но внутри у меня растет уверенность: что бы Элис ни сказала дальше, это изменит все. Что ей известно? Какая-то часть моего разума – самая худшая часть – беспокоится не столько за Макса, сколько за себя. Что именно знает эта девушка? И кому еще она успела это поведать?

– Обещаете, что никому не расскажете?

– Что не расскажу? – переспрашиваю я, уклоняясь от ответа. Еще одно важное правило при работе в суде: никогда не давай обещаний, которые не сможешь выполнить.

Я боюсь показаться слишком напористой, поэтому даю ей время подумать, и мы продолжаем молчать. Все мои силы уходят на то, чтобы не сдернуть ее с ограждения, на котором мы сидим, и силой не вытянуть из нее сведения. Но потом я замечаю, как она пару раз судорожно дергает головой, словно готовясь заговорить, и поворачивается ко мне.

— Это правда, что считают, будто Макс погиб одиннадцатого июля?

— Да. А что?

— Ну, моя подруга должна была забрать меня после смены, чтобы мы поехали к ней, но опоздала. Мне стало скучно ждать ее, и я пошла домой пешком. Обычно я так не делаю, потому что родители запретили мне гулять поздно вечером по набережной в одиночку.

Я стараюсь не торопить ее, но мне, конечно же, плевать, что ей запретили, а что разрешили.

— В общем, когда я их увидела, было уже за полночь.

— Увидела их? Кого вы видели? Макса?

— Да. — Голос ее становится еще тише. Она определенно напугана. Чем?

— Всё в порядке. Я очень благодарна за то, что вы мне рассказали. — Я стараюсь говорить как можно спокойнее.

— Это был Макс, и он... он... — с трудом выдавливает Элис. Это убивает меня. Я не уверена, долго ли еще продержится мое терпение. — Он стоял у кромки воды, прямо у лодок. Там темно, но у одного из промысловых катеров горел подфарник, и я могла видеть. Достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, во всяком случае.

— Уверенной в чем? Что вы видели? Элис, с кем он был?

Она снова оглядывается по сторонам. Подается ближе ко мне. Информация, которой она располагает, предназначена только для моих ушей.

— Он был с Джимми.

Голова у меня кружится. На глаза наплзает черный туман, заволакивая зрение. Только не Джимми! Должно быть, она ошиблась. Он говорил мне, что не видел Макса в течение примерно двух месяцев до его смерти. И испытывал чувство вины из-за этого.

— Что именно вы видели?

– Они были возле катеров в устье реки. У меня не получилось ничего расслышать. Было ветрено, и я находилась довольно далеко. Но было похоже, что они спорят.

– Почему вы так решили? – Я понимаю, что говорю как юрист – видимо, сказывается профессиональная привычка, – но мне важно это услышать.

– Я не разобрала, о чем они говорили, но слышала, как это звучало, с какими интонациями, и мне показалось, что они кричат. Злятся друг на друга.

– Что-нибудь еще?

– Я мало что видела... Простите. Я просто шла домой.

Излишнее давление может сломить ее, и мне приходится напоминать себе, что мы не в зале суда.

– Всё в порядке. Все хорошо. Не паникуйте. Не спешите; подумайте о том, что еще может быть связано с Максом и Джимми. Очевидно, вы боялись мне рассказать. Вы были убеждены, будто видели то, чего не должны были видеть. Почему? Что заставляет вас так думать?

Чего-то в ее рассказе недостает, и мне нужно, чтобы она докопалась до этих недостающих мелочей. В большинстве случаев половина успеха заключается в том, чтобы выудить из свидетелей подробности.

– В день, когда проходил «грязевой забег», лицо вашего брата было на плакатах по всему городу. Тогда-то я и поняла, что он не только тот самый парень, который спорил на набережной с Джимми, но и тот маньяк... простите, – извиняется она, осознав, что речь идет о моем брате, – который участвовал в потасовке. Я вспомнила, что в нашу первую встречу вы дали свой номер телефона и что он до сих пор лежит у меня в сумке. Вы просили меня связаться с вами, если я вспомню что-нибудь еще. В общем, я подумала, что, если просмотрю эту потасовку еще раз, наверное, сумею вспомнить еще что-нибудь важное. Я пошла искать запись с камер видеонаблюдения – их обычно хранят в подвале, а потом пишут новые поверх них, – но не нашла ее. Ее там не было. Я не решилась спросить об этом Джимми. Он ведь велел нам после ареста того парня никому не рассказывать о потасовке. Обычно я слушаюсь его, но теперь в деле уже три трупа... Мне жаль, что я ничего не рассказала раньше.

– Не извиняйтесь. Спасибо, что сообщили мне все это. – Я вынуждена успокаивать ее, но внутри у меня все кипит. Правда, причина этого не в ней, а в Джимми. Пропажа записи с камер видеонаблюдения – уже улика. Это означает, что он что-то скрывает.

По крайней мере в одном можно быть уверенным: Джимми солгал мне, что в последнее время не виделся с Максом. Я снова думаю о том, как он на похоронах тер руками лицо, словно пытаюсь избавиться от боли.

«От осознания вины».

Я даже утешала его по этому поводу. Говорила ему, что все мы могли бы общаться с Максом чаще, чем делали это. Что он не виноват. Но после нашего разговора я вспомнила – я тоже виновата, ведь я не вернулась домой, когда Макс просил меня об этом...

И снова мне на ум приходит отчет об убийствах в Великобритании, который недавно лег ко мне на стол. По статистике, в Великобритании женщин чаще всего убивает партнер или член семьи, а мужчин – друг.

Нет никаких доказательств того, что Джимми причастен к смерти Макса, но он, конечно, знает больше, чем утверждает. А это, на мой взгляд, само по себе преступление.

* * *

Я изо всех сил колочу в его входную дверь, и каждый удар отдается во всем моем теле. Как Джимми посмел лгать мне?

Как только он открывает, я вталкиваю его обратно внутрь и захлопываю дверь за собой. С одной стороны, я понимаю, что поступаю не очень разумно: я должна собрать улики, подготовиться к тому, чтобы предъявить ему неопровержимое обвинение. Но другая часть моей души переполнена яростью. Я чувствую себя грязной при одной только мысли об этом. Я спала с убийцей своего брата... Как я смогу отмыться от этого?

– Ты лживый ублюдок! – кричу я, тыча пальцем ему в грудь, когда он отступает к стене коридора.

– Какого черта, Джастина? – Джимми выглядит неподдельно испуганным. Отлично.

– Она видела тебя. Элис Майерс. С Максом. У той самой долбаной реки, в ту самую ночь, когда он погиб.

– Черт, – произносит он, и я впечатываю кулак в стену рядом с его лицом.

– И это всё? – Делаю шаг назад и пытаюсь взять себя в руки. Вид у Джимми жалкий – он прижимается спиной к стене и судорожно вцепляется в свои растрепанные волосы. Как он вообще мог показаться мне привлекательным? – Ты убил его?

Я не очень-то верю в это, даже когда вопрос слетает с моих губ, но все же его нужно задать, чтобы исключить такую возможность.

– Что? Нет! Это просто нелепо.

– Правда? Ты уже солгал мне, будто давно не виделся с ним. Зачем ты это сделал, если тебе нечего скрывать?

– Я не убивал Макса, Джастина. Ты же знаешь, что я ни за что этого не сделал бы.

По-прежнему упираясь рукой в стену, я смотрю на него. Мы совсем рядом. Я чувствую его дыхание на своем лице. Неужели он говорит правду? Тишину между нами заполняет музыка, доносящаяся из гостиной. Я узнаю в ней «Yellow». Джимми слушал любимую песню Макса.

Моя ярость мгновенно испаряется, и вместо раскаленного гнева я ощущаю лишь пустоту. Макс мертв. Его нет. И все, чего я хочу, – это выяснить, что с ним случилось. Я должна узнать правду.

– Почему ты соврал? – снова спрашиваю я, опускаясь на нижнюю ступеньку лестницы.

Через некоторое время Джимми садится рядом со мной. Мы вдвоем пусть и с трудом, но умещаемся на одной узкой ступеньке. Я даже не вздрагиваю от его близости, от того, что его нога и плечо касаются моих. Во мне просто не осталось сил на противостояние.

– Клянусь тебе, Джастина, я не убивал Макса. Но ты права, я встречался с ним той ночью.

– Почему ты молчал?

– Я знал, что это заставит меня выглядеть причастным к делу. – Его голос полон раскаяния.

У меня вырывается слабый смешок. Это чертовски банально. Каждый человек всегда заботится о себе, любой ценой – лишь бы эта цена не касалась его самого. Я знаю это лучше, чем кто-либо другой.

– А как же пропавшая запись с камер видеонаблюдения?

– О чем ты говоришь? Она не пропала; ты попросила ее посмотреть, а я просто не вернул ее на место. Я был немного не в себе после того, как нашли тело Макса. Возможно, она все еще лежит на моем столе в офисе. Сходи проверь, если хочешь.

– Нет, я тебе верю. Но ты все равно солгал мне, и теперь, насколько я знаю, ты последний человек, который видел Макса живым. Ты должен мне все рассказать, – говорю я, и это не просьба, а требование.

Прежде Джимми-друг

Джимми пытался укрыться от ветра за одним из катеров, примостившись как можно ближе к кромке воды. Даже спрятанные в карманы куртки пальцы начинали ныть от холода. Долго он так не выдержит.

Они договорились встретиться в половине двенадцатого ночи. Это было самое раннее, когда Джимми мог уйти из паба, — он даже доверил Элис запереть дверь, а ведь эту обязанность он перепоручал кому-то только в экстренных случаях. Макс убедил его, что сегодня как раз один из таких случаев. Но до сих пор так и не появился. Джимми переминался с ноги на ногу, пытаясь согреться. Надо подождать еще немного...

Мне нужно кое-что объяснить. Это срочно. Встретимся сегодня на набережной?

В прошлый раз Джимми видел Макса примерно месяц назад, когда тот пришел в его паб и устроил потасовку с Джейком, а бедной Элис пришлось с этим разбираться. О чем он только думал? Это было совсем на него не похоже. Джимми тогда оставил Максу голосовое сообщение с просьбой перезвонить и объяснить, что, черт возьми, произошло, но с тех пор прошло несколько недель, и до сегодняшнего дня от него не было никаких вестей. А сегодняшнее сообщение вызвало у Джимми раздражение. Он же попросил Макса рассказать ему о ссоре несколько недель назад! Почему тот отозвался только сейчас?

Но как бы Джимми ни был раздосадован, его не покидало беспокойство.

Он просмотрел запись с камер видеонаблюдения. Макс был просто не похож на себя: он постоянно озирался по сторонам, выглядел напряженным, и вообще весь его облик изменился в худшую сторону.

Обычно Макс привлекал внимание по совершенно другим причинам. И, безусловно, Джимми никогда раньше не видел, чтобы он дрался. Чем больше Джимми думал об этом, тем сильнее закипал в нем гнев. Когда Макс ни с того ни с сего прислал сообщение, он едва не ответил отказом – как тот посмел не позвонить раньше и не извиниться? Если б не беспокойство, которое Джимми не мог подавить, он не торчал бы здесь, замерзая до полусмерти.

Джимми не понимал: зачем им обязательно встречаться именно здесь, да еще так поздно? Но Макс настоял. Это должно было быть конфиденциально. Очень конфиденциально.

«Что ж, – подумал Джимми, оглядываясь по сторонам, – более уединенного места и не придумаешь. Так где же ты, черт возьми, шляешься?»

Сначала он увидел тень, вырисовывающуюся на фоне одной из лодок, и по тому, как она пошатывалась, понял, что Макс пьян, – еще до того, как он появился в поле зрения. Джимми хотел попытаться начать всё с чистого листа, но ситуация снова не на шутку разозлила его.

– Ты пьян.

– Да.

– И ранен, – добавил Джимми, заметив, что по правой руке Макса течет кровь, капая с пальцев.

– Мне нужна твоя... нужна твоя... – начал было Макс, но не успел закончить фразу, склонился над водой и содрогнулся в приступе сухой рвоты.

– Дружище, серьезно, я здесь не для этого. Я жду уже целую вечность и совершенно замерз. Расскажи мне о той драке, когда протрезвеешь, ладно? А я пойду домой. – Он направился прочь.

– Джимми, – окликнул его Макс, и Джимми обернулся, услышав, как клокочет дыхание в горле друга. Он не мог сказать точно, был ли причиной тому свет от фары катера, отбрасывающий тени на лицо Макса, но ему показалось, что тот выглядит затравленным. Одутловатое лицо, запавшие глаза, обрамленные большими темными кругами...

– Ты должен понять, я совершенно не хотел, чтобы это случилось. – Его речь была бессвязной.

– Давай поговорим об этом завтра, хорошо? Иди домой, Макс. Ты пьян.

– Но я... *пожалуйста*.

– Честно говоря, это не так важно. Иди домой и приведи себя в порядок. – И Джимми пошел прочь, прибавив шагу в попытке согреться. Он не был уверен, не померещилось ли ему, но словно бы услышал голос Макса, донесенный ветром. Два простых слова: «Не могу».

Глава 39

– Ты просто бросил его там? Пьяным, у воды? Одного? – Джимми ничего не отвечает, и это задевает меня еще сильнее. – Он был твоим лучшим другом.

Мой голос срывается от ужаса. Дважды Макс просил о помощи, и оба раза его бросали. Сначала я, а потом Джимми.

– Знаю. Я ужасный друг. Худший в мире.

– Ты даже не позволил ему ничего объяснить? Ты до сих пор не знаешь, из-за чего он подрался с Джейком? Или о чем он хотел тебе рассказать?

– Нет. Конечно, лучше б я не уходил. Но я замерз, а он едва мог связать пару фраз.

– Ты думаешь, он сделал это? Что после того, как ты ушел, он... – Я не могу заставить себя закончить мысль.

– Я все время думаю об этом. То есть я пытался не думать. Перепробовал все, чтобы забыть. – И по тому, как Джимми произносит «все», я понимаю, что в числе прочего он имеет в виду и ночь, проведенную со мной. – Но так и не смог. – Он смещает руку так, что она оказывается чуть выше моего колена, и я смотрю на нее как в замедленной съемке, пока он набирается смелости, чтобы положить ладонь на мою ногу. К собственному удивлению, я позволяю ему это сделать. – Он был совершенно не в себе, таким я его никогда... Я даже не могу объяснить это толком. Он был пьян, безусловно. Но я и раньше видел его пьяным. Тут было что-то другое... Что-то еще. Он словно сошел с ума. То ли он просто упал в воду – мы были на самом краю набережной, – то ли мой уход стал для него последней каплей... я просто не знаю. Я даже выразить не могу, как мне жаль. Хотел бы я знать, что он пытался мне сказать...

– Что ж, я собираюсь это узнать.

– Я уверен, что узнаешь, и я тебе верю. Я постараюсь помочь – на этот раз по-настоящему... Ты позволишь?

– Ты бросил его там, – повторяю я. Это так и будет стоять между нами. Я не позволю ему убежать от правды.

– Знаю.

– Ты убил его. – Я выговариваю это медленно. Я знаю, что эти слова причиняют Джимми боль, но они правдивы, независимо от того, толкнул он его в реку или нет.

И все же я знаю, что Джимми любил Макса. Все мы совершали ошибки, которые привели нас сюда, это я могу признать.

– И все же мне нужна твоя помощь, – продолжаю я, спускаюсь с лестницы и направляюсь в гостиную, жестом приглашая его следовать за мной.

Я не простила Джимми и сомневаюсь, что когда-нибудь прощу, но я возвращаю себя к жизни единственным известным мне способом: подготавливаю дело.

* * *

Пока Джимми не видит, я достаю из пачки две таблетки кодеина и глотаю их всухую. Стараюсь не думать о том, что слишком привыкла к этому, и просто сосредотачиваюсь на том, насколько бодрее чувствую себя уже через несколько минут.

Когда я прошу Джимми рассказать мне все, что он знает о Максе, начиная с того дня, когда я уехала, он не сразу меня понимает. Он знает, что мы с Максом поддерживали отношения. Я пытаюсь объяснить ему свою теорию истины, которая заключается в том, что истины не существует. Или, по крайней мере, она существует, но лишь в определенном виде; у нее столько слоев и деталей, что одному человеку просто невозможно охватить все.

Чтобы попробовать объяснить свою мысль, я прибегаю к притче о слепцах и слоне. В этой истории слона приводят в темную комнату и просят четырех слепцов ощупать и описать животное. Все они прикасаются к разным частям тела, и каждый описывает их идеально. Их описание слона соответствует их истине. Они не лгут. Но только когда все части собраны вместе, получается настоящее описание слона.

– Никто не лжет, – продолжаю я, – мы просто не способны уловить *всю* правду.

– Ладно, и ты думаешь, что я могу помочь собрать те части, которых у тебя еще нет? Я правильно понимаю?

– Может быть, ты держишься за хвост слона, – отвечаю я, пожимая плечами. Джимми смотрит на меня так, будто я сошла с ума, но уголки его губ тоже приподнимаются, и он задерживает взгляд на мне чуть дольше, чем нужно.

«Ты не простишь его», – напоминаю я себе.

В первые пять минут Джимми не рассказывает о Максе ничего такого, чего бы я уже не знала, но я говорю себе, что нужно набраться терпения, и напоминаю: даже если мне кажется, будто я знаю эту часть истории, нужно обращать внимание на мелочи. И тут Джимми снова упоминает масонов.

– Постой, – перебиваю я. – Ты уже говорил, что почти все в этом городе были масонами и тебя тоже пригласили вступить в их общество. Значит ли это, что твой отец тоже был масоном?

– Был.

Укоряю себя за промах. Я давно собиралась расспросить Джимми поподробнее о здешних масонах и о том, что именно ему было известно о принадлежности моего отца к этой организации. С тех пор как Чарльз настоятельно предложил мне сделать перерыв в работе, я была не в себе. Я словно распалась на части – если я не успешный юрист, то кто же я? Мой успех в работе – единственное, что отгораживает меня от того, кто я есть на самом деле. Неужели я что-то упустила? Не здесь ли ключ к разгадке?

– Может, у тебя есть фото кого-нибудь из членов ложи того времени?

– Конечно, кажется, на чердаке целая коробка с его масонскими вещами.

Меня пробирает дрожь. Я пока не могу понять почему, но уверена, что ответ на вопрос о смерти Макса кроется в том, что лежит в этой коробке.

* * *

– Вчера ко мне ни с того ни с сего заглянула сержант, – сообщает Джимми с лестницы, и его голова исчезает в чердачном люке, а затем он поднимается вверх.

– Это в ее духе. Что ей было нужно?

Я добираюсь до верха и опускаюсь на колени на дощатый пол чердака. Помещение просторнее, чем я ожидала, и я воображаю, что могу спрятаться здесь на некоторое время. Айя говорит, что мой мозг постоянно находится в состоянии «бей или беги» и что мне нужно перестроить образ мышления, чтобы не ожидать опасности непрерывно. Не уверена, что она повторила бы свой совет, если бы знала всю правду. Учитывая, что детектив-сержант все еще задает вопросы, я думаю, Айя сказала бы, что разумнее искать способ исчезнуть. На всякий случай продумать план побега.

Джимми роется в углу, и я вижу, как он выдвигает большую картонную коробку.

– Она спросила меня, виделся ли я с Максом в ту ночь, когда умер твой отец.

– Что? Почему? Что ты ей ответил? – Я хватаюсь за ближайшую коробку, чтобы устоять на ногах, и мои пальцы погружаются в толстый слой пыли.

– Я сказал, что не видел его, потому что твой отец устраивал у вас дома рождественскую вечеринку. Все в тот вечер были либо там, либо в «Синем орле» на праздновании дня рождения бабушки Джейка. Я сидел в «Синем орле». Не настолько я важная птица, чтобы удостоиться приглашения от твоего отца, – язвит он, и я заставляю себя рассмеяться.

– Почему она так интересуется той ночью? Она говорила что-нибудь еще?

– Ей было интересно узнать, не ушел ли Джейк из паба раньше времени.

– Что ты ей сказал?

Джимми с любопытством смотрит на меня и сдвигает брови.

– Правду. – Он пожимает плечами.

– И какую же? Извини, это еще один вопрос. Разумеется, у меня тоже есть вопросы насчет Джейка – и насчет того, почему он меня бросил. Он познакомился там с другой девушкой?

Я морщусь. Даже я понимаю, что это плохая отговорка. Не самая лучшая моя работа.

– Он вышел, чтобы посадить свою бабушку в такси, и больше я его не видел. Но я был пьян, а в пабе было полно народу даже после закрытия. Я не был лучшим другом Джейка, мы не стали бы искать

друг друга в переполненном зале. Так что я не знаю. Не могу сказать наверняка, вернулся он или нет.

Почему сержант Роуз не хочет просто забыть об этом? Ей требуется что-то доказать? Она потеряла репутацию в Манчестере и была переведена – с понижением в должности – в маленький тихий городок. Может быть, это случилось из-за чего-то подобного?

– Вот, – говорит Джимми, ставя коробку на пол возле моих ног и кивая в ее сторону. Достает из кармана джинсов ключ и разрывает им скотч, которым заклеена коробка. Ее явно не открывали уже много лет.

Я всегда знала, что масонство поддерживает атмосферу «непохожести» и «исключительности», и сейчас это ощущение лишь крепнет во мне. Это братство, объединенное тайнами, странными правилами и традициями. Я достаю вещи одну за другой. Фартук из мягкой белой кожи, отделанный светло-голубой тканью и украшенный тремя розетками и серебряными накладками. Мантия. Белые перчатки. Что все это значит?

На дне коробки я нахожу фото. Еще не сдув с нее пыль, ясно вижу, каким был тогда мой отец. Это фотография чего-то похожего на масонский бал. Мужчины в костюмах с белыми пиджаками, женщины в красивых балльных платьях...

Я переворачиваю снимок. На обратной стороне написано: «Благотворительный бал рыцарей-тамплиеров». Я снова переворачиваю фото, сама не зная, что ищу. Но опыт подсказывает: нужно смотреть на вещи снова и снова, пока некая мелочь, неявная с первого взгляда, вдруг не покажется настолько очевидной, что ты удивишься, как не замечал ее раньше. Я готова смотреть на эту фотографию до тех пор, пока до меня не дойдет.

Однако этого не требуется. Я вижу это сразу же. Звезда шоу – отец Джимми, широко улыбающийся и поднимающий бокал с красным вином в сторону камеры. Но если присмотреться, то можно увидеть и другого человека. Зернистая фигура на заднем плане. Он повернут боком, его ноги слегка согнуты, как будто он либо собирается сесть, либо только что встал со своего места, – а рядом с ним стоит женщина. Прическа свидетельствует о том, что это не его жена. У его жены длинные вьющиеся волосы, а не короткое прямое каре. Он явно не хотел бы, чтобы его жена увидела эту фотографию.

Его рука лежит на пояснице женщины. Слишком низко, чтобы это выглядело естественно. Женщина с короткими волосами не смотрит в камеру, но видно, что ее голова откинута назад. Она смеется? Она опирается на его руку? Он просто поднимается со стула? Не слишком ли интимным выглядит расположение его ладони? Не слишком ли наигранным кажется ее смех? Нам, женщинам, известно, что такое нежелательное внимание.

Или он, наоборот, садится, а не встает? Не собирается ли она после этого усесться к нему на колени? Охотно. Покорно. Действие, запечатленное на фотографии, непонятно. В этом и заключается проблема единственного момента, схваченного объективом. Но кем бы ни была женщина, от присутствия на снимке этого мужчины у меня перехватывает дыхание. Да, Отис был прав. Не существовало никакой связи между Марком и Молдоном или фирмой моего отца, но была другая связь, которую мы до этого момента не видели.

И вот она у меня перед глазами. Марк Рашнелл и мой отец были масонами. Они были не из одного региона, скорее всего из разных масонских лож, но если на фото запечатлен отец Джимми, то, судя по всему, мой отец тоже присутствовал там.

Я смотрю еще раз, проверяя, не упустила ли я чего-нибудь еще, и тут замечаю *это*. Свободная рука коротко стриженной женщины опущена вдоль бока. Тыльная сторона кисти слегка повернута в сторону камеры. Я прищуриваюсь и подношу фотографию ближе, жалея, что это не цифровая рамка, чтобы можно было увеличить изображение. Тем не менее я вижу *это*. На ее безымянном пальце блестит кольцо с изумрудом овальной огранки в золотой оправе. Камень настолько велик, что его невозможно не заметить, и еще более экстравагантным его делает то, что он обрамлен венцом из бриллиантов. Это прекрасное винтажное кольцо с изумрудом, единственное в своем роде.

И оно, несомненно, принадлежит моей матери.

Не успев ничего сказать, я слетаю с чердака и выбегаю из дома через парадную дверь, фотография по-прежнему зажата в моей руке. Я слышу, как Джимми окликает меня, но времени на объяснения нет.

«А как поживает твоя мама? Она все еще встречается с тем милым мужчиной? О, я уже не помню его имени, но он был не местный...»

«Беверли наняла частного детектива – она подозревала, что у ее мужа была любовная связь на стороне».

Я думаю о ладони Марка, лежащей на пояснице моей матери.

О ее руке, опирающейся на его предплечье.

Неужели связующим звеном между моей семьей, Марком и Беверли Рашнелл все это время была моя мать? И если да, то как долго это продолжалось?

Прежде

Эвелин-мать

Когда она закончила уборку, комната выглядела даже чище, чем до вечеринки. Полы блестели, а желто-сиреневые обои с цветочным рисунком почти искрились. Макс и Джейк не заметили, что она наблюдала за ними сквозь щель в дверном проеме спальни, когда они уносили тело Джерарда.

Ей хотелось остановить их. Закричать и позвонить в полицию.

Джерард мертв.

Ее Джерард.

Они познакомились в поезде. Она ехала в Манчестер из Лондона, чтобы встретиться с подругой, а он сидел напротив нее. Только когда они наконец доехали до ее остановки, он спросил, как ему можно связаться с ней снова, и признался, что специально пропустил свою остановку, чтобы пообщаться с ней подольше.

Этим он ее и покори.

Никто еще не заставлял ее чувствовать себя настолько желанной.

Но этот же человек заставил ее почувствовать себя еще более мелкой и незначительной, чем когда-либо прежде.

Джерард обладал властью над людьми. В зависимости от настроения, он мог либо возвысить тебя, либо растоптать. Это делало его притягательным. А еще он был жестоким.

А теперь его не стало.

Эвелин много раз думала о том, чтобы убить его лично, но она сама выросла без отца и никогда не могла заставить себя причинить подобное горе Макс и Джастине.

Но что дальше?

Расправив плечи, она почувствовала знакомую острую боль, пронзившую лопатку и отдающую в позвоночник. Ожог был еще относительно свежим. Эвелин терпела всю эту боль ради защиты своих детей – а не для того, чтобы раскрыть правду, которая несет в себе угрозу для будущего Джастины.

Жизнь с Джерардом научила Эвелин молчать. Хранить секреты. Держать язык за зубами. И так она будет поступать и впредь.

Благодаря Джерарду у нее была богатая практика.

Когда она случайно подслушала, как Джастина в панике звонит Джейку, ей пришлось приложить все усилия, чтобы не броситься к дочери на помощь. Но она знала, что Джастине нужна не мать, а кто-то, кому она могла бы доверять. Между ними с дочерью не было подобных отношений. Эвелин всегда было проще держаться на расстоянии. Чтобы Джерард чувствовал, что Джастина больше «его» дочь, чем «ее».

Поэтому она держалась в стороне. Выжидала. Наблюдала. Как обычно, Джастина решит, будто матери не было рядом с ней в такую минуту, но это не имело значения. Любовь не всегда нужно видеть.

Макс и Джейк сочли, что убрали комнату Джастины так тщательно, как только могли, но после их ухода Эвелин закончила работу за них. Она была более внимательна к мелочам, чем они, и не могла допустить ошибки.

Однако когда она открыла дверь на кухню, отчаянно нуждаясь в том, чтобы выпить чего-нибудь крепкого, ее охватил страх, от которого свело все внутри.

Ей казалось, что она была очень осторожна, но все равно что-то упустила.

Все они что-то упустили.

Что-то, способное изменить все.

Эвелин посмотрела на пару, сидящую за кухонным столом и, похоже, ожидавшую ее, и поняла, что это еще не конец, а только самое начало.

Глава 40

Я проделываю весь путь до дома бегом, молясь, чтобы мама была там, когда я вернусь. Мне нужно знать правду. Конечно, это какая-то ошибка – должно быть ошибкой. Всего лишь одна фотография, а я уже делаю поспешные выводы... Но меня всегда учили следовать своей интуиции. А интуиция подсказывает мне, что здесь что-то не так. Не в последнюю очередь потому, что мама утверждала, будто не знала Рашнеллов. Даже если фотография более невинна, чем мне кажется, ее слова все равно были ложью. Мои родители были знакомы с Рашнеллами задолго до того, как тех убили. Фотография – неоспоримое доказательство. Неужели я тоже встречала их раньше? Может, поэтому их фамилия изначально показалась мне слишком знакомой?

Я сворачиваю за угол, но обнаруживаю черную машину, припаркованную у маминого дома. За рулем сидит журналист, которого я видела во время «грязевого забега». Подхожу к машине и стучу в окно.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – Мой голос звучит угрожающе.

– Вообще-то я надеюсь, что можете. – Мужчина открывает дверцу машины, не теряя самообладания, – явно привык к конфронтации в своей работе «честного репортера». Он невысокого роста и вблизи кажется еще более ушлым и проницательным, чем на набережной. Держу пари, он считает себя невероятно крутым.

– У меня мало времени, поэтому вам лучше поторопиться. – Я не имею сил на любезности – о чем я могу пожалеть позже.

– Давайте сразу перейдем к делу, так даже лучше. – Он не пытается притворно улыбаться; очевидно, у него, как и у меня, сегодня нет желания болтать о ерунде. – Вы знали Брэда Финчли, когда он был Джейком Рейнольдсом. Верно?

– Да. Хотя я уверена – вы уже знаете, что мы были парой.

– Да.

– Тогда задавайте следующий вопрос. – Я хочу побыстрее покончить с этим. Мне нужно попасть домой. Выяснить правду у мамы. Были ли у нее отношения с Марком Рашнеллом до того, как он

умер? Всего несколько дней назад я прямо спросила ее, знала ли она Рашнеллов и не потому ли их фамилия мне так знакома, – а она ответила «нет». Она солгала мне. Почему? Что она скрывает? Интрижку?

– Вы знаете, почему он уехал из Молдона?

– Не знаю.

– Это не связано с вами?

– Насколько я знаю, нет. Он разбил мне сердце. В то время весь город знал об этом, так что я уверена, вам уже рассказали.

– Да.

– Тогда вам не стоило тратить мое время, не так ли?

– Дело в том, что меня заинтриговал «грязевой забег», который проводится в честь вашего отца. Столь яркое, уникальное событие, и я подумал – может быть, наша газета могла бы написать об этом отдельную статью... Я начал проверять факты и обратил внимание на дату смерти вашего отца. Декабрь две тысячи пятого года, я не ошибаюсь?

– Совершенно верно.

– Замечательно.

– Правда? И почему же? – Я знаю, что лезу прямо в его ловушку, задавая вопросы, которых он от меня ждет, но я хочу покончить с этим как можно скорее. Мои мысли сосредоточены на других вещах.

– Наверняка вы знаете, что я, как и все журналисты здесь, работаю над историей Джейка Рейнольдса. И мне бросилось в глаза, что ваш отец умер в тот же месяц, когда Джейк покинул Молдон. На самом деле, когда я копнул немного глубже, оказалось, что он уехал почти в тот же день.

– Я не помню точную дату.

– Но он был вашим парнем, не так ли?

– Был.

– Итак, ваш отец умер. А потом ваш парень исчез.

– Он не исчез. Поехал навестить своих кузенов и решил не возвращаться.

– Но почему? Почему он не вернулся? Джейк как-то связан со смертью вашего отца? Поэтому вы расстались? Все говорят, что вы были так убиты горем, что в итоге уехали и поселились у подруги. Разве вам не нужны ответы?

Он подначивает меня. Я стараюсь не стискивать зубы, но чувствую, что мне хочется скрипнуть ими. Я не должна подавать никаких признаков того, что он меня разозлил. И мало того, я должна скрывать страх. Уверена, именно это он и высматривает – любой признак того, что в смерти отца есть нечто большее, нежели все считают. К тому времени, как стало известно, что Джейк уехал и не собирается возвращаться, смерть отца уже признали несчастным случаем. Это никогда не ставилось под сомнение – невинная поездка на Рождество в гости к кузенам.

– В восемнадцать лет мне было важно выяснить, почему Джейк меня бросил, но, честно говоря, это было давно, и я уже пережила это, – отвечаю я, стараясь сохранять спокойствие, как будто упоминание о том, что Джейк ушел, больше не сокрушает мое сердце. – Могу сказать лишь, что мой отец погиб из-за того, что сел за руль в нетрезвом виде, а Джейк провел вечер празднуя день рождения своей бабушки.

– Только мне кажется, что он не присутствовал на этом празднике до конца. Насколько я могу судить, он ушел перед самым закрытием паба, а это время примерно совпадает с временем смерти вашего отца, указанным в отчете coronера.

– Просто проверка фактов, говорите? – Мне интересно, насколько правдивы его слова. Сам ли он наткнулся на эту информацию, как утверждает, или сержант Роуз преподнесла ему ее на блюде? – Послушайте, это было очень давно. Люди многое забывают, и воспоминания путаются. Советую вам проверить свои источники.

– Уже проверил, – с ухмылкой говорит он. – Трижды перепроверял.

– В таком случае вам вообще не было нужды приходить и беседовать со мной, правильно? Раз уж вы считаете, будто у вас уже есть ответы на все вопросы... Спасибо и хорошего дня, – саркастически бросаю я и откланиваюсь.

Я рада, что он не пытается последовать за мной в сторону дома. С журналистами надо держать ухо востро – судя по моему опыту общения с другими людьми, причастными к крупным уголовным делам, «акулы пера» очень мало уважают частную жизнь и любые границы.

Внешне я, кажется, успешно сдерживаю свой страх, но когда вставляю ключ в замок, мне приходится сосредоточиться для того, чтобы рука не дрожала.

Классической музыки не слышно, и это свидетельствует, что мамы нет дома, но на всякий случай я проверяю сад. Ее нигде нет, и я приступаю к делу. Не знаю, что именно ожидаю найти, но я не могу просто сидеть и ждать, пока мне представится возможность расспросить ее. Я ищу доказательства того, что у Марка Рашнелла был роман с моей матерью. Если всего несколько дней назад я разгребала бардак, устроенный Максом, то теперь я его создаю.

Я в бешенстве.

Я осознаю, что в этот момент не контролирую себя. Обычно такая спокойная, такая собранная, я наконец-то не выдержала. Разрушения, которые я оставляю после себя по всему дому, – вещественное доказательство того, что я слишком долго вынуждала себя сохранять хладнокровие и больше не могу сдерживаться.

Начинаю с комнат, которые больше всего ассоциируются у меня с мамой. Ее спальня, кухня, салон. Пока что мне удастся вытащить на свет только свои собственные воспоминания, которые я прятала довольно глубоко. Нет, не те, которые я воскрешала в памяти, когда Айя просила меня описать дом. Вместо них ко мне возвращаются другие, более болезненные сцены: то, как мама утверждала, будто обожгла бедра, споткнувшись на лестнице, когда несла из кухни в спальню миску с горячей водой, чтобы распарить лицо; то, как мы машинально включали телевизор, если мама и папа вечером уходили наверх раньше нас.

Я знаю, что, вероятно, никаких вещественных доказательств ее отношений с Марком найти не удастся – возможно, все это хранится в ее телефоне, – но раз уж я начала, то не могу остановиться. И вот я приступаю к остальным частям дома.

В кабинете нет ничего примечательного, но это меня не удивляет. Кабинет всегда был папиным личным пространством; было бы немного неуважительно оставлять следы присутствия маминого нового мужчины на его территории. Несмотря ни на что, мы были Стоунами, и это для всех было более весомым, чем правда. Мы думали, что это помогает нам скрывать истинное положение вещей, и продолжали делать это даже после его смерти. Сейчас, пробираясь

через дом, переворачивая его вверх дном и выворачивая наизнанку, я разрушаю эти внутренние иллюзии. Комната за комнатой, слой за слоем, ложь за ложью.

Этот дом.

Наша семья.

Все это фальшивка.

Ничто из найденного не раскрывает тех истин, свидетелями которых могли быть эти стены. Чем меньше я нахожу доказательств — не только измены, но и нашего прошлого, — тем больше меня тошнит от этого, тем сильнее я чувствую потребность кричать об этом с самой высокой крыши. Раньше я никогда не искала доказательств жестокости отца, но теперь, когда взялась за поиски, тот факт, что я не могу ничего найти, лишь ухудшает положение; вся эта боль, которую я носила в себе, вся эта ложь, годами пребывавшая с нашей семьей, — можно решить, будто этого никогда не было.

Осталось обыскать всего две комнаты: наши с Максом старые спальни. Я знаю, что он не жил здесь уже много лет, но все равно не могу заставить себя открыть дверь его комнаты. Пока не могу. Поэтому захожу в свою. Что еще я могу найти в этом помещении, чего еще не обнаружила с тех пор, как вернулась сюда? Я уверена, что рыться здесь бесполезно, но мамы все еще нет дома, и я не знаю, что мне делать. Я не могу сидеть спокойно. Никогда не умела ждать, пока со мной что-нибудь случится. Я предпочитаю действовать первой. Держать все под контролем.

* * *

Как я и предполагала, здесь ничего нет. По крайней мере, в тех местах, которые я могу заставить себя обыскать. Наконец я поворачиваюсь к гардеробу. Тому самому, который не открывала с момента приезда — моя одежда по-прежнему хранится в чемодане. Но больше искать негде. Либо здесь, либо в комнате Макса. Я делаю глубокий вдох. Протягиваю руку. Берусь за ручку, перевожу дыхание, а затем тяну дверцу на себя и резко распахиваю ее, чтобы не успеть передумать.

Моя одежда больше не висит на перекладине, а на полу не валяется обувь, но чувство страха так и витает здесь. Я отмечаю, что мама использовала часть гардероба для хранения вещей: вдоль стены теперь стоят какие-то коробки, и сосредотачиваюсь на них, не желая погружаться в воспоминания. Вынув коробки из шкафа, захлопываю за собой дверцу так быстро, как только могу.

Коробки в основном заполнены нашими с Максом старыми школьными работами и детскими наградами, которые мама решила сохранить. Учебные проекты, доклады, рисунки, медали за успехи в плавании и в нетболе^[9]. Я почти погружаюсь в счастливые воспоминания о своем детстве, когда нахожу *это*.

Сначала я не понимаю, что это такое. И уж точно не понимаю, почему этот предмет таится на дне одной из этих безобидных коробок с памятными вещами. Потому что он действительно таится. Спрятан, причем намеренно, – и это совершенная неожиданность. Я переворачиваю его. Это черный телефон. Современный. Должно быть, ему всего пара лет. Я говорю себе, что он может принадлежать кому угодно. Может, это мамин старый телефон, по которому она разговаривала с Марком? Возможно, после известия о его смерти она спрятала эту вещь, чтобы не вспоминать лишний раз...

Даже пытаюсь найти логические обоснования, я понимаю, что это ерунда. Такая линия защиты не прошла бы в суде.

Потому что это вовсе не мамин телефон – и он не старый. Когда я включаю его, дрожь в пальцах свидетельствует о том, что я уже точно знаю, *чей* это телефон. Я просто не могу понять, почему он спрятан здесь, на дне коробки. Когда телефон оживает и на экране возникает знакомая фоновая картинка, до меня доходит, почему телефон Макса не был найден вместе с его телом. Он не покоится где-то на дне – все это время он был здесь, в моей старой спальне, в нескольких метрах от того места, где я спала каждую ночь.

Неудивительно, что после того, как телефон включается, он начинает вибрировать не переставая. Пропущенные звонки, голосовая почта, текстовые сообщения... Я не открываю их. У меня нет на это сил – пока нет, – а они продолжают приходить. Но тут вибрирует уже не телефон Макса, а мой собственный. Я достаю его из кармана и вижу, что у меня два пропущенных звонка от Отиса. Обычно мы с ним

общаемся по телефону голосом, но сейчас я не в состоянии что-либо сказать и поэтому пишу ему сообщение.

Не могу сейчас говорить. Если что-то срочное, напиши мне.

Думаю, нам следует поговорить по телефону.

Я не могу. Пожалуйста, просто напиши мне.

Ладно. Но я предпочел бы сообщить это вслух. Я не смог отследить никакой деятельности «Маленькой трастовой компании», но заглянул в финансовые документы Рашнеллов и обнаружил два платежа, поступивших на их счет. Значительные платежи. Первый был сделан 17 декабря 2005 года, и это была самая крупная сумма – 100 000 фунтов стерлингов. После этого больше ничего не происходило, пока чуть более четырех месяцев назад вдруг не поступил еще один платеж в размере 50 000 фунтов стерлингов. Оба платежа были сделаны одной и той же компанией. «Маленькой трастовой компанией».

Я, пошатываясь, делаю пару шагов назад и прислоняюсь к стене. Прижимаюсь к ней затылком, потом отстраняюсь – и с силой откидываю голову назад, ударяясь о стену. Мой телефон снова жужжит, прежде чем я успеваю написать ответ.

Еще до меня дошли достоверные сведения, что на следующей неделе Джейк намерен признать себя невиновным.

Я думала, мне станет легче, когда я услышу, что Джейк борется за свою свободу. Узнаю из его собственных уст, что он не делал того, в чем его обвиняют. Но сейчас меня переполняет странная смесь эмоций.

Макс и Джейк. Страх и облегчение.

«Макс, что ты натворил?»

Прежде Макс-брат

Когда раздался звонок в дверь, они сидели за ужином. Это не было каким-то важным событием, просто дважды в неделю Макс старался выкроить время, чтобы провести вечер с матерью. Эвелин, извинившись, вытерла губы салфеткой и вышла из-за стола, чтобы открыть дверь.

Макс не узнал мужской голос, донесшийся снаружи, но по тону матери понял, что это не тот, кого она ожидала – или хотела – увидеть. Сработал инстинкт защитника, и Макс поспешил к ней. Часто он задумывался, не чувство ли вины заставляет его оставаться в этом городе; он должен был заботиться об Эвелин, чтобы возместить свой долг перед ней. В детстве он этого не сделал и в глубине души понимал, что в этом нет его вины; но пока он рос, именно осознание того, что ему следовало бы ее защищать, формировало его личность.

В детстве они с Джастиной прятались и молчали. Они верили в притворство своих родителей. Но Макс больше не был тем мальчишкой. Ночь, когда умер его отец, стала тому подтверждением. Он был решительным. Он мог контролировать ситуацию. Он доказал, что может делать и то и другое и при этом не превращаться в своего отца. В этом Джерард ошибался: *можно быть* одновременно добрым и сильным. Не нужно было выбирать что-то одно из двух.

В дверях стояла пара, оба примерно возраста его матери. Женщина была невысокого роста, с вьющимися волосами мышисто-русого цвета, которые она, похоже, так и не научилась укладывать, мужчина выглядел полной ее противоположностью – высокий, тощий и жилистый, с усами. Макс не узнал их, но смутно припомнил, что видел эту пару раньше.

Однако больше всего его беспокоило не то, что они были ему незнакомы, а то, что, похоже, чувствовали себя главными, несмотря на то что были незваными гостями. Он ощутил на себе строгий взгляд матери, когда эти двое, неискренне улыбнувшись, прошли в дом.

– Мы войдем? – лаконично произнес мужчина, протискиваясь мимо Макса.

Эвелин повернулась к сыну:

– Тебе нужно уйти.

Он слышал настойчивое требование в ее голосе. И возразил:

– Я никуда не пойду.

– Я твоя мать, и я велю тебе уйти.

Она сделала шаг в сторону, загораживая дверной проем своим хрупким телом, чтобы Макс не вошел в дом следом за ними.

– Нет. – Он уже не был маленьким мальчиком, и, кроме него, некому было защитить его мать. Не то чтобы он знал, от чего или почему ее нужно защищать, но после прихода этой пары в воздухе словно повеяло холодом, а реакция матери окончательно убедила его в том, что ему не померещилось. Макс больше не мог оставить ее на произвол судьбы.

Несколько мгновений она молча смотрела на него, не отступая ни на шаг, а потом сдалась – как он и надеялся. За последние годы мама стала мягче. Макс видел, как это происходит: острые углы, из которых она состояла со времен его детства, пусть медленно, но начали подтаивать.

Поначалу, после смерти отца и отъезда Джастины, Эвелин сделалась более замкнутой. Она посвятила все свои силы садоводству и держалась особняком. Но, как говорят, время – великий целитель, и в конце концов Макс увидел, что это целительное воздействие все же сказывается и на его матери.

– Прости, – ответила она, обмякнув всем телом.

Мама позволила ему остаться. Но за что она просит прощения? Что происходит?

Пара устроилась за кухонным столом – они явно уже бывали здесь. Макс сел, слишком поздно заметив, что Эвелин осталась стоять.

– Мне казалось, вы переехали в Португалию. – Голос матери был каменно-холодным, и Макс окончательно убедился, что эти люди ей не друзья.

– Мы переехали, но теперь вернулись, – пояснила женщина.

– И при чем здесь я? – спросила Эвелин.

– Мы видели вашу дочь по телевизору на прошлой неделе. Как же она выросла! И, судя по всему, преуспевает... Адвокат по уголовным делам. – И тут парочка рассмеялась. Лающим, хриплым, недобрый смехом.

Эвелин перевела взгляд на Макса, и он понял, что она просила прощения именно за это. Что есть нечто важное, о чем он не был осведомлен. То, что мать предпочла бы утаить от него. Она сожалела, что он вот-вот узнает об этом.

– Сначала мы не сознавали, что это может быть она. Ведь прошло столько лет... Но мы пересматривали новости снова и снова, пока не убедились в этом. Мы, конечно, поискали сведения о ней, у нее теперь другая фамилия – Харт, насколько я помню... Я полагаю, она замужем?

Никто не ответил.

– Как вы можете себе представить, – продолжала женщина, – это открыло для нас целый мир новых возможностей. Джастина Стоун, адвокат по уголовным делам... Такое даже нарочно не придумаешь. – И женщина снова рассмеялась, оскалив зубы, похожие на акульки.

– Я что-то упускаю? – вмешался Макс. – Я действительно не понимаю, что здесь происходит, и был бы признателен за объяснение.

– О боже, твоя мать не сказала тебе? – спросила женщина, с досадой глядя на Эвелин, которая покачала головой. – Ты тоже вырос, Макс. Когда мы виделись в прошлый раз, ты... как бы это сказать, дорогуша... – Она помолчала, но чувствовалось, что это намеренно драматическая пауза для пущего эффекта. – В прошлый раз мы видели тебя, когда ты нес труп своего отца вниз по лестнице.

Макс ухватился за край сиденья с такой силой, что костяшки его пальцев побелели. Он вопросительно взглянул на Эвелин, но она не смотрела на него. Вместо этого ее взгляд был прикован к незваной чете, которая расположилась на ее кухне словно у себя дома и намеревалась разрушить весь их мир. И, как понял Макс, делала это уже не в первый раз.

– Что вам нужно? Выкладывайте, – рявкнула Эвелин.

Женщина оглянулась на мужа, как будто это была тщательно отрепетированная пьеса и его реплика должна была прозвучать следующей.

– Мы знаем, что ваше финансовое положение уже не то, что прежде. Мы не злодеи. Мы были друзьями Джерарда Стоуна и намерены чтить память об этом. Проявить уважение к его семье. – Мужчина перешел к делу, и Макс у захотелось выругаться. – Но не только у вас есть тайны и проблемы, Эвелин. Мы надеемся, что вы

сможете это понять. Мы бы не вернулись сюда, если б не насущная необходимость.

Теперь уже рассмеялась Эвелин.

– Нам нужно пятьдесят тысяч фунтов, – продолжил мужчина, не обращая на нее внимания. – К концу недели.

– Это был несчастный случай, – заметил Макс. – Джастина не собиралась причинить вред отцу.

– Возможно, изначально все так и было, но потом переросло в нечто большее, не так ли, дорогуша? – Снова настала очередь женщины подать реплику. Надо отдать им должное, эта пара действовала слаженно.

– А если мы не заплатим? Что тогда? – Макс не смог сдержаться, хотя, возможно, лучше было этого не знать.

– Тогда все, что вы так усердно скрывали, будет обнародовано, и жизнь, которую вы построили для себя, – твой бизнес, дом твоей матери, доброе имя вашей семьи, карьера твоей сестры, скорее всего, даже ее брак, – все это будет разрушено. Что за удивительная история! Дочь-убийца, ставшая теперь адвокатом по уголовным делам... Брат и любовник, которые покрывали ее... Мать, которая лгала полиции и платила за защиту своих детей... Все это выплывет наружу.

– Кто вы такие, мать вашу? – закричал Макс, не в силах больше сдерживать гнев и страх.

– Ты нас не помнишь? – удивилась женщина. – Мы были друзьями твоего отца. Мы Беверли и Марк Рашнелл.

Как он мог допустить это? В юности он не сумел защитить маму, но всегда был рядом с Джастиной, пытаясь скрыть от нее правду – чтобы выдумки об их отце стали для нее реальностью. Вот почему он водил ее в рыбную закусочную вечером каждой пятницы, когда, как он знал, его отец начинал пить уже в четыре часа дня в своем кабинете... Именно поэтому он регулярно устраивал игру в прятки, всегда прячась рядом с Джастиной, хотя играли только они вдвоем.

Когда Джейк рассказал ему о том, что произошло, – как отец сначала запер Джастину в гардеробе, а потом ударил ее, – Макс почувствовал, что у него сводит желудок. Он не смог защитить ее. Несмотря на все его усилия, отец все-таки добрался до Джастины.

Макс понял, что был слишком самоуверен, чтобы увидеть правду. Он думал, что в ту ночь, после рождественской вечеринки, им с

Джейком удалось защитить Джастину. Они не допустили, чтобы отец причинил ей вред – даже после смерти. Но они ошибались.

И теперь он снова должен был действовать.

Глава 41

Я в шоке смотрю на свой телефон, когда слышу на лестнице легкие шаги матери. Вытираю слезы с лица и пытаюсь взять себя в руки. Напоминаю себе, что истина сложна и что в ней еще много пробелов.

Я уже знаю, что это головоломка, которую лучше не собирать, лучше не трогать. И все же я дала Максу слово, и, если собираюсь выяснить, что случилось с ним на самом деле, я должна знать все.

– Мама! – зову я. У меня нет сил встать, и я сижу на том же месте у стены с телефоном Макса в одной руке и моим телефоном в другой.

Она буквально бегом кидается ко мне. Опускается рядом на пол. Гладит меня по голове. Она уже знает? Это она спрятала телефон Макса или он сам? Какие секреты он хранит?

– Ты дружила с Рашнеллами? Был ли... – Мой голос срывается, и я выгибаю шею. – Был ли у тебя роман с Марком?

– Что? Нет, конечно! – Она глядит на меня в ужасе.

Я не могу найти слов. Она снова лжет мне. И тогда я протягиваю ей фотографию.

Она смотрит на нее, словно не сразу может поверить в увиденное, а потом закрывает глаза. Вздыхает. Я понимаю: это значит, что она знает – больше лгать не получится.

– Ладно, мы действительно были знакомы. Но это всего лишь одна фотография, Джастина. Момент времени. Есть тысяча вариантов того, что могло происходить до и после этого. Я даже не могу вспомнить, когда это было.

– Незадолго до смерти Беверли наняла частного детектива, чтобы проверить, был ли у Марка роман с другой женщиной. Значит, этой женщиной была не ты?

– Я не знаю, что происходило в их браке, но, клянусь, у меня не было романа с этим человеком.

Я удивлена ненавистью, звучащей в ее голосе; мама даже не может заставить себя произнести его имя.

– Но вы – ты и отец – дружили с ними, это очевидно.

– Какое-то время, очень давно... Полагаю, это можно так назвать.

– Они были на той рождественской вечеринке перед смертью отца? – спрашиваю я, понимая, что, возможно, именно потому это имя всегда казалось мне знакомым. Как я могла их не запомнить? Но, опять же, это была первая из папиных вечеринок, на которой я присутствовала, и основную часть вечера я провела взаперти наверху.

– Да, – говорит мама, – они *все время* были здесь.

И по тому, как она делает паузу перед словами «все время», как поворачивается, чтобы посмотреть на меня, я понимаю, что она имеет в виду.

Моя мама знает. Она всегда знала. Мир вокруг меня вдруг чернеет.

* * *

Не знаю, сколько времени проходит, но когда я снова обретаю способность осознавать окружающее, я лежу в ванне, а мама стоит на коленях рядом со мной. В руках у нее мочалка. Вода горячая, и я вижу, что мои пальцы набухли и стали фиолетовыми, словно сливы. Интересно, как долго я здесь валяюсь?

– Мама?

– Ты очнулась... – Она мягко улыбается.

– Как я сюда попала? – Я чувствую себя растерянной и сбитой с толку.

– Всё в порядке. Постарайся успокоиться. Иногда наше тело может отключиться, это способ справиться со стрессом. Это не обморок, а что-то вроде оцепенения. Нашему мозгу нужно время, чтобы переварить ситуацию без оглядки на внешний мир. Мы уходим в себя и теряемся где-то там, в глубине.

– С тобой такое уже случалось?

– Случалось. Несколько раз, – отвечает мама, отводя взгляд. – Ванна всегда помогает мне вернуться к реальности, поэтому я решила попробовать это на тебе.

Я тянусь, чтобы взять ее за руку. Вода капает на пол. На мгновение, когда капли падают и растекаются по плитке, они кажутся мне красными, как кровь, но я моргаю и снова смотрю на них – это просто вода.

– Ты сказала, что у тебя не было романа с Марком, и я тебе верю. Но я столкнулась с миссис Хикс, и она упомянула, что ты с кем-то встречаешься. О ком она говорила? – спрашиваю я, возвращаясь к тому, на чем мы остановились.

– А, миссис Хикс... От нее ничего не скроешь, – улыбается мама, и ее глаза блестят. – Его зовут Кен. Я познакомилась с ним во время игры в бинго в прошлом году. Мы иногда составляем друг другу компанию, и, честно говоря, приятно снова иметь рядом кого-то, с кем можно идти по жизни.

– Это серьезно? Мне следует с ним познакомиться?

– Если хочешь. Не сомневаюсь, он будет рад. – Я не отвечаю. Не уверена, что в данный момент хочу этого. – Давай, вылезай из воды. Ты пробыла здесь достаточно долго, – мягко продолжает мама, словно зная, что не стоит ожидать от меня слишком многого, и в этом моменте сквозит такая нежность, что это не успокаивает меня – вместо этого я чувствую прилив ярости. Сколько я себя помню, мама впервые разговаривает со мной так. Где она была, когда я больше всего в ней нуждалась? Боль снова захлестывает меня, и я спешу выбраться из ванны, прикрыться полотенцем и отстраниться от матери.

– Почему телефон Макса был спрятан в глубине моего шкафа? – Мой тон снова становится жестким. Требовательным. Равновесие восстановлено.

– Думаю, он готовился. – Мама произносит это медленно, словно обдумывая каждое слово.

– К чему?

– К тому, чтобы покинуть нас.

Боль настолько сильна, что я боюсь, как бы она не разорвала мою грудную клетку.

– Почему? Почему он так поступил?

«Почему он оставил меня одну?» – вот что я имею в виду.

– Джастина, я...

– Скажи мне, что произошло. Скажи немедленно.

Мне холодно стоять босиком, укутавшись в полотенце, но я не могу больше ждать ни минуты. Мне нужно знать правду. Мне нужно знать наверняка, виновата ли я в смерти брата. Не должна ли именно я поплатиться за его смерть.

– В то Рождество тебе помог не только Джейк. – Значит, она знала! Знала все эти годы. – Ты же знаешь, как они с Максом были дружны. Джейку понадобилась помощь, а он доверял Макс. Они оба очень любили тебя. Проблема в том, что в ту ночь мы были в доме не одни.

– Марк и Беверли тоже были там?

– Да. Они ушли, но потом Беверли вспомнила, что забыла свою сумочку. Макс, должно быть, оставил дверь приоткрытой, когда вернулся в дом, поэтому они обнаружили ее открытой и вошли внутрь. По словам Беверли, они слышали, как Макс и Джейк обсуждают случившееся, а когда услышали, как те спускаются по лестнице, спрятались в закутке, откуда наблюдали, как труп Джерарда выносят из дома и сажают в машину. Никто из нас не знал, что они были здесь, пока не стало слишком поздно.

– Они всё знали?

Мама кивает.

– Они требовали деньги. Сто тысяч фунтов. Я заплатила им, и на этом все завершилось. По крайней мере, на много лет. Они переехали за границу...

– В Португалию.

– Да. Но потом вернулись, и все началось заново. Не так давно они увидели тебя по телевизору. Это был тот самый случай с политиком. Его речь на выходе из суда показали в новостях Би-би-си. Ты попала в кадр, и они тебя узнали.

– И увидели в этом шанс. – В голове у меня словно щелкает выключатель. – Как иронично было увидеть меня в роли юриста по уголовным делам... Я не ошиблась?

– Мне жаль.

И снова я вспоминаю, как сильно ненавижу эту фразу. Из ее уст она звучит так пусто... Бессмысленно. «Мне жаль» – чего?

– И ты втянула в это Макса?

– Я не хотела, но они объявились у меня на пороге, когда Макс был здесь, и он отказался уходить.

И снова Макс остался здесь... Оказался в определенное время в определенном месте. Почему я не вернулась домой, когда он попросил?

– И что потом? Они потребовали еще денег?

Я хочу знать все. Все подробности. Я не хочу, чтобы меня щадили.

– Пятьдесят тысяч фунтов. Макс сказал, что разберется с этим, и не позволил мне вмешаться. Думаю, он чувствовал себя виноватым. Не в том, что защищал тебя, нет, – об этом он никогда не жалел. А в том, что происходило раньше. Что он не защищал тебя до той ночи.

– Он не обязан был меня защищать.

– Нет, – соглашается мама, глядя прямо на меня. – Это была моя обязанность.

Я не знаю, что ответить; знаю только, что не могу говорить с ней об этом. Мне не хватит сил, чтобы встретиться со всей этой болью лицом к лицу, заговорить о ней вслух. Вместо этого я продолжаю задавать вопросы. Перекрестный допрос – это то, что я хорошо умею.

– Что произошло дальше?

– Я точно не знаю. Он ни во что не посвящал меня. Но я наблюдала, как это терзает его, день за днем. Неделя за неделей. Он начал пить и замкнулся в себе. Когда Джейк вернулся в город после смерти своей матери, для Макса это было уже чересчур. Я думаю, что это просто раздавило его. Вся эта боль. Все эти тайны. Он стал совсем не похож на себя и в итоге потерял работу. А потом они снова потребовали деньги. Еще пятьдесят тысяч. Через несколько дней были найдены их тела. А спустя месяц Макс утонул.

– Ты думаешь, он покончил с собой?

– Думаю, его погубило чувство вины за убийство Марка и Беверли Рашнелл, – отвечает она.

Наконец-то кусочки головоломки сложились воедино: восемнадцать лет назад Макс помог Джейку скрыть смерть моего отца, а затем Джейк помог Максу заставить Рашнеллов замолчать раз и навсегда. Вот почему Джейк побывал на месте преступления.

Пусть не он, а Макс нажал на спуск, но точно так же, как Джейк прикрывал меня все эти годы, он прикрывал – и продолжает прикрывать – Макса.

Прежде Макс-брат

Когда Рашнеллы в третий раз попросили денег, стало ясно, что они не собираются останавливаться. Стоуны уступили уже дважды, и теперь супруги знали, как легко ими манипулировать. Хотя между первой и второй выплатами прошло почти два десятилетия, новое требование поступило менее чем через четыре месяца после предыдущего.

Они в молчании ехали из Молдона в сторону Суррея. Номер 34 по Черри-Три-гроув – дом Рашнеллов – был красив. Пригородный дом на две квартиры с четырьмя спальнями. Вдоль подъездной дорожки росли идеально подстриженные, аккуратные кусты, а у дверей лежал коврик с надписью «ПОГОДИ НЕМНОГО». Дверной звонок, пропевший дружелюбную мелодию, возвестил об их прибытии. По внешнему виду дома совершенно невозможно было предположить, что его хозяева виновны в разрушении семьи Макса.

На этот раз была их очередь явиться без приглашения, и Макс с удовольствием наблюдал потрясение, отразившееся на лице Беверли Рашнелл, когда та открыла дверь. Теперь она уже не выглядела самодовольной или похожей на акулу; элемент неожиданности сыграл свою роль.

– Мы войдем? – произнес Макс, протиснулся мимо нее и, ориентируясь на звук, направился на кухню, где Марк готовил обед.

Все утро Макс представлял себе, как пройдет эта встреча.

Они твердо решили положить этому конец. Им просто нужно было снова взять контроль над ситуацией в свои руки. Обводя взглядом дом, Макс был уверен, что все получится – Рашнеллы выглядели вполне обычными обывателями, и он мог предположить, что они просто повели себя как люди, которые никогда не предполагали, будто способны на подобное. Он надеялся, что, несмотря на все случившееся ранее, в основе своей они были разумными людьми.

Вот только планы не всегда воплощаются, а люди полны неожиданностей.

Воздух казался густым и наэлектризованным.

Рашнеллы не были безобидными жителями пригорода – их преимущество заключалось в том, что они просто прикидывались таковыми, скрываясь под маской нормальности. По мере того как разгорался спор, Макс чувствовал растущий страх. Больше всего его пугало то, что для Рашнеллов все было наоборот. Они словно наслаждались противостоянием. Они наслаждались борьбой. Макс чувствовал, что вместо того, чтобы взять ситуацию под контроль, он теряет его быстрее, чем можно было представить.

– Это должно прекратиться. Мы не можем и дальше изыскивать огромные суммы денег. Вам уже заплатили. Дважды. Это полное безумие.

– Безумие? – Это слово, похоже, задело Беверли за живое. – А другие могут решить, что настоящее безумие – это убийство отца и последующее сокрытие этого. Представь себе: однажды ты просыпаешься и идешь выпить кофе в то заведение на центральной улице, которое так любил твой отец. Берешь в руки газету, как делаешь это каждое утро... Только твой мир уже не будет прежним. На первой странице – фотография Джастины. Заголовок гласит: «Преступница стала юристом по уголовным делам».

– Это не было убийством. Вы не хуже меня знаете, что это был несчастный случай.

– Вы с приятелем не случайно отнесли его в машину. Вы не случайно не позвонили в полицию. Она убила его случайно, но я полагаю, людей шокирует то, что произошло потом. Вся семья Стоунов в конечном итоге оказалась не такой уж идеальной.

– Вы тоже не позвонили в полицию.

– А должны были? Вы бы хотели, чтобы мы сделали это сейчас?

– Вы не посмеете. Вы думаете, будто загнали нас в угол, но что с вами будет, если вы расскажете правду спустя столько лет? Нарушение хода правосудия. Шантаж. Признайте, вы опоздали. Вы упустили свой шанс. Все кончено. Для вас и для нас.

– Думаю, мы можем рискнуть. – Беверли передернула плечами, как будто его слова были не более чем мелкими брызгами воды.

– Почему вы считаете, что вам поверят? – спросил он.

– Макс, дорогуша, ты считаешь нас дилетантами. Думаешь, мы сразу разыграли все козыри?

Бeverли улыбнулась, подтверждая тот факт, что он взялся играть не на своем поле.

Эта потеря контроля словно отравила все его чувства. Он ощутил, как его снова затрясло, а во рту скопилась слюна. Бульканье кипящих на плите кастрюль стало слишком громким для его слуха. Слишком сладкий запах наполнил ноздри, от него тошнило. Будет ли этому конец?

– Я все объясню. Видишь ли, недавно, во время переезда из Португалии, мы наткнулись на нашу старую цифровую камеру. Помнишь, тогда мы носили с собой фотоаппараты, а не хранили всё на телефонах? Можно было сделать снимок и больше никогда его не просматривать. Кроме того, камера пролежала в коробке на складе с две тысячи шестого года. Представь наш ужас, когда спустя столько лет мы поняли, что именно у нас в руках. Улики. Небывалые улики. – Говоря это, Беверли открыла ящик кухонного стола и достала оттуда черный блокнот. Между страницами в середине была спрятана фотография. – Вот, посмотри сам. Думаю, этот снимок тебя особенно заинтересует, Макс, – добавила она, протягивая ему фото.

На снимке Беверли с улыбкой позировала перед рождественской елкой в хорошо знакомой Максу комнате – это был салон в доме его родителей. Позади Беверли, за окном, виднелась машина его отца, едущая по дороге.

– А теперь, – продолжил Марк, – самая интересная особенность тогдашних фотоаппаратов: они были настроены так, что на снимках отображалось время и дата съемки. Видишь? В правом углу. Вот она.

Шестнадцатое декабря. Одиннадцать часов пятьдесят три минуты вечера.

– Это ведь машина твоего отца, не так ли?

– Да. – Макс с трудом сглотнул.

– Может быть, по этой фотографии ты лучше поймешь, что мы пытаемся тебе показать, – сказал Марк, и Беверли передала ему другую фотографию.

Эта парочка действовала просто профессионально. Идеальный дуэт.

Макс взглянул на фото.

На этот раз машина за окном была в фокусе – сфотографирована с большим увеличением.

За рулем сидел Макс, а не Джерард.

На него обрушилась вся тяжесть осознания. Ощущение было такое, словно его посадили в коробку с плотно закрытой крышкой. Некуда бежать, четыре стены заставляют сжиматься все сильнее и сильнее... Это не должно было произойти. Ему нужно найти выход. Но Макс не мог ясно мыслить; все, что он чувствовал, – это непреодолимая потребность сделать так, чтобы это прекратилось. Прекратилось немедленно. Не только ситуация с Рашнеллами, но и чувство вины, боль, пьянство. Все это.

Когда адреналин переключил его организм в режим «бей или беги», Макс ощутил, что больше не властен над своим телом. Он осознавал, что переступает с ноги на ногу, но не мог заставить себя стоять на месте. Он чувствовал, что его зубы стиснуты так сильно, что в глазницах пульсирует боль, но не мог их разжать.

– Но, судя по твоим словам, нам придется подождать и проверить, что подумает обо всем этом полиция, верно? – сказала Беверли, и Марк направился к телефону, висевшему на стене.

Этого не могло случиться. Все должно быть иначе. Он проиграл. Он снова не смог защитить Джастину.

Не только Джастину, но и свою мать...

А потом он перенесся в прошлое, в ту давнюю ночь, когда ему было всего пять лет, – это было его первое воспоминание о доносящихся сквозь стену криках матери. Отец угрожал заткнуть ей рот носком, если она не замолчит. «Ты разбудишь детей», – рычал Джерард, используя против нее существование Макса – пятилетнего малыша Макса.

Этому нужно было положить конец.

* * *

Макс услышал выстрел раньше, чем увидел кровь. Его уносило все дальше и дальше, а тем временем пистолет оказался прямо у виска Марка. Тот уронил телефон на пол, не сводя глаз с мертвого тела своей жены. Второй выстрел прозвучал громко и отчетливо.

Глава 42

В этот вечер мы ужинаем вместе, чего не делали с тех пор, как Ной приезжал сюда погостить. Я знаю, что нам предстоит еще долгий путь, и не уверена, что мы когда-нибудь сможем наслаждаться нормальными отношениями матери и дочери, – но что-то между нами изменилось.

Это еще не прощение, но уже признание того, что жизнь сложна и неоднозначна. Возможно, мы обе, несмотря ни на что, сделали всё зависящее от нас. Более того, я чувствую, что груз вины, который я несла на себе после смерти отца, немного уменьшился. По крайней мере, этот груз можно с кем-то разделить.

Не только я виновата в том, что произошло. Моя мать знала, что за человек мой отец – каким человеком он был – задолго до этого момента, и все равно ничего не сделала. Но она также защищала меня и Макса в гораздо большей степени, чем я когда-либо осознавала. Это не отменяет ее недостатков, но добавляет к ним нюансы, которые я не могла заметить раньше.

«Никто не бывает абсолютно хорошим или абсолютно плохим». Если я применяю это к себе, то должна применять и к своей матери. Истина, которая касается любого человека: он никогда не обладает только каким-то одним качеством из этих двух.

– Почему ты не говорила с нами о случившемся? Я думала, что должна скрывать это от тебя...

– Я видела, что тебе и так очень больно. Ты не хотела, чтобы это произошло, а я не хотела, чтобы ты брала на себя еще большую вину за все, что случилось потом.

– Это Макс попросил Джейку уехать?

Неужели они оба по-своему пытались спасти меня? Вот что я действительно хочу выяснить. Это та часть истории, которую я стараюсь осмыслить снова и снова с той минуты, как узнала, что Макс помогал Джейку скрыть совершенное мною.

– Меня там не было, так что я не знаю наверняка, но я всегда предполагала, что так и было. Они оба очень любили тебя.

– И ты снова солгала мне. Ты допустила, чтобы мое сердце было разбито.

– Да, – подтверждает мама, глядя мне прямо в глаза.

– И я лгала тебе, – признаю я.

– Лгала. – В ее голосе нет злости или обиды.

– В течение восемнадцати лет.

– На самом деле дольше. Мы обе лгали друг другу всю жизнь.

– Стоило ли оно того? – спрашиваю я. – Мы едва знаем друг друга. Поступила бы ты по-другому, если б могла?

Мама на мгновение задумывается, прежде чем ответить мне:

– Кое-что я изменила бы, да. Но я никогда не перестала бы защищать своих детей. Надеюсь, когда-нибудь – возможно, если у тебя будет свой ребенок – ты поймешь это.

* * *

На следующее утро я медленно и тщательно собираю свои вещи. Обнаруживаю, что больше не тороплюсь домой. Какая-то часть моей души остается здесь, с мамой и Максом. Я всегда считала, что в смерти отца виновата только я, но теперь вижу ситуацию яснее. То, что произошло, – то, что я сделала, – было результатом всего, что было до этого. Того, что мама пыталась защитить нас, скрывая правду всеми возможными способами. Того, что мы сами отвергали эту правду. Теперь я вижу: там, где моя мать, как я считала, была слабой, она была сильной. Пусть даже по-своему. Наверное, единственным способом, который был ей известен.

И Джейк. Он уехал потому, что любил меня достаточно сильно, чтобы покинуть. А не потому, что возненавидел меня. Брэд Финчли. «Финчес». Возможно, Джейк и уехал, превратившись в Брэда, но он никогда окончательно не покидал меня.

Я в последний раз обвожу взглядом свою спальню и улыбаюсь, когда понимаю, что могу спокойно смотреть на обои, и рисунок больше не стекает красными каплями, а цветы продолжают выглядеть как цветы. Я хочу проверить этот эффект в полной мере и вхожу в ванную комнату. Включаю кран и наблюдаю, как течет вода – прозрачная вода без алого оттенка. Пора идти.

Я не предупредила Ноя о своем возвращении, боясь, что могу сглазить. Сегодня пятница, на дворе август, и я знаю, что летом он работает из дома. Я с радостью жду встречи с ним. Меня больше не мучает чувство вины. Я еду домой.

Когда я подъезжаю к дому, Ной уже возится в палисаднике. Он встает и закрывает глаза от солнца. Я вижу, что он обрезает нашу яблоню, в руках у него сучкорез. Пока я была вдали от него – надеюсь, Ной никогда не узнает, что случилось за этот промежуток времени, – он, как мог, старался хранить наше единство, нашу семью. Я думала, будто не заслуживаю такого мужчины, как Ной, но сегодня, когда смотрю на него, моя любовь к нему больше не превращается в ненависть к себе. Вместо этого я смотрю на него и вижу будущее, полное возможностей. Открываю дверцу машины и улыбаюсь, вытаскивая за собой чемодан.

– Ты больше не уедешь? – неуверенно спрашивает муж, переводя взгляд с меня на чемодан и обратно.

– Не уеду.

– А твоя мама? – спрашивает он.

– С ней всё в порядке, – говорю я, уверенно кивая и понимая, что впервые могу честно ответить на вопрос Ноя о моей маме.

– Ну, тогда... – Он радостно улыбается, подходит ко мне и подхватывает мой чемодан. – Пойдем в дом.

Глава 43

Декабрь 2023 года

Рождественский сезон всегда приносит с собой смешанные эмоции. В некоторые годы я справляюсь с ними лучше, в другие – хуже. В общем и целом стараюсь принимать его таким, какой он есть, и мне легче оттого, что Ной искренне верит в Рождество. Не в религиозном смысле. Он верит в рождественское волшебство. Обычно мой ужасно благоразумный муж примерно на двадцать шесть декабрьских дней в году превращается в рождественского эльфа, только ростом с человека, – по-другому я не могу это выразить.

Не будь его энтузиазм по поводу Рождества настолько заразительным, я не уверена, что смогла бы оставить прошлое в прошлом. Особенно когда речь идет об огромном количестве вечеринок, на которые нас постоянно приглашают. Ежегодная традиция наших лондонских друзей – отмечать начало декабря первой рождественской вечеринкой в сезоне; по идее, это как выстрел из пушки на старте гонки. В этом году наша очередь первыми принимать гостей, и скоро наш дом будет полон веселья.

– Всё в порядке? Шарлотта и Роб только что приехали, и я решил принести тебе вот это, – говорит Ной, входя в спальню; на голове у него надеты очаровательные уши Олененка Рудольфа. Он протягивает мне бокал шампанского.

– Замечательно, спасибо. Я спущусь через минуту.

– Не медли. Роб уже принялся за пироги с мясом, так что придется поторопиться, если хочешь, чтобы тебе хоть что-то досталось.

И он уносится галопом вниз по лестнице как раз в тот момент, когда дверной звонок возвещает о прибытии очередных друзей.

Я смотрю на бокал с шампанским, зажатый у меня в пальцах, и, не сделав ни глотка, ставлю его на туалетный столик. Открываю верхний ящик. Роюсь в нем, пока не нахожу то, что ищу.

Оно спрятано в носке, и, вытащив его, я, наверное, в миллионный раз смотрю на простую белую пластиковую палочку, лежащую передо мной. На первый взгляд она кажется вполне безобидной, но этот маленький кусочек пластика способен изменить всю мою жизнь. Хочу

ли я этого? Я знаю, что Ной будет в восторге. Не будет задаваться вопросом о том, что делать дальше. Но как насчет меня?

Я еще не сказала ему, что беременна. Не хочу обнадеживать его. А еще не хочу сообщать ему ничего, пока не узнаю, что я сама чувствую по этому поводу. Способна ли я быть лучшей матерью, чем была моя? Что, если мой ребенок станет таким же, как я?

Но я не могу продолжать игнорировать явные признаки, и не в последнюю очередь потому, что одежда уже сидит на мне не так, как раньше. По моим собственным подсчетам, я примерно на двадцатой неделе беременности, может быть чуть больше, и знаю, что времени у меня в обрез. Мне нужно принять решение. Отчасти меня беспокоит сканирование и то, что могут показать результаты анализов, – что этот ребенок был зачат в ту неделю, когда проходил «грязевой забег» и день рождения Шарлотты. Я бы хотела, чтобы никаких сомнений не возникало... чтобы я точно знала, что Ной – отец этого ребенка. Но я усвоила – прочнее и раньше, чем большинство людей, – что ошибки случаются, и как бы сильно тебе ни хотелось изменить прошлое, нужно продолжать двигаться вперед.

И вот я думаю об этом, о насущной необходимости постоянно идти вперед, и в конце концов решаю принять этот факт. Двигаться вперед и не позволять прошлому диктовать мне будущее.

Это дитя – мое.

И его отцом будет Ной.

Глава 44

Я ощущаю прилив бодрости, когда наконец-то возвращаюсь в гардеробную здания суда, – несмотря на то что все еще чувствую усталость после вчерашней вечеринки. Это всего лишь мелкое судебное дело, ничего выдающегося, и хотя я даже не веду его, я все равно признательна за новый старт, который открывает мне дорогу к прежней жизни. К той, в которую я еще недавно не надеялась вернуться. День прошел хорошо – по крайней мере, по моим нынешним меркам. Сегодня не слышалось никаких ехидных комментариев, которые больше пристали бы подросткам в школьной раздевалке.

За последние несколько дней температура воздуха резко упала. Еще не пробило четыре часа дня, но на улице уже темно. Я натягиваю пальто и торопливо спускаюсь по каменным ступеням. Мой подбородок низко опущен, чтобы ветер не задувал в лицо, поэтому я замечаю его только тогда, когда он оказывается почти вплотную ко мне.

– Слежка из кафе? – спрашиваю я.

– Что-то вроде того, – отвечает Отис.

Это напоминает мне о том дне, когда я выслеживала Кристину Лэнг, и заставляет задуматься, как многое изменилось с тех пор: я снова работаю в суде. Ничего впечатляюще интересного и уж точно ничего достойного газетной публикации, но фундамент моей жизни наконец-то снова обрел прочность. Ной даже начал раз в месяц посещать вместе со мной сеансы у Аии, и мне кажется, что у нас действительно что-то получается. Постепенно я учусь допускать его в свою жизнь. Я твердо намерена сделать все, чтобы это сработало, – не только ради нашего будущего, но и ради нашего ребенка.

Плотнее закутываюсь в пальто. Оберегая *ее*, как будто она тоже может замерзнуть на этом холоде. «Она». Я улыбаюсь. Я слишком самонадеянна, однако уверена, что ребенок, растущий внутри меня, – девочка.

– У тебя есть время поговорить? – В голосе Отиса звучит беспокойство, но я уже понимаю, что он приехал сюда не просто так.

Что бы он ни собирался мне сказать, это, должно быть, важно.

– Я бегу из одного суда в другой, так что ты можешь обсудить это по дороге к метро.

– Конечно, – говорит он, и мы спешим в сторону станции «Блэкфрайерс».

Я не знаю, что Отис хочет мне рассказать, но понимаю, что это, скорее всего, связано с тем, что произошло летом, ведь сейчас мы ни над чем не работаем совместно – те судебные процессы, которыми я на данный момент занимаюсь, не стоят его таланта.

– Что ты нашел?

С тех пор как покинула Молдон, я больше не просила его ни о чем. Насколько мне было известно, я получила все необходимые ответы, и пора было наконец двигаться дальше.

– Я работал над одним крупным делом, и в нем было задействовано некое ООО. В общем, суть в том, что я вычислил, как отследить, кто его создал, а также кто вносил каждый платеж на счет ООО, и это заставило меня вспомнить о «Маленькой трастовой компании».

Мы уже на станции, и Отис проходит вслед за мной через турникет и спускается на платформу.

– Но мы уже знаем, что это сделал Макс, – напоминаю я.

– Ты знаешь, что я бесценен именно потому, что ничего не принимаю как данность.

Это правда. Я начинаю скрипеть зубами, не желая знать, что именно он намерен сказать. Только не сейчас. Я не хочу возвращаться к этому сейчас, когда у меня есть важное дело, которое никто не сделает за меня: я собираюсь стать матерью.

Слышу, как поезд мчится к платформе через тоннель, и мне хочется, чтобы он поторопился; чтобы я успела сбежать до того, как Отис разрушит то, чем я живу сейчас.

– Ты говорила, что твоя мать сказала тебе, будто Макс отстранил ее от дел, когда Марк и Беверли появились на пороге ее дома после возвращения из Португалии?

– Верно.

Думаю, Отис чувствует мое желание уйти немедленно и понимает: мне понадобится время, дабы переварить то, что он скажет. Он делает паузу, прежде чем заговорить снова, ожидая, пока поезд с

гулом не промчится мимо нас, втягиваясь на платформу, и только потом продолжает:

– Вот только это вранье. Я проверил: последний платеж на счет Рашнеллов поступил от Эвелин, а не от Макса.

– Хорошо, что ты хочешь этим сказать?

Я снова прокручиваю в голове все подробности, но не могу понять, в чем смысл. Мама сказала, что Макс после второго платежа сам решил разобраться с Рашнеллами. Что все это значит?

– Джастина, – произносит Отис, – я думаю, что вовсе не Макс убил Марка и Беверли Рашнелл. Я полагаю, это сделала твоя мать.

Я благодарна ветру, поднятому встречным поездом, – ветру, который пронизывает меня, напоминая, что все это происходит в реальности, и удерживая меня в настоящем времени. Вхожу в вагон и поворачиваюсь лицом к дверям, наблюдая за Отисом, который остается на платформе. По его глазам я вижу, что он сожалеет. Ему больно было рассказывать, что мама снова солгала мне.

– Что ты собираешься делать? – спрашивает Отис, но я не успеваю найти нужные слова, чтобы ответить: двери закрываются и поезд отъезжает от платформы.

Прежде

Эвелин-мать

Эвелин вела машину, пока Макс сидел на пассажирском сиденье, сгибая и разгибая пальцы. Она заметила, что эта привычка появилась у сына совсем недавно. Раньше у него не было подобного обыкновения, но с тех пор, как он узнал о Рашнеллах, в нем стали происходить мелкие перемены. Мелкие – но они накапливались и превращались в крупные. Эвелин была его матерью; она должна была замечать такие вещи. А главное, она должна была прекратить это.

Эвелин гадала, что так тяготит его: чувство вины или ответственность? Он всегда был очень добрым мальчиком и, повзрослев, не потерял этого качества. Но вкупе с добротой шла излишняя мягкость души. Она знала, что он уже много лет старается выработать в себе привычку быть твердым и решительным, но суть человека изменить невозможно, и Эвелин понимала, как сильно он отличается от нее.

Джастина тоже хотела бы считать себя такой же, как он, но она была куда больше похожа на свою мать, чем ей казалось. Эвелин надеялась, что однажды Джастина увидит в себе отражение собственной матери и поймет, ради чего все это было. Что на самом деле все это было ради нее.

Но сегодня не время для откровений. Сегодня она должна была стать той матерью, которой ей следовало быть всегда. Эвелин осознавала: количество времени, которое понадобится Джастине на то, чтобы разобраться во всем, зависит от того, насколько хорошо она, Эвелин, исполнит свой материнский долг.

Дом номер 34 по Черри-Три-гроув выглядел именно так, как она и ожидала. А почему бы и нет? Она уже много раз проезжала мимо на протяжении последних четырех дней, выстраивая план этой поездки. Дорога заканчивалась тупиком. От жилища Рашнеллов его отделяли несколько домов, он был заставлен беспорядочно припаркованными машинами.

В одном из домов велись строительные работы, возле него практически всегда стоял большой белый фургон, и Эвелин

намеревалась проскользнуть под его прикрытием, так, чтобы не заметили люди, живущие в самом конце улицы. Она с облегчением вздохнула, выехав на дорогу и убедившись, что пока все идет гладко.

Эвелин не знала, как пройдет встреча. Она не могла планировать настолько далеко, но ей хотелось добраться сюда как можно более незаметно. Чем меньше останется следов и свидетельств, которые могли бы выявить их связь с Рашнеллами, тем лучше. Если она чему-то и научилась, будучи столько лет замужем за Джерардом, так это осторожности и постоянной готовности: ничто нельзя исключать, а люди всегда способны на большее, чем кажется, – и на хорошее, и на плохое.

В тот день, когда Эвелин осознала свою силу, она также поняла, что и сама состоит из гремучей смеси хорошего и плохого. Что ей не обязательно выбирать одно из этих двух качеств. Когда у них появился Макс, она думала, что это остановит Джерарда. Но то, что прежде было попытками измотать ее эмоционально, в первый год жизни Макса превратилось в нечто совершенно иное, чудовищное.

Поначалу *эпизоды* (так она предпочитала их называть) быстро сменялись знаками любви – как движение мячика на резинке, вверх-вниз. Только что он прижимал ее к стене, схватив за горло, а спустя минуту освобождал со смехом и улыбкой. Той самой улыбкой, которая когда-то заставила ее влюбиться в него.

Вначале он действовал хитро: не делал ничего, способного оставить отметины, а сосредоточился на болевых точках – на шее, под коленями, на запястьях. Это выливалось для нее в утрату контроля над собственным телом, но Джерард быстро выводил ее из этого состояния, и его действия не оставляли никаких следов. Эвелин списывала его поведение на стресс, связанный с рождением ребенка. Возможно, это посттравматическое расстройство, рассуждала она про себя. Когда на свет появлялся Макс, роды оказались тяжелыми для всех них. Тридцать шесть часов, экстренное кесарево сечение и три переливания крови, а затем ребенок никак не мог взять грудь; ее муж беспомощно наблюдал за тем, как медсестры вручную сцеживали из ее груди молоко. «Да, ПТСР», – успокаивала она себя после каждого *эпизода*. Ей нужно просто быть доброй и терпеливой. Она может помочь ему поправиться. Но со временем начало казаться, что он уже

не получает прежнего удовольствия от мелкого мучительства в ее адрес. Как наркоман, жаждущий увеличения дозы.

Кайф от того, что она становится беспомощной и неподвижной, больше не казался ему достаточным. Скоро ему захотелось синяков. Разумеется, расположенных в специально выбранных местах. Он всегда действовал весьма осмотрительно. К тому времени он начал использовать детей против нее.

Эвелин подумывала о том, чтобы обратиться в полицию, но не могла забыть скандал, о котором во времена ее детства писали все газеты: он был связан с тем, что масоны практически заполнили полицию. Это случилось много лет назад, и можно было надеяться, что все изменилось, но те публикации посеяли в ее душе семена недоверия, от которых она не могла избавиться. Не примет ли полиция сторону Джерарда? Единственный человек, на которого могла положиться Эвелин, – она сама. Все остальное слишком рискованно. Так она узнала, что можно проявлять два противоположных качества одновременно – быть и хорошей, и плохой матерью. Плохой матерью, которая не может отыскать способ увезти своих детей подальше от отца и позволяет монстру изображать героя. И в то же время – хорошей матерью, которая отчаянно защищает их и принимает на себя всю боль, чтобы им не пришлось страдать.

Она полагала, что так будет правильно. Она могла бы смириться с тем, что они любят ее меньше, чем его, – до тех пор, пока он не причиняет им боль. Но она ошибалась. Несмотря на все ее усилия, монстр все равно вырвался на свободу. Она на собственном опыте убедилась, что приручить зверя невозможно, и больше не повторит этой ошибки...

Дверной звонок пропел тошнотворно-сладкую мелодию, и Эвелин вслед за Максом прошла внутрь дома, на кухню. Она с гордостью отметила, что эта кухня сильно уступает ее собственной.

– Мы больше не будем платить, – заявила она, радуясь, что ее голос не дрожит.

Но, несмотря на столь уверенное начало разговора, Стоуны быстро потеряли контроль над ситуацией. Рашнеллы оказались более грозными противниками, чем рассчитывала Эвелин. Однако она заранее сознавала, что надежды могут не оправдаться, и потому не

пала духом. На этот раз не она недооценила своих противников – это они недооценили ее.

Она посмотрела на Макса. Ее прекрасный сын... Он сейчас был не похож на себя – глаза расширились от страха, тревога не давала ему стоять на месте, – и это стало для Эвелин решающим фактором.

Изрядная часть ее семьи и так была отнята у нее. Далеко не во всех потерях были виноваты Рашнеллы, она знала это, но не могла позволить им забрать то, что осталось. Она не могла потерять ни сына, ни дочь.

Ее пальцы стиснули холодную металлическую рукоять в кармане, и, когда Марк Рашнелл направился к телефону, решение было принято мгновенно. Времени на слабость не было. Она должна была выполнить важную работу. У Эвелин Стоун было много социальных ролей, но в глубине души она оставалась просто матерью. И сейчас ее сын нуждался в материнской защите.

Глава 45

Поездка домой проходит как в тумане, и я даже удивляюсь тому, что не проехала свою остановку. Я иду домой от станции, и мое расстегнутое пальто развевается на пронизывающем ветру. Я больше не в состоянии чувствовать холод, который пробирает меня до костей. Вместо того чтобы опустить голову и уклониться от резких порывов ветра, я продолжаю смотреть прямо перед собой, благодарная ледяному холоду за напоминание о том, что я все еще жива и что у меня есть это тело – даже когда я чувствую себя отделенной от него.

Моя мать – лгунья.

Моя мать – убийца.

Я крепко стискиваю зубами язык, пока жгучая боль и необходимость от нее избавиться не остаются единственным, о чем я могу думать.

Я пытаюсь осмыслить происходящее, но мозг не может довести до конца ни одну мысль – ее тут же перебивает другая. Если на спусковой крючок в доме Рашнеллов нажала мать, а не Макс, значит, он действительно покончил с собой? О чем еще она солгала? А что насчет Джейка? Если он не помогал Макс, не выгораживал его, то почему теперь его обвиняют в преступлении, которое совершила моя мать?

Я достаю телефон и набираю один из немногих номеров, которые до сих пор знаю наизусть, – наследие моих подростковых лет. Она отвечает быстрее, чем я ожидала, и, несмотря на то что это я ей звоню, я не могу подобрать слова.

– Ты на связи? – спрашивает она.

– Я знаю, – шепчу я. Так громко, как только могу. – Это сделала ты.

– Ты одна?

– Да.

– Я скоро приеду.

Это будет первый раз, когда она навестит меня здесь, в моей новой жизни, и я надеялась этого избежать, но у меня нет сил спорить, и я просто вешаю трубку, не отвечая.

Я вижу ее через окно, когда она выходит из подъехавшего к дому такси, и думаю о том, что, может быть, впервые в жизни вижу ее по-настоящему. Оказывается, моя тихая мать никогда не была такой уж тихой...

Я открываю дверь, прежде чем мама успевает нажать на кнопку звонка, и она заходит внутрь. Мы обе молчим. Похоже, это наша семейная особенность. Я провожаю ее в гостиную и наливаю нам обеим по порции бурбона. Но никто из нас не произносит ни слова. Это такой социальный танец? Игра? Я проглатываю свою гордость и заговариваю первой.

– Больше никакой лжи, – требую я, протягивая ей бокал. Наклонившись, замечаю полукруглый шрам у края ее ключицы – там, где платье не до конца закрывает круглую отметину, которой когда-то заклеил ее мой отец. Это лишь один из многих шрамов, скрытых под одеждой.

– Я приехала сюда не для того, чтобы лгать тебе, – говорит мама, делая глоток.

– Надеюсь, что нет.

И все же я настороже. Я сама давала много обещаний, которые не намеревалась выполнять.

– Что ты хочешь знать?

– Откуда у тебя пистолет?

– Ты всегда начинаешь с практических моментов, – язвительно улыбается мама. – Он принадлежал твоему отцу. Я не знаю, откуда он его взял. Пистолет точно не был зарегистрирован в полиции, но ты же знаешь своего отца – он всегда стремился заполучить то, что давало ему ощущение силы.

– И после его смерти ты оставила его себе?

– А что мне оставалось делать? Не сдавать же в полицию... Кроме того, я хорошо усвоила, что нельзя воспринимать свою безопасность как должное.

– Однако это не уберегло Макса, верно? Мне нужно знать, почему и как он умер, мама. Что случилось на самом деле?

Она закрывает глаза, и я вижу, какую боль причиняют ей мои слова. Я вижу, как они вонзаются ей под кожу, как ее тело сотрясает

физическая дрожь от их воздействия.

– Он был там вместе со мной. Мы с Максом приехали к ним домой. Но он не убивал Марка и Беверли Рашнелл. Твой брат никогда не смог бы никого убить – но ты это уже знаешь. Честное слово, то, что он был со мной в доме, не было ложью. Конечно, Макс не знал, что у меня с собой был пистолет твоего отца; мы оба знаем, что он был слишком мягким для подобных вещей – по крайней мере, пока не стало слишком поздно. В конце концов именно эта мягкость и погубила его. Возможно, в этом и кроется моя ошибка. Он не смог справиться, понимаешь? Макс, которого мы обе знали, после этого убийства просто начал рассыпаться на части. Он и так тяжело переживал этот шантаж, а случившееся оказалось для него непосильной ношей. Я пыталась защитить его, не позволить ему сделать то, о чем он потом пожалеет. Ты должна мне поверить. Он хотел пойти в полицию и сдаться. Чувство вины разъедало его изнутри. Мне просто нужно было выиграть время. Я думала, он послушает меня... Думала, если я буду заботиться о нем, то в конце концов с ним все будет в порядке...

– А когда он не послушал? – Это та часть, которая меня по-настоящему пугает.

– Я забрала у него телефон и заперла его в спальне. Честное слово, Джастина. Я просто хотела защитить его. Я не думала, что он вылезет через окно. – Мама допивает остатки своего бурбона и повторяет: – Мне просто нужно было выиграть время.

Я отодвигаюсь от нее еще дальше. Хотя я и так сижу на другом диване, мне кажется, что это недостаточно далеко. Мой отец, моя мать... В моих жилах течет дурная кровь.

– Но ведь это еще не всё, правда? – Мой голос намеренно бесстрастен. Я не могу позволить себе чувствовать эту боль слишком сильно.

Я не могу позволить этой боли утопить меня, иначе есть серьезная вероятность того, что я никогда не смогу вернуться к жизни. Даже у меня есть свои пределы, и почему-то думать, будто я виновата в смерти Макса, было легче, чем представить, что в ней виновата моя мать. Я и так знала себя, знала, что способна на такие ужасные вещи. Совсем другое дело – верить, что мать виновата в смерти своего ребенка...

— А, ты говоришь о Джейке? — Она смотрит на меня, и я вижу, что ее лицо выражает печаль. Да, это именно печаль, но я не чувствую и следа сожаления.

— Если это вы с Максом побывали в доме Рашнеллов, то почему перед судом по обвинению в двойном убийстве предстал Джейк, а не ты? Ты позволила мне поверить, будто в тот день к ним отправились Макс и Джейк.

— Ты должна понять, что работа матери — защищать своих детей, — говорит она, спрятав руки в складку платья между бедер. Ее глаза горят яростной решимостью, которой я раньше никогда не замечала.

Прежде Макс-брат

Макс не мог перестать прокручивать в памяти эту картину. Кровь. Плоть. Крик. Две пары мертвых глаз, которые, казалось, до сих пор продолжали следить за ним. Даже сейчас они смотрели на него. Он чувствовал, как их взгляд ползет по его коже.

«Мы знаем, что ты сделал».

Он даже не знал, что у матери был с собой пистолет. О чем она только думала? И как только решилась его применить? Каждый раз, когда он смотрел на нее, ему казалось, будто это совершенно другая, незнакомая, женщина.

В его сознании существовали две версии матери – «до» и «после». Мать и убийца. Конечно же, это разные личности, верно? Должно быть, он ошибается. Заблуждается. Возможно, виной всему выпивка – хотя, даже понимая, что нужно остановиться и протрезветь, он не мог это сделать.

Все, что произошло после второго выстрела, было неразберихой, чередой образов, которые он не мог осмыслить. Стоп-кадры без всякого контекста. Так вот каково это – потерять рассудок?

С момента убийства Макс не удавалось вырваться из маминого дома, и, если он правильно вел счет, прошел уже почти месяц. В данный момент он не был уверен: то ли сам не хотел уходить отсюда, то ли ему не разрешали это сделать.

Макс понимал, что мать беспокоится о нем. Он не очень-то хорошо перенес случившееся. Но чего она ожидала? Она сказала ему, будто это ради его же блага. Что это временно. Что до тех пор, пока он не переживет случившееся, ему лучше оставаться с ней. Пусть все, что связано с арестом Джейка, утихнет.

Его поразило, в какой изоляции он оказался с того момента, как Рашнеллы снова вторглись в их жизнь. Он отпугнул Джастину, оттолкнул Джимми и умудрился потерять работу. Не осталось никого, кто скучал бы по нему.

Макс расхаживал по своей старой комнате. И не мог остановиться. Если он останавливался, то глаза, наблюдавшие за ним,

начинали прожигать его плоть. Он ходил туда-сюда, проделав это столько раз, что сбился со счета. Более того, вообще потерял ощущение времени. Но сегодня, когда он бродил от стены к стене, его мысли начали обретать упорядоченность. Если хорошенько напрячься, в воспоминаниях появлялся какой-то смысл. Марк и Беверли. Так их звали. У них был певучий дверной звонок.

И еще было что-то, связанное с Джейком. Время от времени, без предупреждения, воспоминания о поступке матери – об аресте Джейка – внезапно возвращались к Макс, и он корчился от боли, чувство вины становилось физически невыносимым. Конечно, мать не посвятила его в свои планы – несомненно понимая, что он попытается остановить ее. Это было просто смешно: все эти годы они с Джастиной считали свою мать бесхребетной, и вот до чего дошло теперь: он стал марионеткой, а она – его кукловодом...

Нет. Проще было забыть. Макс желал лишь, чтобы все это так и осталось в прошлом. Он не мог жить, зная, что они натворили. Именно в такие моменты ясности, когда туман в голове рассеивался, Макс пытался сбежать. Это звучало драматично, но было правдой.

Потому что, попросту говоря, мать не позволяла ему уйти.

Ты нездоров.

Я просто помогаю тебе поправиться.

Скоро все встанет на свои места.

Но он знал правду. По крайней мере, *иногда* знал. Сегодня был один из таких дней, и Макс повторял про себя: «Марк и Беверли мертвы. Моя мать – убийца. Она подставила Джейка».

Он остановился у зеркала, встроенного в дверцу гардероба. На него смотрело незнакомое лицо. Опухшее от долгого пьянства – он начал пить с того момента, как впервые узнал о Рашнеллах, – с темными кругами возле глаз от недосыпания. Ему нужна была помощь. Макс достал телефон и написал Джимми – единственному человеку, на которого, как он надеялся, можно было положиться.

Он знал, что Джимми зол на него за потасовку в его пабе. Макс до сих пор чувствовал себя виноватым. Именно Эвелин предложила ему встретиться с Джейком. Она сказала, что Макс должен попытаться уговорить его снова уехать, беспокоясь о том, что Джейк слишком долго находится в городе, а это опасно для всех: если Рашнеллы узнают о его присутствии, они могут найти способ шантажировать и

его. Джейк воспринял это не очень адекватно: ему во второй раз посоветовали уехать. Он ответил: «Прошлое осталось в прошлом».

И Макс не мог ничего объяснить, не втягивая Джейка во все происходящее, – а он не собирался это делать. Вместо объяснений выплеснул на бывшего друга свою ярость и страх. Он не смог сдержать себя. Джейк не был ни в чем виноват, но Макс сломался, и вся злость, которую он испытывал по отношению к Марку и Беверли, вырвалась наружу, и тогда он набросился на Джейка и прижал его к стене.

Он не хотел этого, но в последние четыре месяца, с тех пор как в их жизни снова объявились Рашнеллы, ему казалось, что все идет прахом.

Может быть, он уже начал сходить с ума от происходящего, еще тогда – до убийств. Ведь именно об этом ему твердила Эвелин – о том, что от стресса он потерял душевное равновесие.

Да, он сожалел о потасовке в пабе Джимми, но они дружили много лет, и Джимми никогда не мог долго злиться на Макса. И это было важно: ведь Макс знал, кто убил Рашнеллов.

Ему следовало бы сразу обратиться в полицию, но, глядя на свое отражение, он понимал, что выглядит не слишком благонадежно. Нет, сначала ему нужно было как-то разобраться в себе. Если б только он мог выбраться из дома!

* * *

Мать принесла ему ужин на подносе, погладила по щеке и сказала, что ему следует пить больше воды. В этот момент она заметила у него в руках телефон.

– Могу ли я тебе доверять? – спросила она. – То, что я сделала, я сделала ради тебя и Джастины. Ты должен мне верить.

– Ты убила их.

– Я считаю, что они сами себя убили.

– Они этого не делали.

– Но именно это они и сделали, Макс, угрожая уничтожить нас таким вот образом. Я не заставляла их так поступать.

– Так не пойдет. – Он услышал, что его голос стал громче. Настоячивее. Может быть, это не он заблуждался, а она. – Я ухожу.

– Тебе плохо. Тебе нужно остаться здесь.

– Я в порядке.

– Нет, Максвелл Джордж Стоун, ты никуда не пойдешь. Только не в таком состоянии. – Макс был удивлен тем, какой внушительной она казалась сейчас. Откуда в ней взялась подобная сила? – А теперь, – продолжила мать, – дай мне свой телефон. Ты нездоров, только и всего, – повторила она, на сей раз мягче.

И снова он почувствовал, как мертвые пустые глаза всматриваются в него из угла комнаты. Это вызывало боль, от которой хотелось разорвать собственную плоть. Как будто, сделав это, он мог снова спрятаться глубоко внутри собственного «я». Он чувствовал, как слабеет, как из него начинает улетучиваться эта минутная уверенность в себе.

Эвелин наклонилась, взяла с кровати запечатанную банку пива и, открыв ее, протянула ему в обмен на телефон.

– Ты всегда был таким хорошим мальчиком, – произнесла она, выходя из его комнаты и закрывая дверь.

И заперев ее за собой.

«К черту быть хорошим! Я хочу быть крутым!» – эхом прозвучал в его памяти голос пятнадцатилетнего Джимми.

Джимми. У них есть план. Мать забрала его телефон, но Джимми пообещал, что они встретятся после его смены у причала.

Макс следил за тиканьем часов на стене, отсчитывая время до побега. Он прислушивался к шагам матери, пока та укладывалась спать.

Стена за окном поросла колючими побегами лозы. Это будет нелегко, но Макс был уверен, что справится. Более того, он знал, что у него нет выбора: он должен был уйти отсюда.

Глава 46

Моя мать сидит совершенно неподвижно, рассказывая о том, каким нервным был Макс в преддверии дня убийства и каким сломленным он стал после. Она едва берет паузы, чтобы перевести дыхание, когда говорит, будто все сделанное ею было направлено на то, чтобы защитить его от самого себя.

Неужели она так жестко держит себя в руках лишь потому, что боится сорваться?

Поскольку теперь я вижу это в ней: не холодность сковывает ее, заставляя казаться неприступной и отстраненной, а страх.

– Ты боялась папу?

– Я испытывала ужас перед ним. Каждый день. Я боялась, что он причинит тебе боль. А потом он это сделал.

– Почему ты осталась с ним?

Она закрывает глаза и начинает плакать.

– Это сложно. Я думала о том, чтобы уйти. Очень часто. Не знаю, как это объяснить; могу только сказать, что не верила, будто смогу это сделать. Кем я была без твоего отца? Он заставлял меня думать, что я существую только благодаря ему. Что я не заслуживаю жить без него. Не смогу. Кроме того, Джерард никогда не позволил бы мне увезти тебя и твоего брата. Я боялась того, что он сделает, если я осмелюсь хотя бы попытаться. Поэтому я оставалась. И наблюдала. И надеялась, что до тех пор, пока у него есть я, ему не потребуется вымещать злобу на тебе или Максе. – Она открывает глаза и смотрит на меня в упор. – Прости, я была не права.

– Ты отослала меня из дома. – Даже произнести эти слова вслух почти невыносимо больно. Признать, что моя мать бросила меня.

– Чтобы защитить тебя, – с яростной уверенностью отвечает она. – То, что ты совершила, убило бы и тебя, если бы ты осталась.

Я начинаю верить ей. Что-то рушится во мне. Но, надеюсь, это к лучшему. Я думаю, что эта последняя часть прежней меня должна была рухнуть, чтобы я могла восстановиться, став лучше, сильнее, прочнее. Я верю матери: ведь она продолжала любить меня, даже когда знала, что я сотворила.

Неосознанно подношу руку к животу. Я тоже мать. Ответственность за это уже изменила меня. То, что я ем, что пью, как двигаюсь... Так вот что значит стать матерью? Своего рода метаморфоза. Я не думала, что когда-нибудь окажусь достаточно хорошей, чтобы стать матерью, и боялась подвести маленького человека. Но удивила саму себя.

Я *уже* отличная мать.

Вопрос Отиса эхом звучит в моей памяти.

«Что ты собираешься делать?»

Я думаю о письме Джейка и о решении, которое мне предстоит принять, о необходимости найти того, кто виновен в смерти Макса, и о сержанте Роуз с ее вопросами по поводу несчастного случая с отцом.

Какие тайны я должна хранить? Какие должна рассказать?

Моя ладонь плотнее прижимается к животу.

Истина состоит в том, что мои тайны теперь защищают не только меня – они защищают моего ребенка.

Сейчас Джейк-обвиняемый

Джейк сидит на жестком матрасе в своей камере и стучит теннисным мячом о стену. Он не может не думать о том, придет ли она.

Джастина.

Процесс идет чуть больше шести недель, и вот-вот его снова поведут в зал суда в последний раз. Это внушает оптимизм.

Глупо. Но он не может побороть мысли, проникающие в его сознание.

«Время еще есть. Она еще может прийти к тебе».

Эта сеть сплетена слишком прочно. На самом деле Джейк понимает, что Джастина никак не сможет спасти его, не погубив себя, но он надеется, что она, возможно, навестит его, прежде чем поймет, что ей делать дальше. В конце концов, это ее семья отправила его сюда.

И сейчас, пока он сидит и ждет, когда будут окончательно подведены итоги дела против него – и, несомненно, снова оглашены все ужасы преступления, в котором он якобы виновен, – ему снова хочется прикоснуться к ней. Вспомнить, почему и как он вообще оказался здесь.

Восемнадцать лет назад он пожертвовал всем ради Джастины. Но восемнадцать лет – очень большой срок. На этот раз он молчал не столько из любви к ней, сколько по необходимости. Он не мог сказать правду, которая позволила бы ему откреститься от этого преступления, – не мог этого сделать, не признавшись в другом.

Проблема в том, что у него нет возможности проверить, насколько надежно Эвелин сплела эту сеть. Если Джейк скажет правду, не сможет ли она заявить, будто это он виновен в убийстве Джерарда? Сейчас это не кажется ему слишком большой натяжкой. Очевидно, эта женщина способна на большее, нежели всем казалось. Восемнадцать лет назад он был всего лишь мальчишкой. Он наверняка мог допустить какую-нибудь ошибку и оставить свидетельства того, что был там, что

это он переносил тело Джерарда. Конечно, Макса уже нет рядом, чтобы подтвердить его версию событий. А как насчет Джастины?

Без сомнения, она знает, что он невиновен. В ее письме ясно говорилось об этом. Невиновен, но попал в ловушку. Единственная, у кого осталась хоть какая-то возможность повлиять на исход дела, — это она. Решится ли Джастина рассказать свою историю, чтобы спасти его? Давным-давно он пожертвовал всем ради нее...

Он надеялся, что она счастлива. Что все это было не напрасно. Поначалу, после отъезда, Джейк проверял ее соцсети каждые несколько месяцев, но когда она переехала жить к Ною, это стало слишком болезненным. Джейк заставил себя двигаться дальше.

Он ушел, чтобы у нее была своя жизнь. Жизнь, в которой ее не будет сковывать болезненное прошлое. Но теперь, когда на кону стоит его свобода, его жизнь, что будет дальше?

Решится ли она спасти его?

Времени у них в обрез.

В коридоре раздаются звяканье ключей и знакомый стук ботинок.

За ним пришли.

Глава 47

Отделка из полированного дерева наполняет весь зал суда изысканным золотистым сиянием, словно правосудие, вершащееся в его стенах, подчинено неким высшим силам. Благородным. Праведным. Если б только это было так!

Сегодня я здесь не для того, чтобы бороться за правое дело. Нет ощущения причастности к чему-то бо`льшему, нежели я сама. Сегодня я просто зрительница, сидящая на общественной галерее и наблюдающая за тем, как Кристина Лэнг, стоя на прокурорском месте, сияет харизмой. Это мой первый и единственный день присутствия в суде во время процесса над Джейком. Я несколько раз подходила к двери зала в начале слушаний, но никогда не набиралась смелости, чтобы войти. Только сегодня.

Кристина – просто воплощение стихийной силы. Смогла бы я быть настолько обаятельной? Адреналин буквально сочится из ее тела; его хватает, чтобы затопить все помещение. Эта бодрящая энергия словно просачивается сквозь мою кожу.

– Дамы и господа присяжные, вы слышали от представителей защиты, что в начале слушаний Брэд Финчли заявил о своей невиновности. Они утверждают, что он никак не связан с мистером и миссис Рашнелл и что у него не было никаких мотивов вторгаться в их дом, не говоря уже о том, чтобы стрелять в них. Вы слышали, как мистер Мюррей выдвигал различные версии относительно того, у кого могло быть больше причин для убийства этой супружеской пары. Но позвольте мне сказать предельно ясно: мы здесь не для того, чтобы судить Марка и Беверли за их правонарушения. Ваша задача как присяжных заключается не в этом. Система правосудия в этой стране работает иначе. А мы здесь именно для того, чтобы вершить правосудие. Мы здесь не для того, чтобы выяснять, наличествовало ли у них темное прошлое, в котором они мошенничали со страховыми выплатами, и были ли у них внебрачные связи. Мы здесь только для того, чтобы узнать правду о том, что произошло в день их смерти. Не о том, что было до нее. И даже не о том, что было после. Лишь о том,

что произошло пятнадцатого июня – и кто это совершил. Ответ на этот вопрос находится сегодня прямо перед нами.

При обыске у Брэда Финчли была обнаружена сумка, в которой лежало орудие убийства и принадлежащая обвиняемому бейсболка. На внешней стороне сумки обнаружена его ДНК. Бейсболка и пистолет были забрызганы кровью, соответствующей крови Марка и Беверли Рашнелл. Волокна от той же бейсболки были найдены на телах обеих жертв убийства. Это не косвенные аргументы и, в отличие от того, что приводит в защиту обвиняемого мистер Мюррей, не просто гипотезы. Я представляю вам чистые и неоспоримые факты. Брэд Финчли не признал себя виновным, но, несмотря на это, он не смог дать альтернативное, обоснованное фактами объяснение того, почему и как эти предметы оказались у него. Как именно его ДНК попала на орудие убийства или как его бейсболка могла оставить свои волокна на обоих телах, если его не было на месте убийства. Если он их не убивал. Мало того, мы должны принять в рассмотрение намерение, стоящее за убийствами. Это убийство не было случайностью. Обе жертвы были найдены в их собственном доме совершенно безоружными. Это не было актом самообороны. Это не было непредумышленным убийством. Не может быть никаких сомнений в том, что Брэд Финчли хладнокровно убил Марка и Беверли Рашнелл. Я призываю вас принять сегодня правильное решение и признать его виновным в убийстве первой степени.

Я делаю медленный вдох, потом контролируемый выдох и сжимаю в пальцах ожерелье. То самое, которое когда-то подарил мне Джейк. Я с силой стискиваю его; неровные края камня давят на подушечку большого пальца. В зале суда стоит такая тишина, что можно было бы слышать даже падение булавки.

Мистер Мюррей встает, слегка покашливая, и скрип его стула доносится до галереи. Настала очередь защиты изложить свои аргументы таким образом, чтобы они показались присяжным убедительными и понятными. Напомнить: пусть даже на бейсболке была обнаружена кровь убитых, мы можем быть уверены лишь в одном – она, должно быть, контактировала с кровью жертв после того, как были нанесены раны, и до того, как кровь высохла. Это не доказывает, что именно Джейк нажал на спуск. Мюррей станет утверждать со всей убедительностью, на какую только способен, что

на месте преступления не была найдена ДНК Джейка, и будет использовать этот факт, дабы предположить, что Джейка подставили. Он еще раз подчеркнет, что были и другие люди, у которых существовала мотивация для убийства пары. Конечно же, брешь в его аргументах, как указала Кристина Лэнг, заключается в том, что защита не смогла привести никаких доводов в пользу того, кто и почему мог подставить Джейка.

Разумеется, именно поэтому моя мать использовала его. Я не настолько наивна, чтобы полагать, будто его молчание связано с неизбывной любовью ко мне – прошло слишком много времени. Да, он отверг обвинение – предположил, что его подставили, – но не стал применять в этой борьбе все сведения, которыми располагал. Это его вина. Не моя. И это был козырь, который держала в рукаве мама, – ведь Джейк тоже был причастен к сокрытию смерти отца. Зачем признаваться в давнем преступлении и рисковать тем, что на тебя повесят еще и это убийство? Три трупа по цене двух. Особенно учитывая то, что он даже не знал, стану ли я подтверждать правду. Важно отметить, что, хотя Джейк был в курсе, что его подставила моя мать, он понятия не имел, как все это связано с Рашнеллами.

Это была идеальная «уловка-22»^[10]; все, что ей нужно было сделать, – это спланировать, подготовить и осуществить.

Те три часа, которые требуются присяжным для вынесения вердикта, я изо всех сил цепляюсь за тот факт, что Джейк тоже виноват в случившемся восемнадцать лет назад.

Все шумно возвращаются в зал суда, а я до последней минуты стараюсь держаться в тени, не желая привлекать к себе внимание. Но когда снова занимаю свое место, ощущение, что за мной наблюдают, начинает покалывать мою кожу, и я обвожу взглядом зал.

И замираю.

Заставляю свое лицо принять выражение спокойствия.

Когда она приехала? Сержант Сорча Роуз не улыбается, но я вижу: она довольна моей реакцией. Она надеялась, что я замечу ее. Рядом с ней сидит мужчина, и в нем я узнаю журналиста с набережной, того самого, который пытался расспрашивать меня у маминого дома. Так вот что она имела в виду, заявляя, будто журналисты не подчиняются тем же правилам, что и полиция... Выполнила ли она свою угрозу?

Продолжила ли расследовать дело отца, хотя официально оно так и осталось закрытым?

Что им известно?

Судья просит присяжного, назначенного председателем жюри, встать и огласить вердикт, но я не смотрю на него. Я не могу отвести взгляд от того места, где на скамье подсудимых сидит Джейк Рейнольдс, запертый в стеклянной клетке.

Бо`льшую часть сегодняшнего дня я рассматривала его лицо. Наблюдала за тем, как иногда он моргает – неестественно медленно, словно надеясь, что, когда он снова откроет глаза, все это окажется сном. Как раз перед тем, как присяжный начинает говорить, кто-то раздражается приступом кашля, и Джейк вскидывает взгляд к галерее, чтобы посмотреть, что происходит. До этого он не поднимал глаз. Я знала, что ему не нравится идея быть развлечением для кого-то, и потому он избегал смотреть на галерею. Но теперь, когда его вынуждают взглянуть в эту сторону, я вижу, как он обшаривает взглядом каждый ряд. Он кого-то ищет? Неужели меня?

Я сижу в третьем ряду, на втором стуле справа, и проходит совсем немного времени, прежде чем его глаза встречаются с моими. Интересно, видит ли он отсюда, что я беременна? За несколько недель, прошедших после того, как я сообщила Ною новость, я сильно пополнила, и, судя по результатам недавнего сканирования, сейчас нахожусь на второй половине срока.

Когда-то я испытывала удивительное чувство, поймав на себе взгляд Джейка Рейнольдса, но сейчас мне кажется, что моя грудная клетка проминается внутрь. Удушье. Если раньше меня словно пронизывал электрический разряд, то теперь в мое тело словно вонзаются острые ножи. И все же я не могу отвести взгляд.

Утешит ли его то, что я здесь?

В голове проносится текст письма, которое Отис вручил мне, и я думаю, что для Джейка мое присутствие, возможно, выглядит скорее как оскорбление.

Дорогая Джастина!

Что ж, это неожиданно, хотя, учитывая обстоятельства, я знал, что пройдет не так много времени, прежде чем ты снова найдешь меня.

Я понимаю, что ты хочешь получить ответы на многие вопросы, но знай: я никогда не ненавидел тебя и определенно не хотел тебя

бросать. Та ночь была полным хаосом, а мы были слишком молоды. Мы наделали ошибок. Я хотел защитить тебя, но одновременно испугался того, что мы совершили. И поэтому убедил себя, что, оставив тебя, я неким извращенным образом спасаю тебя.

На самом деле, возможно, я просто пытался спасти себя самого.

Я действительно думал о возвращении домой, и в первые несколько лет у меня были некоторые колебания, но та вечеринка затронула не только тебя. Она изменила и меня, и каждый раз, когда я думал о том, чтобы связаться с тобой, не мог заставить себя сделать это. Чем больше времени проходило, тем труднее мне становилось. В конце концов мне понравилась свобода – свобода быть кем-то другим. Увидев, как ты живешь в Лондоне, я тоже захотел жить так, без оглядки на былое. Я никогда не говорил ни маме, ни папе, что сменил имя. Для них я оставался Джейком. Но в остальное время мне было проще забыть о прошлом, будучи просто Брэдом.

Я не могу ответить на твои вопросы, ведь мне известна только часть истории, но если я все еще знаю тебя – и почти уверен в этом, учитывая, что ты нашла способ для общения, – ты сможешь отыскать ответы сама, а когда отыщешь, тебе придется принять решение.

Я знаю, что я сделал и чего не делал. Я также знаю, что мне нужно делать сейчас. У меня не было особого выбора.

А у тебя? Ты еще можешь принять решение. Ты еще можешь изменить ход событий.

Твой Джейк

Мы продолжаем смотреть друг на друга, хотя я уверена, что для него это так же болезненно, как и для меня. Мое присутствие здесь и сам факт, что процесс дошел до этой стадии, подтверждают, что я решила хранить свои тайны. Что я решила рискнуть его жизнью. Позволить суду вынести приговор.

Слова вердикта эхом отскакивают от стен: «Мы признаём подсудимого виновным в убийстве Марка и Беверли Рашнелл».

Прежде

Джейк-любовник

Джейк не ожидал, что его мать за долгие годы успела накопить столько вещей. Это была не его вина: ему никогда раньше не приходилось наводить порядок в доме. К тому же ему пришлось заниматься невероятным множеством бумажной волокиты. «Завещание» и «душеприказчик» – слова, которые он даже не слышал, пока не умерла его мать.

Джейк надеялся, что сможет уехать через две недели, но прошло несколько месяцев, а он все еще торчал в Молдоне, перебирая памятные вещицы детства, о которых давно забыл. Конечно, после отъезда в Глазго он продолжал поддерживать связь с семьей, но со временем это общение сократилось. Он не выдерживал постоянных расспросов. Где он? Почему уехал? Когда вернется? Ложь опутывала его со всех сторон. Отец и мать Джейка во всем винили Джастину, полагая, будто она причинила ему такую боль, что он больше не может находиться в Молдоне. И они не были не то чтобы совсем неправы. То, что он совершил, сделало невозможным его пребывание здесь.

Прошло два месяца, а гараж по-прежнему был забит коробками. Джейк просидел там почти весь день и уже собирался уйти спать, когда заметил сумку. Нельзя сказать, чтобы она была спрятана – просто зажата между двумя коробками в углу. Он решил, что сумка принадлежит его отцу, и был заинтригован тем, что в ней могло оказаться. От отца осталось совсем немного вещей. Похоже, его мать хранила почти все связанное с самим Джейком, но занимала куда более жесткую позицию, когда речь шла о вещах отца.

Он поднял сумку с пола, не заметив, что, в отличие от всего остального в гараже, она не покрыта слоем пыли, и с нетерпением расстегнул молнию.

Он не сразу понял, что терпкий железистый запах – это запах крови. Возможно, если бы Джейк осознал это раньше, он не стал бы с такой готовностью хвататься за то, что находилось внутри. Но он не задумываясь сунул руку в карман сумки и вытащил предмет, в котором с изумлением опознал свою собственную черную бейсболку. Ту

самую, которую он искал всю прошлую неделю и никак не мог найти. Как она оказалась здесь? И почему? Сбитый с толку, он пошире раскрыл сумку и заглянул внутрь.

Пистолет.

На дне сумки лежал настоящий пистолет. Он мог попасть в этот гараж только после того, как Джейк в последний раз надевал бейсболку.

Что происходит?

Он не мог соображать. Более того, едва мог дышать. Выскочив из гаража и все еще сжимая в руках сумку, Джейк помчался вверх по лестнице, судорожно ища, куда бы ее спрятать. Он вспомнил, что отец всегда прятал самые ценные вещи под расшатанную половицу под кроватью, и направился в комнату, которая когда-то была спальней его родителей. Он сдаст находку в полицию, но сначала нужно выяснить, какое отношение все это имеет к нему.

* * *

Джейк слишком поздно понял, что Макс не случайно предложил ему встретиться, чтобы выпить, и что именно с тех пор он никак не мог найти свою бейсболку. Идя в паб, Джейк надел другую кепку, однако был уверен, что в то утро оставил эту на кресле. Когда он вернулся, ее там уже не было. Джейк подумал, что это странно, но решил, что, наверное, что-то перепутал. Позже он понял, что Эвелин, зная, что он ушел на встречу с Максом, должно быть, воспользовалась возможностью проникнуть в его дом и забрать что-то из его вещей.

Чтобы подставить его.

Преднамеренно.

Но как?

Как все эти улики оказались в его гараже?

Он снова и снова прокручивал в голове момент ареста – три недели спустя после ссоры с Максом, – когда сидел в холодной сырой камере в ожидании допроса. У него было только два ключа от маминого дома. Когда полицейские выгребли все его вещи и запечатали их в прозрачный пакет, они забрали у него один ключ. Но, насколько он помнил – и был уверен, что не ошибся, – в тот момент,

когда его выводили из дверей и он бросил последний взгляд через плечо на покинутый дом, на вешалке для ключей все еще висели два ключа. В сумме – три. Лишний ключ блестел на фоне стены. Тот, которого прежде там не было.

Насколько Джейк знал, единственным человеком, у которого имелся ключ от дома его матери, была Джастина. С тех времен, когда они были почти неразлучны. Он не мог заставить себя поверить, что Джастина могла его подставить. Но Эвелин... Она, должно быть, каким-то образом завладела ключом Джестины. Джейк был в курсе, что Джастина в спешке покинула Молдон и больше не вернулась. Может, она забыла ключ у себя дома? Джейк полагал, что у нее не было причин брать с собой этот бесполезный предмет. Должно быть, Эвелин нашла его. И приберегла на черный день.

Джейк не сомневался, что она оставила этот ключ в качестве предупреждения. Она хотела, чтобы он знал – это сделала она. Это был способ заставить его молчать; только осознавая, что за всем стоит Эвелин, он мог понять, что ничего не сможет сделать. Что все это связано со смертью Джерарда, с единственной ошибкой, которую он когда-либо совершил. И теперь эта ошибка настигла его.

«Хорошо подстроено», – думал Джейк, сидя в холодной голой камере, которую ему выделили.

Стоуны всегда любили побеждать. Манипулировать и контролировать ход событий. Он слишком поздно понял, что именно в этом они непревзойденные мастера.

Глава 48

С подъездной дорожки через большое эркерное окно я вижу кипучую деятельность, царящую в нашей кухне. Шарлотта стоит, балансируя на одном из барных стульев, и развешивает украшения. Все смеются, и, судя по тому, как Ной передвигается по помещению, я могу предположить, что они включили музыку. Когда Шарлотта отходит назад, чтобы посмотреть на свою работу, я вижу, что на ленте розовым курсивом начертано «ЭТО ДЕВОЧКА». Еще слишком рано для «бейби-шауэра»^[11], но после того, как мы узнали, что это именно девочка, Шарлотта настояла на праздновании.

– Честное слово, не нужно поднимать такой шум, – сказала я, но она возразила, что вечеринки по поводу определения пола будущего ребенка сейчас в моде. Похоже, это пришло к нам из Америки.

Конечно же, предполагалось устроить послеобеденное домашнее чаепитие. Было поставлено условие – мне не позволено помогать в подготовке или организации. Интересно, насколько это совпадение, а насколько судьба – тот факт, что именно сегодня Джейку вынесли окончательный приговор. Что его прежняя жизнь оборвалась в тот самый день, когда я праздную обретение новой жизни.

Сейчас, когда вокруг меня собрались все те, кого я люблю, пустота, образовавшаяся после смерти Макса, кажется еще огромнее, чем обычно. Смогу ли я когда-нибудь снова почувствовать себя цельной? Он должен был присутствовать здесь. Мой старший брат, чувствуя свою племянницу. Боль до сих пор незримыми тисками сдавливает мою грудь. Неизвестность кажется мне почти невыносимой. Мы никогда не узнаем, упал ли Макс в реку после ухода Джимми случайно, из-за того что был пьян, или же чувство вины переполнило его, достигло того градуса, который оказался невыносим для него, и он решил покончить со всем этим.

Вот так смерть сказывается на тех, кто остался жить. Как можно обрести покой, не имея ответов? Кого я должна простить? Макса? Свою мать? Джимми? Себя? Если нет ответов, не будет и прощения. Думаю, мне суждено вечно злиться и страдать. Все имеет свою цену, и смерть Макса – моя расплата.

Я погружаюсь в собственные мысли, и тут входная дверь распахивается; на пороге стоит Ной, призывая меня бежать внутрь. Бежать – потому что, по любым меркам, на улице уже холодно, а Рождество не за горами. Дом выглядит теплым и счастливым. Может ли дом выглядеть счастливым? До сегодняшнего дня я так не думала. Но да, у меня счастливый дом. Я улыбаюсь, отгоняя прочь мысли о холодной мрачной камере, в которой теперь предстоит жить Джейку.

Едва я оказываюсь внутри, на меня обрушивается волна шума. Дом полон друзей, о присутствии которых я даже не подозревала. Людей, которые хотят участвовать в этой следующей главе моей жизни. «Как прошел сеанс в спа-салоне?» Все они хотят это знать, и я отвечаю им: мол, у меня было прекрасное расслабляющее утро, это было именно то, что мне нужно. Это всего лишь невинная ложь.

– Отлично; ты заслужила, чтобы тебя побаловали! – восклицает Шарлотта, беря меня за руку и ведя на кухню, чтобы я полюбовалась ее приготовлениями.

«Ты заслуживаешь того, чтобы тебя побаловали». Впервые за все время, сколько я себя помню, при мысли о том, что я чего-то заслуживаю, у меня не перехватывает дыхание. Вместо этого я думаю о жизни, растущей внутри меня, и понимаю, что наконец-то могу отпустить прошлое. Я могу разобраться со своей виной, нарезать ее на кусочки и раздать окружающим. Джейк не убивал мистера и миссис Рашнелл, но он все же скрыл смерть моего отца, положив начало всему, что последовало за ней. Это сделал он. Не я. И хотя он не толкал Макса в воду, все же решил попросить его о помощи той декабрьской ночью. Я убеждаю себя, что хотя бы поэтому могу считать его виновным.

Кухня великолепно украшена. Кексы и маленькие домашние бутерброды всех сортов сложены на многоярусных подставках для тортов, которыми уставлена мраморная стойка. Розово-белая арка из воздушных шаров отделяет основную часть кухни от диванной зоны, а на комод в углу горкой лежат подарки.

На этот раз, вместо того чтобы смотреть из машины внутрь дома, я смотрю наружу. Окно кухонного эркера выходит прямо на нашу яблоню. Ребенок толкается внутри, и, когда я кладу руку на живот, меня поражает, насколько верна поговорка о том, что яблоко от яблони

недалеко падает. Какова мать, такова и дочь, и я уже начала защищать своего ребенка со всей яростью материнской любви.

Я перечитывала письмо Джейка снова и снова, пытаюсь решить, что мне делать с истиной, когда я ее узнаю. Но речь шла не только о том, спасти мне маму или Джейка, не о том, как объяснить, что на самом деле произошло с моим отцом, но и о моем нерожденном ребенке. О спасении моей дочери. И, говоря по правде, о спасении меня самой.

Потому что спустя восемнадцать лет я наконец могу признать, что мой отец был прав – все можно трактовать по-разному.

Даже убийство.

Прежде Джастина

Чем дольше Джастина сидела, запертая в шкафу, тем сильнее это меняло ее. Они с Максом выросли, зная, какую власть над человеком имеет одиночество. Насколько опаснее кажется все окружающее. Именно поэтому в детстве они всегда предпочитали прятаться под лестницей вместе, когда крики матери становились слишком громкими, чтобы их можно было игнорировать. Макс притворился, будто это игра в прятки, а Джастина соглашалась. Еще в детстве она знала: это помогает им обоим продолжать жить в воображаемом мире, который построил для них Макс.

На этот раз рядом с ней не было брата, который придумывал истории и игры, чтобы скрыть правду. Она осталась одна, и ей ничего не оставалось, кроме как смириться с этим.

К тому моменту, когда отец отодвинул кресло и распахнул дверь гардероба, Джастину едва можно было узнать. Желание отваги не просто пришло к ней, оно заполонило ее и больше не поддавалось контролю. Она превратилась не в викинга, бьющего в барабан, а в сам барабан.

Она поднялась с пола и посмотрела на отца, который стоял и курил сигару. Он не был крупным мужчиной, но от него исходила энергия, которая придавала ему особенную значительность. Его зеленый бархатный пиджак болтался на плечах слишком свободно, а на лбу выступил пот – вероятно, от выпитого виски.

– Как ты посмел? – спросила Джастина, удивив даже саму себя. – Я твоя дочь.

В голосе ее звучала уверенность и сознание своей правоты, но внутренне ее трясло. Он сломал ее. Покинул ее. Как он мог так поступить с ней? Он ведь ее родной отец!

– Вот именно. Я не могу допустить, чтобы моя дочь распространяла ложные слухи о моем самом ценном компаньоне. Ты знаешь, чем это может обернуться для нас? Ты сегодня едва не разрушила всю нашу семью. – Он говорил тихо, бесстрастно, как будто

не разбил сегодня вдребезги весь мир Джастины, и это только сильнее бесило ее.

– Это не ложные слухи.

– Все можно трактовать по-разному, Джастина; когда-нибудь ты это поймешь.

– И сексуальное домогательство, да?

Они по-прежнему стояли лицом друг к другу. Смотрели друг на друга в упор. Как в бою. Он должен был защитить ее. Почему он этого не сделал? Она хотела заставить его прозреть. Возможно, это по-прежнему оставалось всего лишь одним сплошным недоразумением.

– Он тебя поцеловал?

– Нет.

– Он заставлял тебя трогать его?

– Нет.

– Он тебя изнасиловал?

Джастина заметила, что он даже не вздрогнул, когда задал этот вопрос, и это потрясло ее до глубины души. Как бессердечно это прозвучало из уст ее собственного отца! Она знала, что он может быть жестоким, она слышала это сквозь стены, но никогда прежде эта жестокость не была направлена на нее.

– Нет.

– Ну, тогда... – Он ухмыльнулся. – Да, я бы сказал, что это можно трактовать по-разному.

Значит, это вовсе не недоразумение.

Джерард отвернулся от нее и направился к двери. Это все? Он не собирался узнать ее версию событий? Видеть, как он уходит прочь, было просто невыносимо. Неужели он снова собирается бросить ее? Почему он не стал защищать ее?

Джастина почувствовала себя маленькой. Очень маленькой. Как она могла так мало значить для собственного отца? Она не смогла удержаться от того, чтобы бросить ему вызов. По крайней мере, ссора была лучше, чем его уход. Ощущать себя отвергнутой, как будто ее боли на самом деле не существует, было намного хуже. Как будто она просто выдумала то, что произошло, и об этом даже нет смысла говорить.

Поэтому она постаралась уязвить его посильнее. Что угодно, лишь бы получить ответную реакцию. Лишь бы он не ушел.

– А как насчет того, чтобы бить жену? Это тоже можно трактовать по-разному? – Едва эти слова слетели с ее языка, она пожалела об этом.

Джерард развернулся и быстрыми шагами направился к ней. Его грудь ходила ходуном, ярость переполняла все его существо. Он больше не ухмылялся. Лишь по его глазам Джастина поняла, что зашла слишком далеко. Они сделались невероятно темными.

До нее дошло, что он не намерен останавливаться.

Не в этот раз.

Джастина осознала, что для него это уже не просто игра, о победе в которой он будет рассказывать, ухмыляясь и попыхивая сигарой. Она зашла слишком далеко. Она должна была позволить ему победить.

Словно в замедленной съемке, Джастина наблюдала за тем, как отец отводит руку назад. Он все время смотрел на нее в упор, не стесняясь того, что бьет свою дочь. Сила удара застала Джастину врасплох, хотя она видела этот удар заранее. Боль была яростной, жгучей. Щека горела. Тысячи иголок пронзили кожу.

Джастина задышалась, ее глаза наполнились слезами. Но потом она заставила себя снова выпрямиться во весь рост и усилием воли загнала слезы обратно внутрь. В конце концов, она была Стоун, а значение этой фамилии – «камень». Но, поднимаясь на ноги и прижимая руку к щеке, она задалась вопросом: теперь, когда черта перейдена, остановится ли он когда-нибудь? Роль, которую он играл прежде, – роль отца-героя – ушла безвозвратно. Сегодня вечером он отказался от этой роли. Сможет ли он полностью вжиться в новую роль? В роль злодея, ранее скрытую за закрытыми дверями, в роль, которую он играл только для ее матери...

На мгновение они замерли, наблюдая друг за другом.

Разрыв во времени. Будет ли это молчание знаменовать собой пропасть между «до» и «после»? Оба инстинктивно понимали: что бы ни случилось сейчас, это решит все. Кто сделает первый шаг? Куда они двинутся дальше?

После секундной паузы Джерард спокойно вынул изо рта сигару, которая так и висела между его губами. Джастина поняла, что он решил стать злодеем. Что пощечина была только началом.

Она видела круглые ожоги на теле матери, в тех местах, которые легко скрыть, но от детей ничего не утаишь. Они слишком

чувствительны, слишком малы, слишком наблюдательны. Взрослые забывают, каково это: быть настолько причастным окружающему миру, когда тебя ничто не отвлекает – ни работа, ни обязанности, отрывающие тебя от переживания текущего момента. Дети впитывают всё как губки. Взрослые слепы и невосприимчивы.

Ее родители считали, будто действуют умно, но Макс и Джастина играли в прятки не просто так. Они знали, когда лучше убраться подальше. Спрятаться там, где не видно и не слышно боли матери. Жестокости отца.

Нет, Джастина не позволит ему обжечь и ее.

Она выронила туфлю на шпильке, которую все еще сжимала в руке, и толкнула его. Сильно и резко. Джастина была небольшого роста, но вложила в этот толчок всю свою силу. Она не собиралась допустить, чтобы он сделал ее такой же, какой стала ее мать.

* * *

Джастина видела, как он рухнул – это случилось прямо у нее на глазах. Его голова ударилась о край ее стола и дернулась назад.

Она не знала, на что надеялась, но осознавала, что не позволит ему причинить ей боль, не сдастся без борьбы. Он свалился к ее ногам, но уже начал подниматься с пола. Приподнялся на колени. Одной рукой ухватился за стол. Глаза его были неистово выпучены.

Черт побери, что она наделала?!

Он не был зол – он был в ярости. И Джастина сразу поняла, что он собирается убить ее. Если не сегодня, то впоследствии. Он ни за что не спустит ей это с рук.

Но отец не рассчитывал на то, что Джастина уже не была той кроткой девочкой, которую он запер в шкафу всего несколько часов назад. Вместо того чтобы ослабить ее, это наказание наполнило ее ненавистью. Она ненавидела себя не меньше, чем его, да и мать тоже: как они могли так долго скрывать все происходящее, замечать мусор под ковер? В ней кипела ярость.

Джастина знала, что будет дальше: демонстрация нежных чувств в течение следующих нескольких дней, тяжелая атмосфера, которая будет преследовать ее по всему дому, куда бы она ни пошла. Ложь.

Длинные рукава, выбранные из соображений практичности, а не удобства. Джастина ненавидела свою мать за это и не хотела становиться похожей на нее: кроткой, тихой и слабой. Чужой в собственном доме.

Нет, она была барабаном.

И вот, прежде чем отец успел восстановить равновесие – прежде чем он смог снова причинить ей боль, – она быстро нагнулась и подняла с пола туфлю на шпильке, которую выронила до этого. И ударила.

Один раз.

Два раза.

Потом снова.

С каждым ударом шпилька все глубже погружалась в его висок.

Джастина наблюдала, как из него вытекает жизнь. Он смотрел на нее глазами, полными страха. Хорошо. Она никогда раньше не видела его испуганным. «Помоги», – прошептал он. Но она не пошевелилась. Он боком рухнул на пол и ударился головой об угол стола. От удара зеркало, стоявшее на столе, упало на пол и разбилось на тысячу осколков, в каждом из которых отражалась кровь, сочившаяся из головы ее отца и впитывавшаяся в деревянные половицы.

Джастина смотрела на отца, неподвижно лежащего у ее ног, и, когда ужас от содеянного дошел до нее, с удивлением обнаружила, что этот ужас противостоит оцепенению, готовому сковать ее тело. В ушах эхом отдавался хруст, с которым его голова ударилась об угол стола. Вид его остекленевших глаз, прекративших двигаться, слишком ярко запечатлелся на ее сетчатке. Кровь, пропитавшая доски пола, была слишком влажной под ее ступнями. Отец был мертв. Она убила его. Будет ли ее мир прежним? Сможет ли она сама когда-нибудь стать прежней? Почему после всего, только что сделанного ею, она чувствовала себя такой сильной? Такой живой? Может, это просто страх перешел в адреналиновый выброс? Она не была в этом уверена.

Избегая смотреть в открытые глаза отца, Джастина как можно осторожнее пересекла комнату и вошла в ванную. Стекло разлетелось дальше, чем она предполагала, и с каждым шагом осколки все глубже вонзались в ступни.

Когда она мыла окровавленную шпильку в раковине, ее внимание привлекло то, что вода стала красной. И даже когда Джастина видела,

что туфля уже чистая, ей казалось, будто из крана течет кровь. Неужели так будет всегда? Неужели последствия этого поступка будут преследовать ее всю жизнь?

Ей нужно было что-то придумать, причем быстро. Ведь она была барабаном, и он не переставал бить...

Отец назвал ее Джастиной, «Справедливой», и впервые в жизни она почувствовала, что поступила в соответствии со своим именем. Несомненно, отец гордился бы ею.

Благодарности

Говорят, для того чтобы написать книгу, нужно привлечь население целой деревни. Так вот, для написания этого романа понадобился небольшой городок. Не будет преувеличением сказать, что я никогда не написала бы эту книгу без поддержки окружающих. Моих родителей и мужа, которые изменили свои планы, чтобы дать мне время и место для писательской работы. И в первую очередь я должна поблагодарить Люка, который даже не вздрогнул, когда я сказала ему, что собираюсь написать книгу – при этом уже работая полный рабочий день, имея на руках нашу малышку и еще одного ребенка на подходе. Его тихая, но непоколебимая вера в меня никогда не ослабевала (по крайней мере, он никогда не говорил мне ни о чем подобном), и благодаря этому я чувствую себя очень счастливой.

Огромное спасибо моим родителям, особенно моей маме, которая выкраивала каждую свободную минуту, чтобы помочь с уходом за детьми. Больше поддержки я ни у кого не могла бы просить. И спасибо моему папе за то, что он не только рассказал мне, но и показал на собственном примере: погоня за мечтой действительно может привести к ее осуществлению.

Конечно, эта книга никогда бы не увидела свет без моего агента Джульет Мушенс. Не выразить словами, как сильно ты повлияла на мою жизнь – не только в профессиональном, но и в личном плане. Без тебя я бы не стала той, кем являюсь сегодня. Агент, наставник, доверенное лицо и друг – спасибо, что всегда верила в меня, еще за несколько лет до того, как я написала хоть одно слово. Спасибо всей команде «Мушенс энтертейнмент» за их неустанный труд и непревзойденный энтузиазм.

Фиби Морган, редактору мечты, – огромное спасибо за дальновидность и способность увидеть перспективу в замысле этого романа. Я и надеяться не могла на более умного, доброго и проницательного редактора, и я в восторге от возможности работать с вами. Еще раз спасибо всем остальным сотрудникам «Ходдер», участвовавшим в странном и удивительном процессе превращения моего маленького (ну, большого) текстового файла в книгу, которую

люди смогут купить; спасибо Кейт Норман, Лидии Благден и Аленне Хаджигеоргиу – и это лишь часть имен, все я даже не смогу перечислить.

Есть также люди, без любви и поддержки которых я просто бросила бы писать: Фрэн, Софи, Лори и Люси – спасибо за предварительное прочтение, за ободряющие и мудрые слова. Отдельное спасибо Каре, которая вместе со мной пережила все взлеты и падения. За мемы, кофе и смех.

И наконец, спасибо двум моим прекрасным девочкам, Хейзел и Флорри, за то, что позволили мне представить, как упорно мать может бороться за своих детей. Нет любви, подобной этой.

Спасибо за выбор нашего издательства!

Поделитесь мнением о только что прочитанной книге.

notes

Примечания

Крамбл – английский десерт, пирог, представляющий собой запеченные ягоды или фрукты, покрытые крошкой из песочного теста.

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

«Уайт лайтнинг» (*англ.* White Lightning) – марка сидра.

Джастина (Justine) – от англ. *justice* (справедливость).

Да`леки – вымышленные фантастические существа-мутанты из сериала «Доктор Кто». Лишены всех чувств, кроме ненависти. Их излюбленное слово – «Уничтожить!» (Exterminate!).

6

6 футов 4 дюйма – 193 см; 15 стоунов – 95 кг.

Алгарви – регион в южной Португалии.

Бог по-английски – God, буква G – первая в этом слове.

Нетбол – разновидность женского баскетбола.

Уловка-22 – целенаправленно созданная, получившаяся случайно или органично присущая ситуации правовая, административная, социальная либо логическая коллизия, состоящая в том, что попытка соблюдения некоторого правила сама по себе означает его нарушение.

Бейби-шауэр ([*англ. baby shower*](#), дословно – «младенческий душ») – [обычай](#) устраивать [вечеринку](#) для будущей матери и праздновать грядущее рождение ребенка.